

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ
В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД**

Материалы Международной научной конференции

Бишкек — Барнаул, 8–10 июня 2023 г.

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

УДК 94(4/5)(063)
ББК 63.3(51)4я431
П 504

Сборник материалов Международной конференции осуществлен при финансовой поддержке
Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту
«Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности»
(реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Ответственный редактор:

С.В. Землюков, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

С.В. Землюков, доктор юридических наук, профессор

Ю.А. Лысенко, доктор исторических наук, профессор

Ж.О. Омурова, доктор исторических наук, профессор

П 504 Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы в Евразии в средневековый период : материалы Международной научной конференции. Бишкек – Барнаул, 8-10 июня 2023 г. / под ред. С.В. Землюкова. – Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 2023. – 152 с.

ISBN 978-5-7904-2781-7.

УДК 94(4/5)(063)
ББК 63.3(51)4я431

ISBN 978-5-7904-2781-7

© Авторский коллектив, 2023

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии.....	5
<i>Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю.</i> «Оленные» камни древних кочевников в ритуальной практике раннесредневековых тюрок: изучение изваяний с помощью цифровых технологий.....	7
<i>Тишкин А.А., Филимонова Т.Г.</i> Особенности межэтнической интеграции кочевого и земледельческого населения в раннем средневековье (по результатам изучения памятника Шахидон в Таджикистане).....	12
<i>Дашковский П.К.</i> Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии: концепция книги и некоторые итоги изучения научной проблемы	16
<i>Ибрагимов Ж.И.</i> Тюркский каганат: история становления	21
<i>Молотова Г.М.</i> Сведения о взаимоотношениях тюрок с соседями (по данным древнетюркских письменных памятников).....	25
<i>Каратаев О.К.</i> Барс-бек Ынанчу Алп Бильге – один из каганов государства енисейских кыргызов (Смысл и значение государственных титулов и должностей. Вторая половина VII – начало VIII вв.)	29
Бутанаев В.Я. Знаменательные памятники рунического письма кыргызов Енисея	41
<i>Кылычев А.М., Омурова Ж.О.</i> Сведения восточных источников об истории Притяньшаня и сопредельных территорий в эпоху средневековья	48
<i>Шумилов Е.Н.</i> Две жизни Хазарского каганата	54
<i>Садырова З.Т.</i> Вклад профессора Омуркула Караева (1930–2002 гг.) в исследование истории Караханидов	60
<i>Атыгаев Н.А.</i> Из истории казахско-кыргызских отношений в XVI в.	67
<i>Молотова Э.М.</i> Ритуалы суфийских тарикатов Центральной Азии в средневековье	73
<i>Муканова Г.К., Бимаканова З.Ш.</i> Глобальные и локальные ценности вдоль трасс Шелкового пути. Фискальная система в Казахском ханстве	78
<i>Шерстова Л.И.</i> Мировоззренческая основа русско-аборигенных коммуникаций в Южной Сибири в XVII в.	83
<i>Назаров Н.А.</i> Процессы позднего средневековья как фактор этнической трансформации.....	86
<i>Картова З.К.</i> Текстологическое изучение и источниковедческий анализ нарративных документов среднеазиатских правителей периода XV–XVIII веков.....	90
<i>Ужкенов Е.У., Шотанова Г.А., Табынбаева З.С.</i> Антропогенный фактор упадка городской культуры в золотоордынский период на территории Казахстанского Урала.....	100

<i>Баширов А.А., Дуйшеев Ж.А. Локализация средневековых городов Селат и Шикит в северо-восточной Фергане</i>	<i>112</i>
<i>Абидова З.К. Женские божества в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Хорезмского оазиса</i>	<i>117</i>
<i>Ярков А.П. Об эволюции исламской архитектурно-пространственной среды Сибири</i>	<i>122</i>
<i>Голодяев К.А. Заключительный этап русско-телеутской войны в начале XVIII в. и депортация теленгутов за реку Или</i>	<i>131</i>
<i>Торопицын И.В. Взаимоотношения Персии и Хивы в середине XVIII в.</i>	<i>134</i>
<i>Аткунова Д.А. Украшения традиционного костюма коренных малочисленных народов таежной зоны Республики Алтай</i>	<i>139</i>
<i>Прохоров И.Р. Особенности проживания и хозяйства Сибирских казаков в Северо-Восточном Казахстане</i>	<i>144</i>
<i>Каниметов А.К. Место народов алтайского происхождения в мировой истории</i>	<i>147</i>

От редколлегии

В данном сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы в Евразии в средневековый период», которая состоялась в Кыргызском национальном университете им. Ж. Баласагына 8–10 июня 2023 года. Инициатором проведения данного научного мероприятия выступил Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета. Финансирование конференции осуществлялось Министерством науки и высшего образования РФ (госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности») и Министерство науки и образования Кыргызской Республики. Соорганизаторами Конференции выступили Фонд «Мурас» при Аппарате Президента Кыргызской Республики, Международное общественное объединение «Кыргыз тарых коому», Ассоциация азиатских университетов.

Целью конференции являлся анализ исторических, культурно-языковых, социально-экономических, межэтнических, этнокультурных и других процессов в Евразии, связанных с развитием тюркской цивилизации в средневековый период. Работа секций Конференции осуществлялась по следующим направлениям: история тюркских государств Евразии в средневековье; экономика и система жизнеобеспечения тюркских народов; роль Великого шелкового пути в истории тюркских народов Евразии; Социальная организация и социальная структура тюркских государств средневековья; межэтнические и межрегиональные процессы в Евразии в средневековый период; города и городская культура и их связь с кочевым миром; культура тюркских народов Евразии и их исторических соседей в средневековый период и их взаимное влияние.

В работе Конференции приняло участие более 80 ученых, молодых исследователей, представляющих научно-образовательные учреждения России и стран Центральной Азии, а также представители органов власти Кыргызской Республики и общесветных объединений.

Центральным событием Конференции стало открытие Представительского центра НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» на базе Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. В настоящее время НОЦ «Большой Алтай» имеет большую сеть университетов-партнеров, международный коллектив ученых реализует серию научных проектов, связанных с изучением, популяризацией и сохранением историко-культурного наследия тюркских народов. Подробнее о деятельности НОЦ «Большой Алтай» можно ознакомиться, перейдя по ссылке на его сайт (bolshoy-altay.asu.ru).

В рамках Конференции также состоялись следующие программные мероприятия: Международный симпозиум «Историко-методологические и иные аспекты развития архивоведения и источниковедения в странах Центральной Азии», посвященный 60-летию кыргызского историка, кандидата исторических наук, профессора Кыяса Сатаровича Молдокасымова, Председателя общественного фонда исторического и культурного наследия

народа Кыргызстана «Мурас» при Аппарате Президента Кыргызской Республики, Круглый стол «Кыргызстан – ШОС: современные тенденции взаимодействия в контексте проблем безопасности в Центрально-Азиатском регионе»; Дискуссионная площадка по теме «Религиозные верования и культы, ислам и другие мировые религии в истории тюркских государств средневековья».

Материалы, представленные в сборнике, публикуются в авторской редакции. Многие аспекты истории тюркской цивилизации, отраженные в статьях, носят дискуссионный характер. Планируется, что Конференция по теме «Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы в Евразии в средневековый период» будет проводиться с периодичностью один раз в два года. Приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных ученых, молодых исследователей.

Редколлегия

А.А. Тишкин, С.Ю. Бондаренко

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

«Оленные» камни древних кочевников в ритуальной практике раннесредневековых тюрков: изучение изваяний с помощью цифровых технологий

Благодарности: Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»)

Аннотация. Современные цифровые технологии обеспечивают возможности для проведения более глубокого изучения «оленных» камней, получая необходимую детальную информации обо всех изображениях и о технике их нанесения. Важны также фиксируемые параметры с высокой точностью. В случае изменения формы камня в более позднее время можно на основании имеющихся данных экстраполировать геометрию и восстановить утраченные элементы. В статье рассматриваются результаты преобразования и работы с 3D моделью, представляющей собой цифровую копию «оленного» камня из Тувы, переиспользованного раннесредневековыми тюрками для создания новой скульптуры.

Ключевые слова: Тува, тюркские изваяния, «оленный» камень, фотограмметрия, компьютерная обработка, 3D-модель.

A.A. Tishkin, S.Yu. Bondarenko

Altai State University, Barnaul (Russia), tishkin@mail.asu.ru; bonsu@yandex.ru

The "Deer" Stones of Ancient Nomads in the Ritual Practice of the Early Medieval Turks: the Study of Sculptures using Digital Technologies

Abstract. Modern digital technologies provide opportunities for a more in-depth study of "deer" stones, obtaining the necessary detailed information about all the images and about the technique of their application. The fixable parameters with high accuracy are also important. In the case of changes in the shape of the stone at a later time, it is possible to extrapolate the geometry and restore the lost elements on the basis of the available data. The article discusses the results of the transformation and work with the 3D model, which is a digital copy of the "deer" stone from Tuva, reused by the Early Medieval Turks to create a new sculpture.

Keywords: Tuva, Turkic sculptures, "deer" stone, photogrammetry, computer processing, 3D model.

К настоящему времени опубликовано много разных научных трудов, в которых отражены тюркские изваяния, обнаруженные на территории Тувы [1; 2; 3; 4; и др.]. Сведения о них продолжают пополняться за счет проведения археологических исследований, а также при изучении музейных собраний и архивных материалов. Этот массив источников важен для реконструкции разных сторон культуры раннесредневекового населения региона.

В Тувинском институте гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (г. Кызыл) имеется небольшая коллекция каменных изваяний (тувинское название — кижикожээ), которые экспонируются перед

зданием и внутри него. Среди них выделяется скульптура мужчины тюркского времени, которая вертикально закреплена в постаменте и находится в одном из холлов (рис. 1). Информация об этом объекте детально опубликована [5]. Особенность данной статуи заключается в том, что для ее изготовления использовалось древнее изваяние, относящееся к кругу «оленных» камней. Такая ситуация не является уникальной, в том числе для Тувы [6, с. 56, рис. 5.-3, 4]. Тюрки довольно часто разрушали мемориальные и погребальные комплексы культуры херексуров и «оленных» камней для реализации своей ритуальной практики, что особенно проявилось в сооружении оградок и создании своих скульптур [7; 8; 9; и др.]. Можно обозначить несколько причин для объяснения такого отношения к более древним объектам, но наиболее явным является завоевательный характер освоения новых территорий и дополнительная демонстрация своего тотального преимущества.

Рис. 1. Тюркская статуя в холле института
Fig. 1. A Turkic statue in the hall of the institute

При изучении таких изваяний, на которых отражены реалии двух разных исторических периодов, важны оба изобразительных пласта. Однако при их выявлении исследователи сталкиваются с целым рядом проблем, которые в настоящее время можно преодолеть с помощью цифровых технологий. Такой подход продемонстрируем на указанной тюркской статуе, опираясь на предыдущий опыт аналогичного плана [10].

Изваяние было изготовлено из зернистого и красноватого песчаника. Реальные размеры его установить было сложно из-за наличия оригинального постамента (рис. 1). Приводим только видимые параметры: 97х33х18 см. Подпрямоугольный в сечении

каменный блок сломан и состоит из двух скрепленных кусков, покрытых местами пятнами цементного раствора. Место его обнаружения не известно (в институте вообще нет никаких документальных свидетельств об этой статуе). Скульптура долгое время хранилась в складских помещениях и не была доступна для исследователей. Лишь в прошлом году опубликована статья, в которой дано следующее описание: «... Фигура представляет собой человека, изображенного на четырехгранном блоке. Верх головы – прямоугольный, возможно, подразумевал головной убор. Надбровье совмещено с удлинённым носом, переданы волнистые усы и треугольная борода. Глаза большие, немного раскосые, рот изображен валиком. Подбородок заострен, намечена шея. На нижней части памятника изображения отсутствуют. ... На тыльной стороне изваяния имеются изображения, напоминающие реалии оленного камня... Так, на лицевой верхней стороне ... изображены желобки, которые продолжают на том же уровне по боковым частям, опоясывая камень. Исследователи данные изображения называют «ожерельем». ... Под «ожерельем» прослеживаются линии, не исключено, что это могли быть олени, однако из-за повреждений отчетливые изображения не видны. Нижняя часть не проработана. В верхних боковых гранях изображено по большому кругу (диаметр 11 см). На левой боковой грани, под кругом выбиты три или четыре параллельные линии. Еще ниже имеются слабые, плохо различимые выбивки...» [5, с. 60–61]. Данное цитирование является важным, так как имеющееся описание позволяет осуществить сравнительный анализ с полученными результатами осуществленной фотограмметрии экспоната.

Съемка проводилась 14 сентября 2022 г. фотоаппаратом Sony Alpha A7R Mark II Body с объективом Sony FE 28mm f/2 (SEL28F20) и вспышкой Godox AR400. В результате было получено почти 500 снимков, сделанных с разных сторон со средним перекрытием одной точки на 12 снимках. Так как камень покрыт выщербленностями в результате природного воздействия, то края выбивок в некоторых местах оказались слабо определимы. В таких местах дополнительное внимание при съемке было сосредоточено на изобразительных линиях. Плотность таких снимков делалась в 5–7 раз больше, чем на фоновых участках, чтобы не допустить пропуска важных деталей и добиться меньшего размера полигонов.

После компьютерной обработки фотоснимков была построена цифровая копия высокой степени достоверности, состоящая примерно из 100 млн полигонов. Для дальнейшего изучения полученной модели использовался ряд программ компании Autodesk, а для рендеринга правильных ортогональных видов без перспективного искажения и имеющих очень высокое разрешение привлекалась система физически корректного рендеринга V-Ray, позволяющего профессионально работать со светом. Несмотря на любые варианты освещения, видимость выбивки во многих местах оказалась невысокая, ввиду ее крайне малой глубины и разрушенных краев. Более качественно она отражается только в профессиональных пакетах прикладных программ при большом увеличении.

Применение технологии, включающей в себя математические методы расчета освещения и его взаимодействия с объектами, позволило показать поверхностные особенности объекта и добиться выявления рисунка шероховатости (рис. 2). Благодаря компьютерной обработке, которая позволяет получить достаточно детальные изображения и выделяет края выбивок, можно увидеть их форму, а также определить все необходимые параметры. Однако, учитывая большую эрозию камня, в качестве конкретного размера бралась среднестатистическая величина на определенном участке.

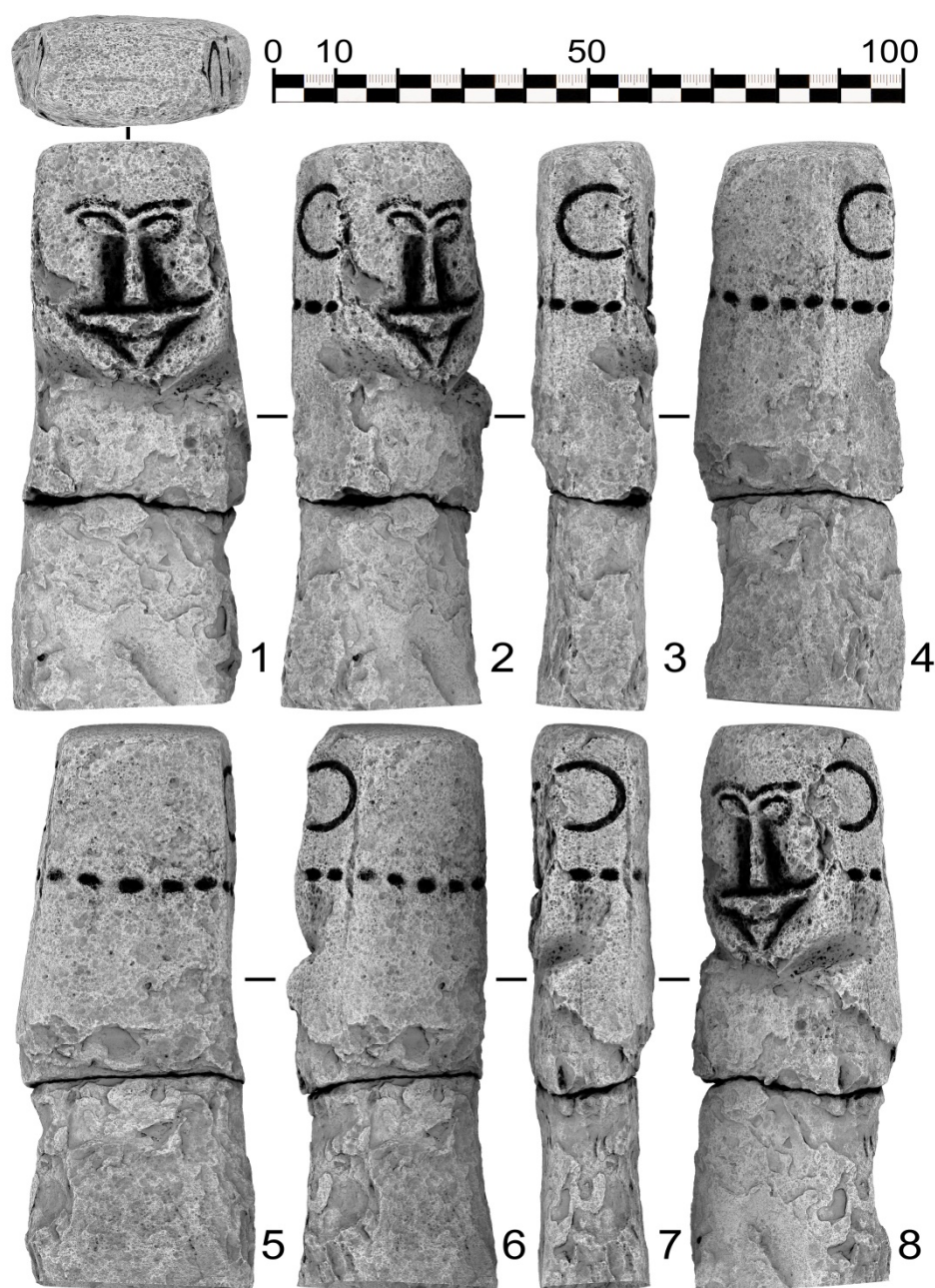

Рис. 2. Компьютерная прорисовка изваяния
 Fig. 2. Computer drawing of the sculpture

В результате исследований геометрии получены следующие данные об «оленном» камне. На трех сторонах блока имеется ожерелье из 10 сохранившихся крупных выбитых лунок размерами 26–40 мм по длине, 17–22 в поперечнике и 0,6–3 мм глубиной. Если провести экстраполяцию и разместить на передней (перелицованной) стороне лунки в тех же размерных пределах, то получим еще пять утерянных аналогичных изображений. Также видно, что линия этих лунок проходит по впадине на тюркской личине над усами (рис. 3а). Особенно хорошо это видно на развертке изваяния (рис. 3б). К сожалению, косых линий на предполагаемой лицевой стороне не выявлено. Их могли просто снести, о чем свидетельствуют следующие фиксации.

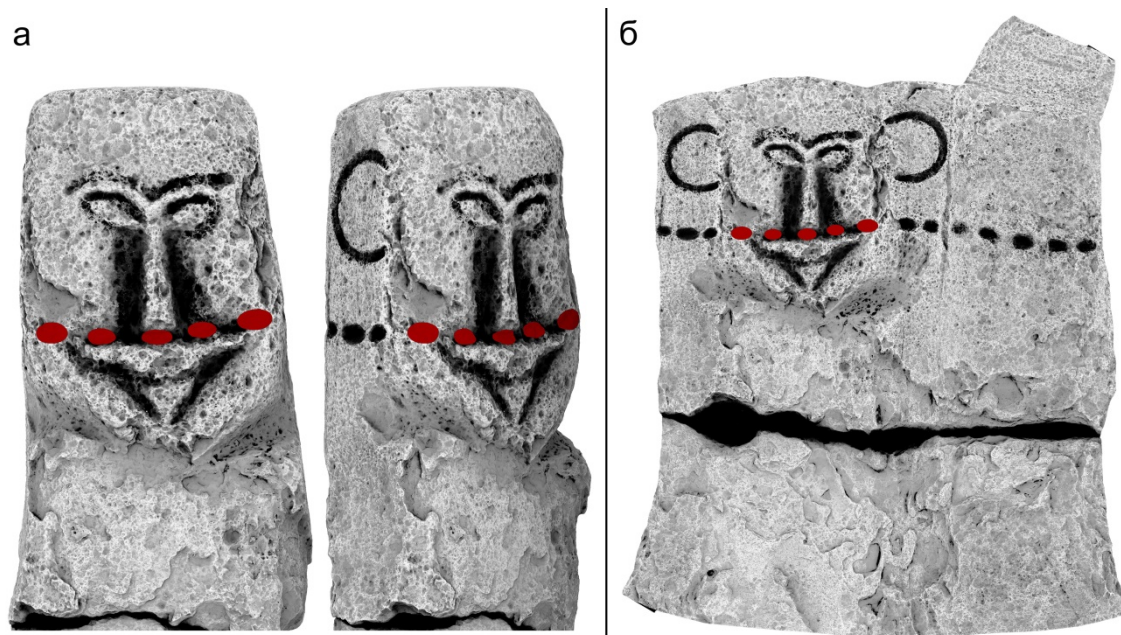

Рис. 3. Предполагаемое расположение утраченных лунок (а),
развертка изваяния (б)

Fig. 3. The estimated location of the lost holes (a);
The unfolding of the sculpture (b)

На боковых гранях фиксируются остатки изображений сережек в форме дуг незамкнутой окружности. Данное обстоятельство как раз указывает на существенное переоформление путем удаления древнего «лица» в виде косых линий-желобков. В результате изначальные кольца стали ушами изображенного тюрка. На одной из граней внешний радиус серьги составлял 126 мм при более-менее ровной толщине выбивки в 11 мм. На противоположной стороне зафиксированы такие размеры – 119 мм и 11–14 мм. Отмеченный разбег данных свидетельствует, что окружность делалась не по шаблону.

Таким образом, привлеченные методы и технологии позволяют наиболее полно демонстрировать тюркские изваяния и выявлять особенности более древних изображений.

Список использованных источников и литературы

1. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 72–120. (МИА. №24).
2. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы: По материалам исследований 1953–1960 гг. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 96 с.
3. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 212 с.
4. Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Каменные изваяния древних тюрков Южной Сибири: каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 79 с.
5. Куулар А.И. О древнетюркском изваянии из коллекции каменных памятников ТИГПИ // Азиатские исследования: история и современность. 2022. №4 (4). С. 57–64.

6. Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченко Г.П. Археологические работы в зоне строительства автомагистрали Кызыл – Самагалтай – Хандагайты на территории Овьурского района Тувинской АССР // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск: Б.и., 1988. С. 54–89.

7. Шелепова Е.В. К вопросу о «переиспользовании» «оленных» камней в памятниках тюркской культуры // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 113–118. (Труды САИПИ. Вып. 3).

8. Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Об использовании «оленных» камней при сооружении тюркских оградок Монгольского Алтая // Известия Алт. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. 2014. №4/1 (84). С. 221–229. DOI:10.14258/izvasu(2014)4.1–37

9. Тишкин А.А., Горбунов, В.В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н.Н. Исследование тюркской оградки на комплексе Хушуун дэнж-04 в Центральной Монголии // Известия Алт. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки и археология. 2015. №3/2 (87). С. 229–238. DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-36

10. Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю. «Оленные» камни, использованные тюрками: новый взгляд на сохранившиеся изображения (по материалам Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 239–247. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.36

Сведения об авторах:

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), тел.: 8(3852)291-256, e-mail: tishkin@mail.asu.ru

Бондаренко Сергей Юрьевич, кандидат технических наук, доцент, научный сотрудник отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), тел.: +7-961-990-00-44, e-mail: bonsu@yandex.ru

УДК 94:316.72(575.3)

А.А. Тишкин¹, Т.Г. Филимонова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

²Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ,
Душанбе (Таджикистан)

Особенности межэтнической интеграции кочевого и земледельческого населения в раннем средневековье (по результатам изучения памятника Шахидон в Таджикистане)

*Благодарности: Статья выполнена при частичной финансовой поддержке Российского
научного фонда (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии:
междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»)*

Аннотация. Исследования раннесредневекового некрополя Шахидон, который располагается на территории с. Сари-Хосор в Хатлонской области Республики Таджикистан,

позволили зафиксировать важные особенности межэтнической интеграции кочевого и оседлого земледельческого населения в долине р. Сурхоб. Такие процессы нашли отражение в погребальном обряде и материальной культуре, в антропологических и археозоологических материалах. В статье приводятся яркие примеры результатов взаимодействия разного населения в контексте письменных данных и исторических свидетельств. Конкретизируется датировка археологического памятника на основе полученной AMS-датировки.

Ключевые слова: Таджикистан, ранее средневековье, археологические раскопки, некрополь Шахидон, кочевники, оседлое население, межэтническая интеграция.

A.A. Tishkin¹, T.G. Filimonova²

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the AS RT,
Dushanbe (Tajikistan)

Specifics of Interethnic Integration of Nomadic and Agricultural Populations in the Early Middle Ages (Based on the Study of the Shakhidon Site in Tajikistan)

Abstract. The research of the early medieval necropolis Shahidon located in the territory of the village Sari Khosor in the Khatlon province of the Republic of Tajikistan allowed to fix important features of interethnic integration of nomadic and settled agricultural population in the Surkhob river valley. Such processes are reflected in the funeral rites and material culture, in anthropological and archaeozoological materials. The article provides vivid examples of the results of interaction between different populations in the context of written data and historical evidence. The dating of the archaeological monument on the basis of the obtained AMS-dating is concretized.

Keywords: Tajikistan, early Middle Ages, archaeological excavations, Shahidon necropolis, nomads, sedentary population, interethnic integration.

В ходе археологических раскопок, осуществленных на раннесредневековом некрополе Шахидон, были получены важные свидетельства о межэтнической интеграции кочевого и оседлого земледельческого населения в период раннего средневековья, что является предметом нашего исследования. Памятник обнаружен в 2011 г. местными жителями на окраине с. Сари-Хосор, в долине горной реки Сурхоб (Бальджуанский район Хатлонской области Республики Таджикистан). Могила располагалась на территории лессового останца, грунт из которого использовался для изготовления строительных блоков. В период с 2012 по 2015 гг. осуществлялись обследования и охранно-спасательные раскопки [1; 2; и др.]. Обнаружено и зафиксировано более 30 погребений, многие из которых оказались разрушенными или разграбленными. В 2019 г. был проведен дополнительный осмотр аварийного памятника и находок, хранящихся в местном сельском музее [3].

К настоящему времени опубликованы краткие результаты биоархеологических и других исследований [4; 5; 6; и др.]. Изучались антропологические материалы и их особенности, а также остеологические останки животных, среди которых оказались кости лошадей, гибридных форм эквидов, крупного и мелкого рогатого скота. Относительно небольшой по объему археозоологический материал позволил предположить наличие у населения, оставившего могильник Шахидон, развитого кочевого животноводства [5]. Осуществлялись археоботанические изыскания. Отдельное внимание уделялось этноэкологическому рассмотрению собранных сведений [6]. Коллекция найденных

предметов материальной культуры состоит из оружия, конского снаряжения, украшений, посуды и других изделий, которые уже частично введены в научный оборот [3; 7; 8; и др.].

Первоначально считалось, что открытый памятник принадлежал эфталитам и датируется на основании обнаруженной монеты 2-й половиной V в. н.э. [1, с. 262]. При получении дополнительных археологических материалов хронологические рамки изменились в пределах VII – 1-й половины VIII в. [3, с. 309; 7; 8]. Данному обстоятельству способствовал анализ мечей, удила с псалиями, стремян и керамики, а также небольшой серии монет.

По образцу из кости от жеребца, находившегося в погребении №20 некрополя Шахидон, получены результаты радиоуглеродного анализа (1295 ± 20 BP, UCIAMS-250235), осуществленного в лаборатории Калифорнийского университета в Ирвайне (США). Данные AMS (ускорительной масс-спектрометрии) представлены в приложении к недавно вышедшей публикации о палеогенетических исследованиях древних лошадей [9]. Калибровка указанной даты выполнялась с использованием доступной программы (<http://calib.org/calib/calib.html>), разработанной в лаборатории 14Хроно Центра по исследованию климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (Северная Ирландия). Установлены следующие калиброванные показатели: по 1 sigma (68,3%) – 673–689 (0.285)*, 696–703 (0.103), 741–772 (0.612) AD (н.э.); по 2 sigma (95,4%) – 664–708 (0.453), 772–774 (0.547) AD. Ориентируясь на показатель средней вероятности (Median Probability) – 726 г. н.э. и датировку найденного предметного комплекса, можно установить время формирования некрополя в таких хронологических рамках: конец VII – 1-я половина VIII в. н.э. Этот период совпадает со временем существования Тюркешского каганата (698–756 гг. н.э.), созданного западными тюрками. В связи с этим важно привести ранее опубликованное сообщение буддийского паломника Хуэй Чао, посетившего Среднюю Азию как раз в 726 г. н.э. Он отметил, что в Хуттале (область в Тохаристане между реками Вакш и Пяндж) одну половину населения составляли местные жители (ху), а вторую – тюрки [7]. Данная ситуация определяла наличие контактов между указанными группами, которые, по всей видимости, проживали в разных природно-ландшафтных зонах и занимались различными видами хозяйства. Рассмотрение некоторых результатов такого взаимодействия при изучении системы жизнеобеспечения уже предпринимались [6; 7; 10]. Письменных свидетельств о реальном положении дел в обозначенном контексте очень мало. Археологические материалы, полученные при раскопках некрополя Шахидон, позволяют фиксировать конкретные факты, которые будут накапливаться при дальнейших систематических исследованиях.

Особенности межэтнической интеграции демонстрируют не только предметы материальной культуры [3, 7; и др.], обнаруженные на указанном археологическом памятнике, но и погребальный обряд, который резко отличался от зороастрийских ритуалов у оседлого земледельческого населения раннесредневековой Бактрии-Тохаристана [6, с. 152–153], при этом демонстрируя явное смешение традиций. Главной особенностью выявленных грунтовых погребений является наличие сопроводительного захоронения верховой лошади (находки представлены в виде целого скелета или остатков «шкур»), что характерно для кочевников [10, с. 35]. Обнаруженные изделия конского снаряжения находят аналогии в раннесредневековых памятниках номадов, изученных в Центральной Азии и Восточной

*Данный показатель в скобках здесь и далее указывает на вероятностное распределение (probability distribution) демонстрируемого значения.

Европе [3; 7; и др.]. Стоит отметить, что в некоторых могилах Шахидона оказались кости мула (лошака) (погребения №6, 8, 28, 30, 31, 33; определение Р.М. Сатаева), и найдено специфическое приспособление из железа для управления таким наиболее строптивым животным [7; 10, с. 36]. Наряду с указанной спецификой, фиксируется такой элемент погребальной практики, как помещение монет в рот умерших людей, что характерно для традиций коренных тохаристанцев [7]. Найденные железные мечи сопоставимы с аналогичными тюркскими изделиями 2-й половины VII – VIII вв. [3, с. 306]. Наконечники стрел и кинжал также связаны с раннесредневековым кочевническим комплексом [7].

Существенным показателем процессов этнокультурного взаимодействия, смешения разных групп населения и формирования новых социумов является керамическая посуда, найденная на памятнике Шохидон [10, с. 36]. Качественно выполненные кувшины из раскопанных могил являлись ремесленной продукцией гончаров из соседних земледельческих селений, а обнаруженные лепные сосуды изготовлены кочевниками [7]. Другие предметы быта, украшения и орудия труда также отражают синтез разных культур, который демонстрирует и обнаруженный антропологический материал. Мужчины-номады азиатского происхождения брали в жены женщин из автохтонного населения, адаптированного к местным природно-климатическим условиям. Данный факт подтверждается определениями специалистов [5; 6].

По всей видимости, кочевники в основном жили в горах и предгорьях, где имеются наиболее благоприятные условия для подвижного животноводства. Они контактировали с оседлым населением, что приводило к взаимодействию в экономике и культуре [7]. Однако ограниченность пастбищ, меньшая численность кочевников и другие факторы способствовали доминированию местных традиций. Раскопки некрополя Шахидон позволяют более детально изучить механизмы произошедших трансформаций. Для этого необходимо привлечение современных естественно-научных методов, что обеспечит достоверную реконструкцию этнокультурного взаимодействия разных народов рассматриваемого региона в тюркское время [10, с. 37–38].

В заключение необходимо отметить, что изменения, которые произошли в период раннего Средневековья на территории Евразии и были связаны с военными походами центральноазиатских кочевников, а также с формированием и трансформацией тюркской государственности способствовали активному взаимодействию между народами, культура которых базировалась на разных социальных и хозяйственных укладах. Последствия этих процессов можно констатировать даже на современном этапе истории.

Список использованных источников и литературы

1. Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р. Отчет об археологических работах в Бальджуанском районе (2012 г.) // Археологические работы в Таджикистане. 2016. Вып. XXXVIII. С. 315–316.
2. Филимонова Т.Г. Бальджуанская археологическая экспедиция. Раскопки и разведки 2013–2014 гг. // Археологические работы в Таджикистане. 2019. Вып. XXXX. С. 252–266.
3. Тишкин А.А., Филимонова Т.Г., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Шохидон – аварийный могильник раннего средневековья в Таджикистане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. 2019. С. 304–311.

4. Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Предварительные результаты исследования антропологических материалов из раскопок 2012–2013 гг. в Бальджуанском районе // Археологические работы в Таджикистане. 2016. Вып. XXXVIII. С. 67–80.
5. Дубова Н.А., Сатаев Р.М., Куфтерин В.В., Сатаева Л.В. Первые результаты археозоологических исследований на могильнике Шохидон // Археологические работы в Таджикистане. 2019. Вып. XXXX. С. 272–279.
6. Dubova N.A., Filimonova T.G., Sataev R.M., Sataeva L.V., Kufterin V.V., Yamskov A.N. Several Results of Bioarchaeological and Ethnoecological Investigations in Tajikistan. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(3):148–163. (In English). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(3\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(3).-09)
7. Соловьев В.С. Материалы из раскопок могильника Шахидон в Таджикистане // *Filo Ariadne*. 2018. №2. [Электронный ресурс]. URL: filoariadne.esrae.ru/12-209.
8. Тишкин А.А. Рентгенофлюоресцентный анализ монет, обнаруженных при раскопках раннесредневекового могильника Шохидон // Культурное наследие Таджикистана в археологической и междисциплинарной интерпретации. Душанбе: Б.и., 2022. С. 253–257.
9. Librado P., Khan N., Fages A., et al. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes // *Nature*. 2021. Vol. 598. P. 634–640.
10. Тишкин А.А. Результаты культурного взаимодействия кочевого и земледельческого населения (по материалам изучения погребального обряда раннесредневекового памятника Шохидон в Таджикистане) // *Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 34–38.

Сведения об авторах:

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), тел.: 8(3852)291-256, e-mail: tishkin@mail.asu.ru

Филимонова Татьяна Германовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Таджикистан), тел. (99237) 221-37-42, e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru

УДК 902

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии: концепция книги и некоторые итоги изучения научной проблемы

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

Аннотация. В публикации представлены основные итоги изучения кыргызов на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии в эпоху средневековья. Дана краткая характеристика археологических памятников на Алтае, которые связаны с историей кочевников. На основе анализа археологических и письменных источников освещены культурно-хронологические, социально-политические и мировоззренческие аспекты

развития кыргызов на Алтае. Изложены основные содержательные моменты обобщающей монографии по истории кыргызов на Алтае, а также намечены дальнейшие направления изучения данной проблематики.

Ключевые слова: кыргызы, этнокультурные процессы, Алтай, Центральная Азия, погребальный обряд, социально-политическая организация, прозелитарные религии, тенгрианство.

P.K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

Kyrgyz in Altai in the context of ethno-cultural processes in Central Asia: the concept of the book and some results of the study of the scientific problem

E-mail: dashkovskiy@fpm.asu.ru

Abstract. The publication presents the main results of the study of Kyrgyz in Altai in the context of ethno-cultural processes in Central Asia in the Middle Ages. A brief description of the archaeological sites in Altai, which are connected by the history of nomads, is given. Based on the analysis of archaeological and written sources, the cultural-chronological, socio-political and ideological aspects of the development of the Kyrgyz in the Altai are highlighted. The main substantive points of the generalizing monograph on the history of the Kyrgyz people in Altai are outlined, and further directions of studying this problem are also outlined.

Key words: Kyrgyz, ethnocultural processes, Altai, Central Asia, funeral rite, socio-political organization, proselytizing religions, tengrianism.

Памятники кыргызов эпохи средневековья известны на территории Минусинской котловины, Тувы, Алтая, Восточного Казахстана и Монголии. В тоже время период пребывания енисейских кыргызов на Алтае – одна из наименее разработанных тем в кочевниковедении Центральной Азии. Такая ситуация обусловлена тем, что накоплена незначительная источниковая база для всестороннего изучения культуры номадов в этом регионе. История изучения памятников и артефактов, связанных с пребыванием кыргызов на Алтае, подробно освещена в отечественной историографии. В данном случае отметим только, что в настоящее время в Горном Алтае раскопано около 20 погребений по обряду кремация на 9 некрополях, которые соотносятся с культурой средневековых кыргызов (Яконур, Узунтал-ХIII, Кара-Коба-I, Акташ, Бийке, Кок-Эдиган, Коргон-I, Чинета-II, 9 Иванов Ключ I) [3]. Кроме вышеуказанных памятников кыргызской культуры на Алтае исследованы погребения, в которых при отсутствии следов кремации выявлены вещи кыргызского типа. К числу таких можно отнести памятник Беш-Озек [6], погребение у перевала Балтарган на берегу Большого Ильгуменя [22]. В последнем случае обнаружено захоронение человека в гроте с сопроводительным захоронением лошади, но при этом в погребении найден комплекс вещей кыргызского облика. По мнению Г.В. Кубарева [7, с. 293], данное захоронение свидетельствует о достаточно мирном процессе «ассимиляции и аккультурации древними тюрками Алтая немногочисленных кыргызов». В научной литературе встречается еще упоминание о могильнике Чарыш, который имеет определенное отношение к кыргызской культуре. Данный памятник частично исследовался К.Ф. Ледебуром во время его второго путешествия по Чарышу еще в 20-е гг. XIX в. [19; 8, с. 74].

На территории лесостепного Алтая также выявлены несколько могильников, где зафиксированы погребения по обряду кремации, некоторые из которых первоначально связывались авторами с кыргызами: Новофирсово-VII [Алехин, 1990], Корболиха-II, VIII, Гилево-I-V, XI, XV [11, с. 53–56], Михайловка [18]. Однако последующие исследования показали их неоднозначную культурно-хронологическую атрибуцию. При этом, несмотря на изменение культурной атрибуции самих погребений, которые отнесены частью ученых к сросткинской культуре, нельзя исключать кыргызского влияния на определенные типы вещей.

В связи со сложностью в ряде случаев культурной атрибуции погребений по обряду кремации на Алтае эпохи раннего средневековья следует отдельно остановиться на курганном могильнике Сростки-I. Уникальный памятник неоднократно привлекал внимание исследователей. Однако на начальном этапе его изучение в 1920-е – начале 1930-х гг. М.Д. Копытовым, М.Н. Комаровой, С.М. Сергеевым велось еще без основательной документации. Позднее Д.Г. Савинов наиболее полно опубликовал результаты изучения разными исследователями данного могильника. При этом ученый отметил, что, возможно, какая-то часть погребений по обряду кремации с этого памятника может быть связана с кыргызами [15, с. 189]. Позицию Д.Г. Савинова разделяют и некоторые другие ученые.

Кроме могильников, есть данные об обнаружении на территории Горного Алтая археологических объектов другого характера, в частности поселения Куях-Танар [Худяков, 1990], городищ Большой Яломан, Кайсын [10], а также памятники рунической письменности (надписи из Мендур-Соккона и др.) [2]. Находки отдельных рунических надписей в Бичикту-Бом-I, Ялбак-Таш, Кара-Су интерпретируются И.Л. Кызласовым как маркеры манихейских монастырей в регионе [9]. В то же время другие исследователи, занимаясь в разное время переводом надписей, предлагали иную их интерпретацию, не связанную с манихейством [2; 16; 17; и др.].

Кроме того, известны и отдельные случайные находки вещей кыргызского типа, преимущественно предметы вооружения, которые находились в коллекциях Н.С. Гуляева, П.С. Уварова, К.Х.Ф. Ледебура и других исследователей, а затем были рассредоточены по музеям страны [14, с. 162; 20]. Важно указать на то, что значительное число предметов торевтики кыргызского облика стало обнаруживаться после исследования объектов сросткинской культуры в лесостепном и предгорном Алтае. В то же время, как справедливо заметил Ю.С. Худяков [21, с. 208], выделить в полной мере кыргызский комплекс вещей из всего многообразия таких находок не всегда представляется возможным.

Таким образом, в настоящее время на Алтае насчитывается относительно представительная группа разнотипных объектов, которые можно отнести к кыргызской культуре. Опираясь на собранную источниковую базу и, прежде всего, на результаты собственных исследований на могильнике Коргон-I (Усть-Канский район Республики Алтай) и Чинета-II (Краснощековский района Алтайского края) автор статьи предложил рассмотреть историю кыргызов на Алтае в трех аспектах: культурно-хронологическом, социально-политическом и мировоззренческом. В результате была подготовлена и опубликована книга «Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии» [3; 13].

В указанной монографии были отражены основные археологические и письменные данные о пребывании кыргызов на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья. В отличие от Тувы и Хакасии, на Алтае

пребывание кыргызов не носило широкомасштабный характер, поэтому круг археологических памятников существенно ограничен. Более того, на Алтае никогда не было ставки кыргыских каганов. При этом объекты кыргызов обнаружены в разных районах горного и предгорного Алтая, что еще раз подтверждает контроль кочевников за данным регионом. Как правило, за редким исключением в пределах курганных могильников Алтая выявлено по одному кыргызскому погребению. В связи с этим особую значимость имеет введение в научный оборот новых археологических материалов, особенно полученных при раскопках серии погребений кыргызской культуры на некрополе Чинета-II и одного погребения на могильнике Коргон-I в Западном Алтае [3].

Имеющиеся в настоящее время источники позволяют вполне обоснованно говорить о существовании алтайского локального варианта культуры енисейских кыргызов на территории Южной Сибири. Выделенные для алтайского варианта кыргызской культуры яконурский (вторая половина IX – первая половина X в.) и ак-ташский (вторая половина X–XI в.) этапы [18] достаточно хорошо синхронизируются с периодами развития других локальных вариантов, в частности тувинского и минусинского [4].

Важным направлением рассматриваемой тематики является изучение социально-политической организации кочевников [3]. В книге представлены обширный историографический анализ этой проблематики, а также определенные социальные реконструкции на основе алтайских материалов. Для кыргызского общества была характерна военно-иерархическая организация, что прослеживается как по письменным источникам, так и при корреляции сопроводительного инвентаря с особенностями погребальных сооружений. Показательно, что в большинстве кыргызских погребений на Алтае обнаружены разнообразные предметы вооружения, что подтверждает военный статус умерших. При этом необходимо отметить, что в дальнейшем следует направить усилия на обобщение всего массива археологического материала по истории кыргызов в Южной Сибири и Центральной Азии, в том числе с более широким привлечением методов естественных наук. Это позволит, прежде всего, на основе комплексного анализа погребального обряда и инвентаря выйти на новый уровень изучения социальной организации кочевников, выявить элитные воинские погребения, а также рассмотреть влияние кыргызской культурной традиции на другие народы. В данном случае определенные перспективы имеет спектральный анализ металлических изделий, в том числе из драгоценных металлов.

Не меньшую значимость сохраняет и дальнейшее изучение мировоззрения тюркоязычных кочевников [3]. На наш взгляд, для характеристики религиозной системы кыргызов, как и других тюркоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии эпохи средневековья, наиболее подходящим является термин «тенгрианство» («тенгризм»). При этом тенгрианство представляет собой как раз синкретичную систему, одним из компонентов которой являлся шаманизм. С другой стороны, распространение в Центральной Азии прозелитарных конфессий – буддизма, манихейства, несторианства – неизменно отражалось на религиозной жизни тюрков, кыргызов, уйгуров, приводя к формированию синкретичных представлений, обрядов, а также оказывая влияние на искусство. При этом особая роль в успехе распространения конкретной религии принадлежала не столько инициативе миссионеров, сколько позиции военно-политической элиты, оказывающей покровительство новому религиозному мировоззрению. В то же время, несмотря на распространение конфессий и даже использование религиозного фактора в политических целях, тем не менее, ни одна из прозелитарных религий так и не смогла занять прочные

позиции в мировоззрении кочевников, в том числе и кыргызов. Среди перспективных направлений дальнейшего изучения этого аспекта проблематики можно указать на изучение морфологической, стилистической и семантической интерпретации предметов торевтики, выполненных, по мнению ряда исследователей [5], в так называемом буддийско-манихейском стиле.

Таким образом, обобщение археологических и письменных источников позволило рассмотреть историю пребывания кыргызов на Алтае в контексте этнокультурных, социально-политических и религиозных процессов в Центральной Азии в эпоху средневековья. Данная проблематика имеет дальнейшие перспективы для своего исследования, как с точки зрения выявления новых объектов кыргызов на Алтае и сопредельных регионах, так и с точки зрения междисциплинарного и сравнительно-исторического изучения артефактов, полученных при исследовании памятников на Алтае, Хакасско-Минусинской котловине, Туве, Монголии, Восточном Казахстане.

Список использованных источников и литературы

1. Алёхин Ю.П. Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 62–75.
2. Баскаков Н.А. Три рунических надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области // СЭ. 1966. №6. С. 79–84.
3. Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015. 224 с.
4. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.
5. Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. М.; Кемерово, 2008. 332 с.
6. Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Палаш из Беш-Озека // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 2. С. 239–242.
7. Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. I. С. 290–298.
8. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Свод археологических источников. М., 1983. Вып. 3. С. 3–18.
9. Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. М., 2004. С. 111–129.
10. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 137–185.
11. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.
13. Руденко К.А. Рецензия на книгу: Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии / отв. ред С.Г. Кляшторный. - Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2015. 224 с. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии. Барнаул, 2015. Вып. VIII, С. 294–301.
14. Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980. Вып. 1. С. 161–169.

15. Савинов Д.Г. Сроткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 175–190.
16. Сейдакматов К. Древнетюркские надписи на Горном Алтае // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964. С. 95–98.
17. Тенишев Э.Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 262–265.
18. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.
19. Уманский А.П. Археологические раскопки Ледебура в Горном Алтае // Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Горно-Алтайск, 1964. Вып. 6. С. 35–52.
20. Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 186–201.
21. Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Исторический ежегодник: Спец. вып. Омск, 2000. С. 202 – 215.
22. Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. №3. С. 46–53.

Сведения об авторе: Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул), dashkovskiy@fpn.asu.ru

УДК 321(091)

Ж.И. Ибрагимов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан)

Тюркский каганат: история становления

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА000002)

Аннотация. Объектом изучения данной статьи являются особенности общественно-политического строя государства тюркских племен Центральной Азии. С этой целью был проведен анализ сведений письменных источников, охватывающих период с истории хунну до тюркского каганата. Необходимость привлечения данных источников было связано с наблюдаемой устойчивой преемственностью политических традиций. В ходе исследования выявлены их общие черты и характер развития, а также показаны особенности тюркского периода в истории средневековых кочевников. При этом на первый план среди других вопросов социально-политической истории тюркских народов выделяется институт

власти. Проанализированы труды, опубликованные по теме исследования. Выявлена проблема института каганской власти, которая включает: механизмы становления и развития верховной власти, объединение множества разноэтнических племен евразийских степей, формирования организованной военно-политической системы.

Ключевые слова: государство, право, закон, кодекс, тюрк, суд, законность, орган, каганат, система.

Zh.I. Ibragimov

Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, (Kazakhstan)

E-mail: zhamaladen@mail.ru

Turkic Khaganate: the history of formation

Abstract. The object of study of this article is the features of the socio-political system of the state of the Turkic tribes of Central Asia. For this purpose, an analysis was carried out of the information from written sources covering the period from the history of the Xiongnu-Turkic Khaganate. The need to involve these sources was due to the observed steady continuity of political traditions. The study revealed their common features and the nature of development, and also showed the features of the Turkic period in the history of medieval nomads. At the same time, the institution of power stands out among other issues of the socio-political history of the Turkic peoples. The papers published on this research are analyzed. The problem of the institute of kagan power is revealed, which includes: the mechanisms of formation and development of the supreme power, the unification of many ethnically diverse tribes of the Eurasian steppes, the formation of an organized military-political system.

Keywords: state, law, law, code, Turk, court, legality, body, kaganate, system.

Кочевая цивилизация, если она была, то рельефное всего и с большей зрелостью она выступила именно в Центральной-Азиатской части Земли, часто именуемой в истории Великой Степью. Основной формирующей этнической группой здесь были тюрки и их предки, потому и эту Степь в культурно-этническом смысле называли Тураном или Туркестаном.

Известные ученые проф. Асфендияров С.Д. и проф. Кунте П.А. в 1935 г. написали: «Центральная и Средняя Азия (включая сюда и территорию современной КазАССР) делилась на две крупные области: область оазисной, поливной, земледельческой культуры на берегах великих азиатских рек (Желтой реки /Хуанха - Ж.И./, Янцзы, Тарима, Аму- и Сыр-Дарьи, Ганга, Инда, Тигр и Евфрата) и область великих азиатских пустынь и полупустынь. Первая область – область древнейшей культуры человечества. Эти области соединялись между собой караванными торговыми путями, пересекавшими великие пустыни и полупустыни Азии... Смешение различных рас и племен на территории Казахстана происходило еще в глубокой древности...» [1, с. 6].

К этому можно добавить, что кочевые цивилизации способствовали взаимодействию древних земледельческих оазисов Азии и Европы и формировали собственную уникальную культуру, обогащенную влиянием соседних народов. Одним из грандиозных государств на территории Казахстана в раннее средневековье был Тюркский каганат.

Впервые слово «тюрк» зафиксировано в летописях китайской династии Вэй-бэй в V веке н.э. Академик А.Н. Кононов переводит его как «сильный», «крепкий». Поначалу

бывшее собирательным именем, оно со временем стало этническим наименованием племенного объединения. В летописи зафиксирована легенда о мистическом происхождении тюрков: «Одно из хуннских племен периода правления центра Аттилы было истреблено врагами. Уцелел лишь один девятилетний мальчик, которому были отрублены руки и ноги. Мальчика подобрала волчица и убежала с ним на Алтай. Там она родила от брака с приемышем десять детей. Через несколько поколений из них вышел некий Асянь-шэ (Ашина)» [2, с.22–23]

Слово «Ашина» означало по-монгольски «благородный волк». В V веке вокруг князя Ашины сплотились тюрками имевшие свой язык и территорию. Арабы называли тюрками всех кочевников Средней и Центральной Азии. Иранский ученый Рашид-ад-Дин (1247–1318) начал различать тюрков и монголов. До последнего времени тюрки считают своим предком волка. Золотая волчья голова украшала тюркские знамена. Казахский акын XIX века, учитель Джамбула Суюнбай, оставил такие строки:

Мой родовой уран призыв – волчья голова.

На знамени моем – волчий оскал.

Кровь вскипает в груди, когда лютое знамя,

Когда волчье знамя – впереди.

Потомки тюркских, монгольских, сакских, иранских, финно-угорских племен создали к середине VI века объединение под властью кагана Бумына (546 г.). В науке это государство известно как Тюркский каганат. Его территория охватывала пространства от Монголии до Крыма и от Сибири до Ирана. Власть кагана была ограничена относительной независимостью кочевых родов и племен, поэтому каган выступал скорее в роли координатора и стратега, чем диктатора. Авторитет его зависел от умения найти общий язык с вождями племен и объединить всех тюрков в победоносном боевом походе. Степные традиции, запрещающие нападение на торговые караваны, авторитет местных вождей и центральная власть, содействовали развитию международных торговых отношений, осуществлявшихся через территорию каганата по Великому Шелковому пути из Китая в Византию и Иран. Этот путь и определил основные политические события того времени.

Тюрки в союзе с Ираном в 563–567 гг. разгромили эфталитов, образовавших в V в. государство на территории Средней Азии, Афганистана и Восточного Ирана. Эфталиты периодически грабили Иран и Северо-Западную Индию, став серьезным дестабилизирующим фактором региона. После победы между бывшими союзниками начался конфликт. Союз распался, несмотря на то, что дочь Истеми-кагана, преемника Бумын-кагана, была женой иранского шаха Хосрова I Ануширвана и матерью наследника иранского престола Хормизда. Но, как известно, «в политике нет вечных друзей, есть вечные интересы» (Уинстон Черчилль), и тюрки вступили в союз с врагом Ирана Византией. Результатом его был обмен посольствами и совместный успешный военный поход на Иран. Затем тюрки под руководством Истеми кагана завоевали Северный Кавказ, Боспор (Керчь) и стали угрожать Византии.

Тюркский каганат вел практически непрерывные войны против государств Северного Китая: Северное Ци и Западное Чжоу. Таспар-каган (572–581 гг.) заставил эти государства платить себе дань.

Начавшиеся в Тюркском каганате распри, война на несколько фронтов, восстания покоренных народов привели к распаду империи на уделы и образованию в 603 году двух каганатов: один (Восточный) расположился на территории Монголии и Сибири, другой

(Западный) – на территории современного Казахстана и до Северного Кавказа. В Восточном каганате преобладал кочевой образ жизни, в Западном – земледельческий, оседлый. Несколько десятков городов было на территории Западно-тюркского каганата, самоназванием которого было «Он Ок Елі» – «Государство десяти стрел», отражающего военно-административное деление каганата. Китайские летописи сообщают, что у тюрков «находится тюркское уложение, хранимое в храме» [3, с. 271].

Как утверждают современные ученые, расцвет Западно-тюркского каганата связан с правлением Шегуя (616–619 г.г.) и Тон-ябгу (619–630 гг.). Шегуй завоевал территорию Алтая и восточное Припамирье, бассейн реки Тарим (на западе Китая, земли современного Синьзян-Уйгурского автономного района) Тон-ябгу возродил активную западную политику и перенес свою зимнюю резиденцию в город Суяб (близ современного киргизского города Токмак), а летнюю – в Минг-булак близ Исфиджаба (около г. Туркестан). Реализуя договорные отношения с Византией, Тон-ябгу принял личное участие в третьем походе византийского императора Ираклия (575–641 гг.) в Закавказье (627-628 гг.) против персов. Тюрки захватили огромную добычу во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Ираклий в знак благодарности возложил на голову тюркского хана собственную корону и дал обещание выдать за него свою дочь, принцессу Евдокию.

При Тон-ябгу кагане был установлен более строгий политический контроль каганата в среднеазиатских государствах: в них были посланы представители кагана – шады (ябгу), стоявшие над местной родовой верхушкой; уполномоченные кагана – тудуны, которым вменялся контроль над сбором податей и ее посылкой в ставку кагана. Местным владельцам (старейшинам) были пожалованы тюркские титулы (бек), как бы включавшие их в административную иерархию каганата. В ход шли и династийные браки: Тон-ябгу выдал дочь за сильнейшего в Средней Азии правителя Самарканда. Подводя итоги правления Тон-ябгу, китайский хронист замечает: «Никогда еще западные варвары не были столь могущественны» [4, с. 94–95].

Западно-тюркский каганат состоял из двух конфедераций племен, границей между которыми была река Или. На востоке, между реками Чу и Или, жили племена дулу, на западе, между Или и Таласом – племена нушиби.

И междоусобица привела к распаду каганата. Этим воспользовалась Китайская империя в 657 г. разгромила ополчение тюрков. Длительная борьба за независимость привела тюрков к успеху и созданию в 699 г. под руководством Уч-элига нового государства – Тюркешского каганата. Этот каганат небезуспешно отстаивал свою независимость от могучих соседей: боевые действия велись одновременно против китайских и арабских захватчиков, но разделенная на 20 областей страна, возглавляемая самостоятельными вождями, утратила единство. В результате кровавых междоусобиц, поддерживаемых силами извне Тюркешский каганат к середине VIII в. перестал существовать.

Почти все государственные образования, великие и малые, в основном тюркские или подвергшиеся тюркизации, сменявшие друг-друга на протяжении многих столетий, оставляли на этом огромном участке земли память о себе в виде жизнестойких и подвергшихся селекции правил и порядков, которые избирательно, вместе с их носителями, редуцировала и осваивала Степь, обогащаясь «свободными» идеями и расширяя свои культурные границы. Таков был в основном общий фон социально-политических, географических и исторических условий, в недрах которых по-средневековому медленно и

больше естественным путем складывалась правовое поле с характерным для него утверждением гуманистических принципов в межлюдских отношениях.

Список использованных источников и литературы

1. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сборник 1 / Под ред. проф. С.Д. Асфендиярова и проф. П.А. Кунте. Алматы: Казахстан, 1997. 279 с.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Т-во «Клышников-Комаров и К.», 1993. 297 с.
3. Бичурин Н.Я. Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.-Л., 1950. 387 с.
4. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 352 с.

Сведения об авторе: Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и гражданского права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, тел.: 87057578651, e-mail.ru: zhamaladen@mail.ru

УДК 930.221(575)+398:94(575).04

Г.М. Молотова

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова НАН РК, Алматы (Казахстан)

Сведения о взаимоотношениях тюрков с соседями (по данным древнетюркских письменных памятников)

Аннотация. Письменные памятники эпохи Тюркского каганата содержат ценные сведения об истории создания взаимоотношений тюркских народов с соседствующими народами, причины падения каганата и воссоздания могущественного государства. Орхон-енисейские стелы содержат лапидарные сведения, но способствующие воссоздать представление о миропонимании тюркских народов, традиционной культуре. Надписи на камнях служат напоминанием о соседних странах и народах, об их политике. В рамках доклада рассмотрено взаимоотношение кочевых и оседлых народов, отношение табгачей к тюркам.

Ключевые слова: древнетюркские письменные памятники, взаимоотношение, тюркский каганат, идея единства, поддерживающая функция божеств, топонимы, этнонимы.

G.M. Molotova

The Institute of Oriental Studies after named R.B. Suleimenov, Almaty (Kazakhstan)

Data on relationships of Turkic peoples with neighbors (according to ancient Turkic written monuments)

Abstract. Written monuments of the era of Turkic Khaganate contain valuable data about the history of the creation of relationships between Turkic peoples with neighboring peoples, the causes of the fall of Khaganate and the reconstruction of a powerful state. Orkhon-Yenisei steles contain lapidary information, but helping to recreate the idea of the worldview of Turkic peoples, traditional culture. The inscriptions on the stones serve as a reminder of neighboring countries and peoples, of

their policies. Within the framework of the report, the relationship between nomadic and settled peoples, the attitude of Tabghaches to Turkic peoples was considered.

Keywords: ancient Turkic written monuments, relationships, Turkic Khaganate, the idea of unity, supporting the function of deities, place names, ethnonyms.

Оставить наставления последующим поколениям как строить взаимоотношения с соседями, поделиться опытом строительства государства, и, главное, каким образом сохранить стабильность в стране были сделаны надписи на камнях. Судя по данным древнетюркских письменных памятников, правильное понимание намерений соседствующих народов выступало не только залогом процветания государства, но оградить тюркский народ от кабалы более развитого государства. При этом выбор материала для надписи выбран «вечный материал», которым являлся на тот период камни. Как утверждают исследователи истории тюркских народов, эти источники непосредственно связаны с обрядовой культурой. Они сооружались как напоминание о деяниях почившего кагана или его приближенных [1, с. 434]. В результате проведения палеографического исследования памятников Кызласов Л.И. установил «не этническую, а государственную принадлежность как енисейского, так орхонского письма» [1, с. 438].

Значение орхоно-енисейских памятников для изучения истории тюрков VI–VIII вв. раскрыто в трудах С.Г. Кляшторного. Он участвовал во многих экспедициях, направленных на изучение рунических надписей на камне. Результаты многолетних исследований отражены в его трудах. Самыми значительными из рунических памятников, по мнению С.Г. Кляшторного, являются памятник в честь Кюль-тегина (732 г.), памятник в честь Бильге-кагана (735 г.), памятник в честь Тоньюкука (предположительно 712 и 716 гг.), памятник в честь Кули-чура (721 г.) [2, с. 49]. Благодаря орхоно-енисейским памятникам исследователям стали известны имена двух плеяд каганов: древние каганы (Бумын-каган и Истеми-каган) и каганы, современники создателей памятников (Ильтериш-каган, Капаган-каган, Бильге-каган).

Как известно, Тюркский каганат создан в 551 г. и просуществовал до 744 года. В некоторых источниках временем создания нового государственного объединения указывается 545 год [3, с. 6]. Тюркский каганат был разделен на две части: восточную (правил Бумын-каган) и западную (правил Истеми-каган – брат Бумын-кагана). После смерти Бумын-кагана (553 г.) власть унаследовали его сыновья и внуки.

Истеми-каган покорил обширную территорию от границ Ирана до оазисов Восточного Туркестана и от Аму-Дарьи до южных пределов Афганистана. Со смертью Истеми-кагана (576 г.) завершается более активная позиция каганов Тюркского каганата. Начинается междоусобная борьба потомков великих каганов и каганат ослабевает. Как показывает сравнительный анализ сведений, приводимых в текстах с данными из византийских, арабских и китайских исторических сочинений Бумын-каган и Истеми-каган изображаются как великие завоеватели, добывшие тюркскому элю земли и богатства [2, с. 244]. В Большой надписи памятника в честь Кюль-тегина повествуется, что Бумын-каган и Истеми-каган создали племенной союз и покорили народы, жившие по четырем углам: *«Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их приказные были мудры, были мужественны»* [4, с. 36]. Лапидарно передается информация о мудрости и мужестве каганов и верности их «приказных». В противовес последующие каганы характеризуются отрицательно. Используются выражения «неразумные», «трусливые»: *«После них стали каганами младшие*

их братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели [на царство], надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели [на царство] трусливые каганы, и их «приказные» были также неразумны, были трусливы» [4, с. 36].

Напоминание об истории создания каганата тюрков и причины падения первого тюркского каганата ярко выражены в писаниях на камне. Выше мы отметили, что они служили напоминанием потомкам об успехах и поражениях. Намерение оставить такого рода наставления выступает требованием эпохи. Стелы внушительных размеров содержат сведения об истории строительства и крушения каганатов. В них рассматриваются стремление установления взаимоотношений с соседствующими народами. Окружение другими племенами выражаются пространственными ориентирами в горизонтальном отношении. В них государство тюрков занимает центральное положение, окруженные с четырех сторон различными народами: «Вперед (*т.е. на восток*) я пришел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря; направо (*т.е. на юг*) я прошел с войском вплоть до «девяти эрсенов», немного не дошел до Тибета; назад (*т.е. запад*), переправясь через реку Йенчжу (*Жемчужную*), я прошел с войском вплоть до Темир-капыга (*Железных ворот*), налево (*т.е. на север*) я прошел с войском до страны Йир-Байырку, – вплоть до столь (многих) стран я водил (свои войска)» [2, с. 34]. Из приведенного примера видно, что кратко перечислены завоевательные походы кагана. Здесь интересен тот факт, что обосновавшись в Отюкэнской черни осуществлялись походы. По отношению именно к месту расположения каганата определены пространственные ориентиры. Использовано выражение «булуң» – «сторона». Вероятнее всего, это более древнее определение. Следует отметить, что оно встречается в эпосе о родоначальнике тюркских племен Огуз-кагане – «Огуз-наме».

Достаточно интересны для исследователя более древние тюркские топонимы, указанные в изучаемых надписях. Тюркские топонимы, упомянутые в стелах, были привлечены в круг исследования С.К. Караевым. По его мнению, появление тюркских топонимов на территории Средней Азии связаны с завоеванием «Среднеазиатского междуречья» во второй половине VI в. н.э. [3, с. 24]. В частности он уточнил, что «Йенчу-огуз – древнетюркское название реки Сырдарья. Темир-капуг – Железные ворота, ущелье в Сурхандарьинской области» [3, с. 25].

Согласно «Памятнику в честь Кюль-Тегина» одним из соседних стран является государство табгачей. Они характеризуются как народ платящий дань тюркскому каганату: «У народа табгач, дающего (нам теперь) без ограничения столько золота, серебра, зерна и шелка» [2, с. 34]. Особое внимание обращается на политику табгачей прельщать роскошными подарками и «сладкой» речью. Гибель первого тюркского каганата автор писания видит в следующем: «Хороших и мудрых людей, благородных героев народ табгач и их сторонники не (могли) сдвинуть (с истинного пути)». Другой причиной выступило то, что среди народа распространяли слухи, что «Кто живет далеко, (тому табгач) дают плохие дары, кто живет близко, (тому) дают хорошие дары», тем самым привлекая их обещаниями [2, с. 34]. Автор писания считает, что поверив лести, они предали своего кагана и племенной союз, за это их постигла божественная кара. В данном предостережении продемонстрирована политика табгачей разрушения тюркских государств, как угрозу своему государству. В этом процессе решающую роль сыграли согдийцы, занимавшие высокие посты при кагане Хели. Они способствовали разрушению каганата изнутри. Как утверждает Г.С. Кляшторный, согдийцы «настолько освоили новые земли, что в 679 г. бывшие поданные и приближенные Хели-

кагана отказались присоединиться к его восставшим наследникам» [4, с. 120]. Даже принимают бой против Капаган-кагана в 697 и 702 годах.

Характерной письменным памятникам на камне краткостью повествуется о создании Второго тюркского каганата. Здесь подчеркивается поддержка божествами стремления малочисленного отряда тюрков воссоздать каганат: «тюркский народ говорил: лучше погубим (сами себя) и искореним. И они начали идти к гибели. (Но) вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков (*т.е. Родина*) так сказали: да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет, – так говорили. Небо, руководя со своих (небесных) высот отцом моим Ильтеришем-каганом и матерью моей, Ильбилгя-катун, возвысило их (над народом). Мой отец-каган выступил (сначала) с семнадцатью мужами» [2, с. 37]. Упоминаются такие тюркские племена, как *телис* и *тардуш*, для управления ими назначение ябгу и шада.

Врагами тюрков выступали не только табгачи, но и народ токуз-огузы под предводительством Баз-кагана. Кроме него были враждебно настроены такие племена, как киргизы, курыканы, «тридцать татар», кытай и татабы, с которыми каган воевал. Для восстановления племенного союза, необходимого для сохранения стабильности в стране тюрков был назначен каганом азов Барс-бег и выдана замуж младшая дочь Капаган-кагана [2, с. 38]. Основным принципом в воссоздании племенного союза тюрков Капаган-кагана выступало добровольное соединение тюркских племен. Племен, оказывавших сопротивление, покоряли мечом, о чем кратко сообщено: «Там, где верные племенные союзы и верные каганы, я творил добро (*т.е. действовал справедливо и милостиво*). Живущие по четырем углам (*т.е. сторонам света*) народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными (себе) все они мне подчинились» [2, с. 40].

Таким образом, согласно сведениям, содержащимся в древнетюркских письменных памятниках, государству тюрков свойственна была воинственность, храбрость. Благодаря этим качествам удалось восстановить тюркское государство, начиная с маленькой группой восставших против китайского сюзеренитета. Опыт накопленный в неволе способствовал военному советнику трех каганов – Тоньюкуку определить политику строительства отношений с соседними государствами. Как наставление была высечена надпись на камнях, которые призвана быть напоминанием о предательстве, трусости одних, что послужило крахом каганата и храбрости других, не побоявшихся восстать против государства табгачей и восстановить тюркский каганат. В этих источниках главной идеей выступило единство тюркских народов.

Список использованных источников и литературы

1. Кызласов И.Л. Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия: источники, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2005. С. 227–449.
2. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
3. Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. М.: Инсан, 2008. 192 с.
4. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951. 452 с.

5. Караев С.К. Древнетюркские топонимы Средней Азии // Советская тюркология. № 6. 1985. С. 23–35.

6. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Издательство «Наука», 1964. 215 с.

Сведения об авторе: Молотова Гульбахрем Максимовна, к.ф.н., доцент, главный научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова НАН РК (Алматы, Республика Казахстан), e-mail: gmolotova@mail.ru

УДК 93

О.К. Каратаев

Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына

Барс-бек Ынанчу Алп Бильге – один из каганов государства енисейских кыргызов

(Смысл и значение государственных титулов и должностей.

Вторая половина VII – начало VIII вв.)

Аннотация. В данной статье предпринята попытка изучения высших государственных титулов и должностей в государстве енисейских кыргызов Южной Сибири. Государственные деятели, военачальники, в том числе монархи государства – каганы также носили прижизненные титулы, государственные должности. Одним из ярких представителей государства енисейских кыргызов был каган Барс-бек, который носил государственно-политические и административные титулы *Каган, Ынанчу, Алп, Бильге, Бек*. На смысл, значение и функции некоторых титулов обратимся на этой статье. Енисейские кыргызы в период средневековья имели централизованные органы власти и развитую государственно-административную систему управления на местах. Государственная бюрократия, система управления и названия титулов (эпитеты) в целом были идентичны тюрко-монгольскими кочевыми государствами Центральной Азии в древности и в средневековье. Вместе с тем, система управления у енисейских кыргызов имела свои особенности и различия, которые отражаются в названиях и функциях некоторых государственных титулов и должностей. Анализ государственных титулов, должностей и эпитетов к ним, отражают весьма сложную и развитую систему государственного управления у древних и средневековых кыргызов. Кроме того, попытка систематизации титулов отражают лексическую (языковую) основу происхождения и ареал распространения данных титулов. По нашим уточненным данным, средневековые енисейские кыргызы вплоть до 1703 г. в системе управления государством использовали более 50 титулов и различных должностей. Они, в основном, упоминаются в енисейских письменных памятниках кыргызов, часть параллельных титулов и государственных должностей зафиксированы в китайских письменных источниках в период существования династий Вэй (Северный Вэй), Чжоу, Суй, Тан, Сун, Минь и Цинь.

Ключевые слова: Барс-бек, кыргызы, титул, эпитафия, Танская династия, небесные тюрки, табгачы, хунны (сюнну).

Olzhobay Karataev

Leading Researcher of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

Bars-bek Ynanchu Alp Bilge – one of the kagans of the state of the Yenisei Kyrgyz

(meaning and significance of state titles and positions.

The second half of the 7th-beginning of the 8th centuries)

Abstract. This article attempts to study the highest state titles and positions in the state of the Yenisei Kyrgyz of Southern Siberia. Statesmen, military leaders, including the monarchs of the state - kagans also had lifetime titles, state positions. One of the brightest representatives of the state of the Yenisei Kyrgyz was the kagan Bars-bek, who bore the state-political and administrative titles Kagan, Ynanchu, Alp, Bilge, Bek. On the meaning, meaning and functions of some titles, we turn to this article. The Yenisei Kyrgyz in the Middle Ages had centralized authorities and developed state-administrative departments in the field. The state bureaucracy, the system of administration and the names of titles (epithets) were generally identical with the Turkic-Mongolian nomadic states of Central Asia in ancient times and in the Middle Ages. At the same time, the management system of the Yenisei Kyrgyz had their own characteristics and differences, they are reflected in the names and functions of some state titles and positions. The analysis of state titles, positions and epithets to them reflect a very complex and developed system of state administration among the ancient and medieval Kyrgyz. In addition, an attempt to systematize titles reflects the lexical (linguistic) basis of origin and distribution area of these titles. According to our updated data, the medieval Yenisei Kyrgyz up to 1703 used more than 50 titles and various positions in the state administration system. They are mainly mentioned in the Yenisei written monuments of the Kyrgyz, part of the parallel titles and state positions are recorded in Chinese written sources during the existence of the Wei (Northern Wei), Zhou, Sui, Tang, Song, Ming and Qin dynasties.

Key words: Bars-bek, Kyrgyz, title, epitaph, Tang dynasty, Celestial Turks, Tabgachs, Huns (Xiongnu).

Актуальность темы заключается в том, что древние и средневековые кыргызы создали уникальное централизованное государство и самобытную культуру на просторах Южной Сибири, Западной Монголии и в Восточном Туркестане. Данные китайских и других письменных источников представляют возможность реконструировать государственное устройство Кыргызского каганата, иерархию существующих должностей, титулов и эпитетов к ним. Эти изыскания проливают свет и другие исторические проблемы, связанные с государственным строительством тюрков, уйгуров, карлуков, кимак-кипчаков и др. О государстве кыргызов и его границах, об этнониме «кыргыз» упоминаются в китайских анналах еще III в. до н.э., когда кыргызы были завоеваны (203-201 гг. до н.э.) государством кочевых хунну (сюнну). О кыргызах и их государственно-политическом и военно-административном устройстве китайские историографы довольно четко и достоверно упоминали, особенно, в период Танской династии (618-907 гг.). Китайские императорские историографы описывали государственно-административные устройства государства и титулатуру (государственных должностей) кыргызов, по ним можно будет реконструировать иерархическую лестницу бюрократии и административно-политическую систему в государстве, в которых помимо представителей правящей династии, военных и входили гражданские лица.

В V–VI в. на Енисее начался второй этап развития государства енисейских кыргызов – одного из первых государственных образований в Саяно-Алтайском регионе. Основную территорию расселения южносибирских кыргызов составили степи Минусинской котловины в бассейне Среднего Енисея, территории современной Тувы. В период правления Капаган-кагана (691–716 гг.) II Восточнотюркский каганат достиг своего наивысшего могущества. В этой связи тюркская правящая верхушка предпринимает попытку воссоздания государства своих предков – каганов *Бумына* и *Истеми*. Серьёзным препятствием на их пути стала антитюркская коалиция, созданная Государством кыргызов к 709 г. во главе Барсбек-каганом. В неё вошли Тюркешский и Кыргызский каганаты, Танское государство Китая. Только в VII в., кагану Барс-беку удалось уравнивать кыргызское государство с тюркским. В конце VII в. он принял титул кагана с тронным именем **Ынанчу Али Бильге**. Барс-бек происходил из древней правящей кыргызской династии, благодаря своим личным качествам выдвинулся в государстве Кыргыз. Кроме союза с тюркешами, в борьбе с тюрками Барс-бек пытался заручиться поддержкой Тибета. В качестве посла к тюркешам посылает своего близкого родственника *Эзгене (Эдгене) ичреки*. В 709 г. тюркские войска форсировали Енисей, разбили племена азов и чиков и заняли Туву, сделав её плацдармом для наступления на кыргызов. Барс-бек занял перевалы через Саяны и ждал помощи от своих союзников, но те не пришли. Зимой 710–711 гг. отряды тюрок, возглавляемые Бильге-каганом, его братом Кюль-тегином, и старым опытным военачальником Тоньюкуком, обрушились на кыргызов. Три дня длилась битва в Черни Сунга. Кыргызы потерпели поражение, Барс-бек погиб. Кыргызы стали формально вассалами кёк тюрок. Когда на развалинах II Восточнотюркского каганата возник Уйгурский каганат в 744 г., кыргызы становятся главными врагами уйгуров.

Ынанчу (*Inançı, Yınanç, İnançı*) – высший государственно-административный титул центральноазиатских государств в древности и средние века, тронное имя, титул каганов и членов их семей. Государственный титул широко использовался в тюркских каганатах, уйгурском и кыргызском государствах. Титул довольно часто фиксируется в эпитафийных памятниках кыргызов в бассейне реки Енисей: Е-24/5 (Кемчик-Кая-Башы, Тува); Е-25/5, Означенное I (Хакасия); Е- 26/1 (Очура, Хакасия); Е-29/2 (Алтын-Көл II, Хакасия); Е-32/15 (Уйбат III, Хакасия); Е-63/2 (Ортаа-Хем, Тува); Е-68/3 (Ел-Бажы, Тува); Е-70/1 (Элегест IV, Тува); Е-152/2 (Шанчы, Тува) [14. С.123–178]. На похороны и связанные с ними похоронные ритуалы, посвященные принцу Кюль-тегину в 731 г., прибыло много народа, представители народов, государств, были среди них послы, титулованные государственные деятели. От имени кыргызского кагана прибыл чиновник носивший титул Чур (Чор) Тардуш-Ынанчу. В памятнике повествуется о прибывших представителей различных государств: (53) (13) “От народа “десяти стрел” и от сына моего, кагана тюркешского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге; **от кыргызского кагана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу** (в качестве) соорудителя здания (т.е. храма ?) и камня с надписью, украшенного резьбой, пришли чиновники (камнетесы) кагана табгачей и Чанг-Сенгун” [14. с.81]. В енисейских надписях есть также строки: “*El oğesi inançı bilge*”, “*urung başı ertim, inançı ertim*” (Уйбатский Чаа-тас), в уйгурских буддистских текстах “*el inanç tirek; ol odun inancları buyrukları...*”, по определению исследователей титул равно современному министерскому должности [см.: 32, с.16]. *Inanç* – “высокий государственный должность” [24. с. 309] “главный министр”, “везир” [36, с.86].

Титул “**ынанчу**” кыргызов упоминается в китайских хрониках Танской эпохи (618–907 гг.). По определению синолог Г.П.Супруненко кыргызский посланник в 844 г. китайскому императору носил титул *Тутук Инанчы*: Ди-дэ-и-сы-нань-чжу [VII в. tiei-tak-i-sie-nan-tsiu] посланник (элчи) енисейских кыргызов (844 г.) (Ли Дэ-юй. Указ. соч., т. 1. Цз. 6, стр. 40–42). В составе имени имеется титул «ди-дэ», тибетская транскрипция этих иероглифов – «de-tig» [30, с.136]. Это китайский титул «*ду-ду*», от которого произошло тюркское слово «*тутук*». Вторая часть имени читается «*ынанчу*». Гамильтон упоминает два имени уйгурских посланников X в. – Мэй-юй-нань-чжи и Инь-нань-ди-люе, которое он восстанавливает как Bay Inanc Tirak [40, с. 152]. Что касается формы «*юй-нань-чжи*», то «*юй*» имеет тибетскую транскрипцию «*yi*» или «*yu*» [30, с.134. № 608], следовательно, исходная форма звучит как «*йынанчы*» или «*йунанчы*». Полностью имя читается как «Тутук Йынанчы» [16,79–80].

В китайских источниках сообщаются об кыргызском военачальнике, который носил титул “*Ынанчу*”. *Хэ И-нань-чжи* (合伊难支), кыргызский полководец, который в 863 г. высказывал идею о захвате Ань-си (安西) (Кучи) и прилежащих земель [33, с.395, 396; 49, с. 81]. 合伊难支 Хэ И-нань-чжи, пиньин. hé-yī-nán-zhī < РСК *γәр/γар-ʔji-nan-tciä /tei, РСК *xɪar-ʔji-nan-tʃi [Pulleyblank, 1991: 123, 365, 221, 404] < *alp inañ(i). Данный персонаж формально может быть внешне со поставлен с упомянутым в тексте памятника Алтын-Кёль II (Е-29, стк. 2) *Ынанчу Алп Чангши* [29, с. 69; 19, с.180].

Inañç – антропоним - “*вера, доверие*”, ср.: *Inañçi Mengü* “доверенный, вечный” (Usp,26), *Inañç Sagu* (Usp, 26), *Inañç bek* (МК). 1). *Inan* – верить, доверять: *men anar inandım я верил ему* [14-а, с. 206]. *Inañç* 1. Вера, доверие; 2. “доверенный”, чин, должность; *inanç bek доверенный бек*; *бек, пользующийся особым доверием* [14-а, с.133]. *Inañç bek* – чин, титул; *qayıı inanç bek, kaıı çağıı bek* кто из них *инанч-бек*, а кто *чагры-бек* [6, с. 218]. *Inañçlıq* - *верный*; *Inañsız* - *неверный*. В средневековых письменных памятниках фиксируется имена собственности: *Inañçi Çur, İnançi Qülüg Çigşi, İnançi Bilga* [6, с.219]. *Inanch han, Inanch Kair han, Dadas Inanch Chor, Inanchi Mengü, Inanch bek* и др.

В кыргызских письменных памятниках Енисея чётко отражаются титулы и некоторой степени государственная система управления енисейских кыргызов. В памятнике Кемчик-Кая-Башы (Тува) сообщаются, о том, что “*он Ынанчу Чигши из Кара-Сенгира, в тридцать восемь лет получил титульного имени Удур Чигши*”. Он выступает от имени кыргызского кагана, возможно был наместником кагана в кыштымских (в памятнике кэшдим) урочищах, т.е. зависимых от кыргызов народах. Сообщается о некий *Сангун Бөдбү* – тутука (правителя) области Кара Сенгира [15, с.165]. В памятнике Е-26/1 (Очура, Хакасия) возможно повествуется о правителе кыргызов, имевший семитысячное войско. Его звали *Өгө Ынанчу Бильге* [15, с.167–168]. Как правило, в тюркских каганатах и в Уйгурском государстве, носившие титулы Ынанчу, Бильге были правителями государства. На втором Алтын-Кёльском памятнике (Е-29, Хакасия, Алтын-Көл) повествуется о посланнике кыргызского кагана к государству Тибет, его звали Эрен-Улук, из кыргызского племени Большар. “Свои тридцати восемь лет умерший (погибший) Эрен-Улук принял геройский звание и титул Ынанчу Алп” [15, с.171–172]. Вероятно, высокий государственный чиновник Эрен-Улук был близким родственником (или соратником) Барсбек-кагана.

В Терхинской надписи (Монголия) первыми из «*шестидесяти внутренних сановников*» Элетмиш Бильге-кагана (Уйгурский каган Моюн-Чур) названы девять «*великих буюруков*» (сотники, пятисотники, тысячники, начальник над пятью тысячами воинов). Их возглавлял

Ынанчу-бага-таркан – глава *внутренних буюруков* [12, с. 42]. Анализ источников показывает, что речь идет об особой группе «управленцев» каганата, которую С. Г. Кляшторный обозначил как страту «*высших командиров уйгурского войска и высших должностных лиц государства*» [12, с. 47]. Кроме того, титул “*inançı*” носили приближенные люди правителя государства Ябгу в Средней Азии (X в.), сельджукиды, хорезмшахи, в XIV в. чагатаи и кипчаки [32, с.18]. “*Ынан*”, “*ынануу*”, “*ынанмак*”, “*ынанычтуу*” в современном кыргызском языке обозначает смысл “*вера*”, “*верить*”, “*поверить*”. В современном турецком языке “*İnanç*”, “*İnanmak*” также обозначает “*верить*”, “*поверить*”.

Билге (Bilge ~ Bilg – высший государственный титул у древних кыргызов, тюрков, уйгуров, карлуков. По определению исследователей титул известен со времен империй азиатских хуннов (сюнну) [45, с. 210; 23, с. 55; 32, с. 8; 57, с. 221], и высочайший титул присваивались самым близким родственникам, братьям кагана [44, с. 112; 40, с. 240]. По китайским письменным источникам у хуннов второй человек после кагана (шаньюй) в государственном управлении называлась *Бильге*. Носившие чиновники титул *Бильге* у хуннов руководили правыми (западный) и левыми (восточный) флангами (крылья) государства и войска. Его называли кит. Hsien Wang (Бильге король ~ Bilge kagan) [23, с. 55; 32, с. 8]. Бильге кит. Hsien [37, с. 236]; “*Знаток в политике и в управлении государством*” [44, с. 112; 51, с. 240].

Каганы, советники правителей, военачальники, высокопоставленные чиновники титул “*bilge*” использовали в качестве эпитета основным титульным или тронным именам [22, с. 40]. В некоторых случаях титул носили женщины из каганской семьи кок-тюрков [42, с. 150]. Мать Бильге-кагана и принца Кюль-тегина величали “*El Bilge*”, принцессу (катун) уйгурского кагана Моюн-Чора также звали “*El Bilge*” [42, с. 21].

Государственный титул *bilge ~ bilga* у енисейских кыргызов упоминается в письменных памятниках бассейна р. Енисей: Е-13/4 (Чаа-Хол, Хакасия); Е-24/6 (Кая-Бажы, Тува); Е-26/1 (Ачура, Хакасия); Е-31/1 (Уйбат II, Хакасия); Е-32/9 (Уйбат III, Хакасия); Е-48/5 (Абакан, Хакасия (2)); Е-71/5 (Подкунинская) и др [15, с. 140–178].

В памятнике Е-1 (Чаа-Хол, Хакасия) повествуется о герое, который верою и правдою преданно служил государству и своему кагану: “*Я служил преданно моему хану, государству, служил Бильге Өге (мудрый правитель). Я служил преданно своим товарищам. 1) Ради моего отца хану – Бильге Чикиши я служил, мой народ...*” [15, с. 156–158]. В памятнике Е-24 (Кемчик Кая-Бажы, Тува) известный государственный деятель (воин) *Ынанчу Күлүк Чигиши Бек Эр*, в Кара-Сенгире, в шести багах (область), в Кешдике (кыштымы) был известным человеком. Они упоминают о достойном человеке правителя-*Тутука Бильге Сангун Бөдбү*. Вероятно, он был каганом кыргызов, так, как титул Ынанчу в основном носили правители государства [15, с.163–164]. О правителе кыргызского государства говорится в памятнике Е-26 (Ачура, Хакасия). Его звали *Бильге Ынанчу*, был могуществен, богат – “*количество войска, выступившего против врага, было семь тысяч молодых людей*” [15, с.166–168] и др.

В Тюркских каганатах носителями титула “*bilge*” представлены также были жены кагана - катунь “*il bilge katun*” [24, с. 46]. В Танский период (618–907 гг.) тюркский “*Билге*” на китайском языке звучал так: *Hsien-li P’i-chia = Bilge* [23, с. 55; 31, с. 8]. Китайские хроники в 744 г. тюркского кагана Элетмиш Кутлуг Бильге (İlitmiş Kutlug Bilge) упоминают как *Yi-li-ti-mi-shih Ku-to-lu P’i-chia* 伊里低蜜施骨咄祿毗伽 [56, доп. часть, с.71-72]. В 749 г. фиксируется другой каган *Yi-po Kagan Kutlug Bilge* Чигши, которого китайские

хроники упоминают как Yipo K'e-han Ku-to-lu P'i-chia Chü-chih'nn 移撥可汗骨咄祿毗伽俱支 [56, доп. часть, с. 81; 32, с. 39].

Термин *bilge bilig* в древнетюркском диалекте обозначал “узdechka” [57, с. 221]. *Bilge* – один из высших титулов тюрков. В памятнике, посвященного Тоньюкуку, мудрый советник правителей II Восточно-тюркского каганата Кутлук-кагана (Ильтерес), Капаган-кагана (Можо) и Бильге-кагана, сам себя провозгласил и написал титул Бильге Тоньюкук.

К слову “бильге” в “Древнетюркском словаре” дается такое определение: *Bil* – 1. Знать, ведать; 2. Узнавать, познавать; 3. Принимать ответственность, нести обязанность; 4. Знать, размышлять [6, с. 98]. *Bilga I* 1. мудрый; 2. мудрец. *Bilga bilig* – мудрость, премудрость; рел. Истинное знание, познание высшей истины [6, с. 99-100]. По Махмуд Кашгарскому *Bilge* “судья”, “умный”, “ученый” [35, с. IV, 92]. Рашид ад-Дин (XIV в.) слово этимологизировал как “великий” [18, с. 139].

Г. Дёрфер [34, II. с. 836, 418, 419] термину “*bilge(a)*” дает такое определение: “мудрый”, “умный”, “судья”, “осведомленный”, “*титул самого высокого ранга*”. Х. Т. Оркун [43, с. 778] предлагает: “судья”, “умный”, “хорошо осведомлённый”; М. Ергин [28, с. 89] “судья”, “советник”, “хорошо осведомлённый”, “ученый”, “умный”; Т. Текин [51, с. 55-56] “умный”, “дающий советы”, “советник”, “консультант”, “*титул*”; А. фон Габен [26, с. 268] “мудрый”, “мудрейший”, “судья”, “*титул*” и др. С. Алйылмаз [22, с. 40] предлагает этимологию “умный”, “хорошо осведомленный”, “ученый”, “далеко видящий”, “судья”, “совершенный”, “зрелый”.

Bilge (др.-тюрк. “*bilge kişi*” ~ *Bilge Kağan*) - “знаток”, “советник”, “*официальный титул*” [40, с. м340; 51, с. 240]. Дж. Клоссон [40, с. 340] отмечает, титул присваивался, в основном, государственным чиновникам. Х. Ширин Усер [57, с. 220–222] также поддерживает Дж. Клоссона.

Смысл титула, начиная с периода азиатских хуннов, обозначал “знаток в политике и управлении, обществом, государством” [44, с. 112; 37, с. 283]. М. Ердал предполагает, что часто встречающейся в древнетюркских текстах у слова “*bilge*” присутствует синоним “*öge*”: *öge* ~ *üge* (<ö-“думать”), антоним *moγga* (<*boŋ-) [29, с. 376–7]. Этот же исследователь термин “*bilge*” производит от слова “*bilmek*”, т.е. знать, познавать [30, с. 242–243]. *Bilge* в древности использовалось как имя собственности [48, с. 45/106]. Известны антропонимы у древних тюрков, огузов, уйгур, напр., *Bilga-beg*, *Bilga-kagan*, *Bilga Taluj*, *Çik Bilga Çigşi*, *Inanç Bilga*, *Kül Bilge kagan*, *Oguz Bilga*, *Öz Bilga*, *Töölas Bilga* [см. ДТС, 1969: 101].

Титул *бильге* “мудрый, мудрец” в системе древнетюркских титулов употреблялся чаще, чем другие и, в основном, в качестве эпитета перед титулами чиновников, занимающими высокое положение. Так, обращает на себя внимание частое употребление этого эпитета с титулами членов правящей династии, например, *Бильге-каган*, *Бильге-ябгу*, *Бильге-шад* и *Бильге-тегин*. Это факт позволяет предполагать, что в системе титулов каганата эпитет “бильге” занимал высокое положение. В частности, этот термин входил в состав “пышных эпитетов” [20, с. 124–125], использовавшихся в письмах, которые отправлялись в соседние государства, в том числе и в Китай, или в делопроизводстве. Так, эпитет “*бильге*” можно увидеть среди многосоставных титулов. Этот эпитет занял место и в титуле Кутлуг Эльтериш кагана (682–691 гг.), зафиксированного в китайских хрониках в форме *täŋridä bolmīš türk bilgä täŋri qutluy (el teriš qaγan). Все это позволяет считать термин Бильге имперским эпитетом [2, с. 900].

Очень известный в древнетюркской властной структуре титул *"bilge"* в политической жизни государства был противопоставлен имевшему высокий военный командный ранг – *çabuş (çibuş)*, который непосредственно руководил войсками и его тактиками; *bilge*, он же с опытом, мудрый, по своей должности занимался организационными, гражданскими делами, контролировал политическую жизнь государства. *Bilge* выполнял следующие важные функции: общий контроль территориями государства; положение и уровень жизни населения; поддерживал административное единство в стране; единое управление и сохранение мощь армии; соблюдение законности (*mөpe*) [37, с.268; 57, с.221]. Военная и гражданская жизнь в древнетюркских государствах не была разделена четкими линиями, и не правильно было бы разграничивать функции *bilge* и *çabuş (çibuş)* [57, с. 221]. *Bilge* по долгу службе кагану, одновременно был военным и гражданским управленческим титулом.

В каменной стелле (Орхонские стеллы), в которой Тоньюкук описал все свои деяния во славу тюркского эля и каганов, его имя упоминается в сочетании с термином *Bilge*: *Bilge Tonjuqıq* [14-б, с.140]. По мнению А. Н. Кононова, *Bilge* в данном случае есть титул или звание, значение которого определяется семантикой его исходной основы *bil* – *"управлять; распорядиться"* отсюда *bilge* – *"правитель"*, что дает основание предполагать, что *Bilge* использовалось в двух значениях: 1) *"мудрый"* 2) титул *"правитель"* [13, с. 16–17].

Апеллятив *bilge* в тронном имени имеет два значения: 1. *"мудрый"*, 2. *"термин – титул правитель, правящий"* [13, с.17] и в этих своих значениях часто встречается в тюркских рунических памятниках: *Bilge Qağan "славный правящий каган"* (МЧ), *Türk Bilge Qağan (КТ), "тюркский правящий каган"*, *Bulğa Qağan "правящий каган"* [13, с. 17; 14-б, с.142]. Правитель и военно-политическая элита должны были быть талантливы: *bilgä qağan ärmış alp qağan ärmış buyruqı yämä bilgä ärmış ärinç alp ärmış ärinç* [КТ63] *"Были мудрые каганы, были смелые каганы; и их буйруки были мудрые и смелые"* [52, с. 145; ср. 50, с. 264]. Поскольку сакральность (*qut, ülüg*) кагана ниспосылалась Небом, слово *bilgä* *"ум"* должно было указывать на политические способности, а слово *alp* *"смелость"* обозначало военные таланты [27, с.105; 46, с. 752–753; 54, с. 464–465].

Алп (Алр) – государственный и военный чин; титул в системе управления государством у кыргызов, тюрков, карлуков и уйгур. Позже, в X–XII вв. титул *"Алп"* носили привилегированные слои государства Ябгу (государство огузов в Средней Азии, X в.), сельджукидов (XI–XII вв.). Алп (*alp*) – рыцарь, храбрец. Имя или титул, который давался древними тюрками самым отважным воинам. После принятия ислама, чаще перед именем тюркского воина, участвующего в сражениях за веру, стояла приставка *"Гази"*, которое заменило *"Алп"* (*İslam Ansiklopedisi*, 525). Один из главных эпитетов Манаса Великодушного был *"Алп Манас"*. У алтайцев есть героический эпос *"Алп Манаш"*. Кроме того, у кыргызов мифических больших птиц, которые помогали героям, звали Алпкаракуш.

Титул часто упоминается в письменных памятниках средневековых кыргызов бассейна р. Енисей: Барык I, Е-5/2; (Елегест I, Хакасия); Е-10/5 (Бегре, Тува); Е-11/9 (Чаа-Хол 4, Хакасия); Е-16/1 (Тува, Ачура), Е-26/10 (Алтын-Көл I, Хакасия), Е-28/6 (Алтын-Көл II, Хакасия); Е-29/2 (Уйбат II, Хакасия); Е-31/2 (Уйбат I, Хакасия); Е-32/1 (Уйбат III, Хакасия); Е-33/3 (Ак Юс I, Хакасия); Е-38/4 (Кызыл-Чыраа I, Тува); Е-43/4 (Кызыл-Чыраа II, Тува); Е-44/1 (Кызыл-Чыраа II, Тува); Е-44/2 (Абакан, Хакасия); Е-48/4 (Абакан, Хакасия); 48/5 (Абакан, Хакасия); Е-48/6, 48/10; Е-69/1; Е-71/4; Е-71/5; Е-73/1; Е-143; Е-147/3; Е-152/2 [15,1982].

В начале VIII в. Ажо (правитель) енисейских кыргызов *Барс-бек* принял титул каган и тронное имя *Ынанчу Алп Бильге* – где титул *Алп* был сакрально-родовым, Ынанчу носил окраску правителя с сакральным статусом особой принадлежности, а титул Бильге был практически вызовом тюркскому кагану, ибо нес тюркскую сакральную нагрузку. Сложилась парадоксальная ситуация – впервые во всей Центральной Азии три правителя носят титул каган: кыргызский, восточнотюркский и тюргешский [21, с. 70–71]. Кроме этого Барс-бек за несколько лет подготовил антитюркскую коалицию с Китаем, тюргешами и Тибетом. Барс-бек также принял титул Умай бек, сильно видоизменив тюркский статус кагана, поскольку сакральная легитимация власти каганов исконно происходила от Тенгри, как верховного бога неба, а каган кыргызов оказывался под покровительством богини-матери, питающей жизнью народ, однако возможно Умай была самой главной родовой богиней рода Ажо [21, с. 70–71].

Вероятно, ещё до гибели кагана Барс-бека в 711 г., кыргызские правители носили титул Ынанчу Алп Бильге. В кыргызских памятниках Хакасии и Тувы часто фиксируется титулы, например Чур (Чор) Тардуш-Ынанчу (памятник Кюль-Тегину), Өге Ынанчу Бильге (Е-26), Ынанчу Чигши (Е-29) и др. Например, на втором Алтын-Кёлском памятнике (Е-29, Хакасия, Алтын-Көл) повествуется о посланника кыргызского кагана к государству Тибет, его звали Эрен-Улук, из племени Большар. Свои тридцати восемь лет умерший (погибший) Эрен-Улук принял геройский звание и титул Ынанчу Алп [15, 171–172].

В четвертом кыргызском памятнике (Е-16, Чаа-Хол, Хакасия) повествуется о меморианте, высокопоставленном Алпе кыргызов: 1) Алп Уруңу Тутук бен; куйда кунчуйым эки огланым сизиме йанус кызыма” – Я Алп Уруңу Тутук; В отношении в тереме находящихся моих принцесс, моих двух сыновей, в отношении вас моих, в отношении моей единственной дочери; 3) Я не удовлетворился моим божественным государством и... моим бегам. От вас я удалился (убежал) в мои сорок лет [15, с. 159–160].

По эпитафийным памятникам Енисея известны меморианты, которые носили титул “Алп”, верою и правдою служивших своему “божественному государству и кагану”: Алп Эр (Алтын-Көл, Хакасия), Алп Көгмөн (Абаканский памятник, г.Абакан), Алп Кушча Бала (Абаканский памятник, Хакасия), Алп Туран (Барлык I, Тува), Алп Уруңу Тутук (Чаа-Кол IV, Хакасия), Атчы Алп Тутук (Абаканский памятник), Билге Алп (Подкунино, Хакасия), Буюрук Алп Сангун (Подкунино, Хакасия), Инанчы Алп (Алтын-Көл II, Хакасия), Көртле Кан Алп Уруңу (Элегест I, Тува) и др. [26, с. 929-930]. В кок-тюркских и уйгурских надписях фиксируется следующие антропонимы с компонентами “алп”: Кунчу Алп Чигши (Терхинская надпись), Кутлуг-Алп (Хойто-Тамир), Ай Тенгриде Кут Болмуш Алп Билге Каган (Кара Балгасун) и др. [26, с. 929–930].

В “Древнетюркском словаре” [6, с. 36–37] титулу дается такое определение: Алп I. 1. Меткий стрелок; 2. Герой, богатырь, витязь; 3. Отважный, храбрый, смелый; 4. Отвага, храбрость, мужества [6, с. 36]. Алп II. 1. Трудности, тяжкие испытания; 2. Трудность, опасность – названия одного из 12 членов ряда в астрологических календарях; 3. Трудный, опасный, страшный, серьезный [6, с. 36–37].

Как известно, слово “алп” в орхоно-тюркском языке имело значение 1. «*трудный*», 2. «*храбрый, воин, герой*» [58, с.171]. Следует отметить, что данное слово восстанавливается исследователями на пратюркском уровне как *ālp. Оно имеет в древних и современных языках следующие значения: 1. *трудный*; 2. *воин*; 3. *герой*; 5. *храбрый*; 6. *великан*; 7. *помещик, землевладелец* [1, с. 918]. Слово “алп” использовалось в период Тюркского

каганата и близкое ему время в качестве эпитета и занимало место перед рядом титулов, например, таких как: каган, тегин, эльтебер, чор, тархан и др. Эпитет алп, наряду с такими эпитетами, широко употреблявшимися в иерархии Тюркского каганата, как бильге, бахадур и кюль, по-видимому, в древнетюркском обществе присваивался личностям, проявившим храбрость и героизм в боях. Термин алп употреблялся в системе управления каганата, в основном, перед титулами, занимавшими высшие ступени иерархии [1, с. 918].

А. фон Габен [25, с. 260] значение слово “алп” переводит как “отважный”, “герой”, “старательный”. А.Ширин [55, с. 101] предлагает этимологию “огоромный”, “жесткий”, “добрый молодец”, “герой”. Например, поскольку сакральность (*qut, ülüg*) кагана ниспосылалась Небом, слово *bilgä* “ум” должно было указывать на политические способности, а слово *alp* “смелость” обозначало военные таланты [27, с. 105; 46, 1988: 752–753; 54, с. 464–465].

Сэр Дж. Клоссон [40, 35–47] и турецкий ученый А. Донук [32, с. 2) предлагают такое толкование термина “алп”: “молодец”, “герой”, “отважный”, “высокорослый и могучий”, “богатырь”. Исследователи связывают происхождения термина с государственным управлением древних тюрков. Правители тюркских каганатов носили титул “билге и “алп”. Например, “герой Бильге-каган; Кюлтегин геройствовал”, “Каган у них (у тюрков) сильный, айгучи (советник) мудрый” (Тоньюкук). Юсуф Баласагунский в “Кутадгу билик” замечал о достоинствах правителей и говорил: “Правитель должен иметь холодный ум, могучую силу [26, с. 929]. Далее, Юсуф Баласагунский пишет: “Среди тюрков был очень известный Тонга Алп-Эр (Tonga Alp-Er). Он был исключительно сильным, ловким мужем. Но, только умный человек могла стать правителем. Иранцы его называют Афрасиябом, о нем воспевали поэты...[38, с. 126–127].

После падения Уйгурского каганата кыргызы вышли к границам Танского Китая (618–907 гг.). Кыргызский каган к танскому императору посылал высокопоставленных людей. По определению исследователей [17, с. 80] при транскрипции некоторых, обнаруживаются титул “алп”; Чжу-у-хэ-су, Та-бу-хэ-цзу. В переведенной Н. Я. Бичуриным “Новой истории династии Тан” дается следующее толкование имени Чжу-у-хэ-су: “Чжу-ву есть прозвание. Хэ – значит отважный, со – левый, т. е. искусный стрелок с левой руки” [4, с. 356]. Цэнь Чжун-мянь пишет, что компонент “хэ” часто встречается в почетных титулах уйгурских ханов и в оригинале значит “алп” – «богатырь, силач, великан, герой» (Цэнь Чжун-мянь. Тунцзянь Суй-Тан цзи биши чжии. Пекин, 1964: 289). Последний китайский слог “су (со)” передает тюркское «сол» – левый [17, с.30].

Первый слог имени Чжу-у мог звучать “чу” или “чо”, второй – “гу” (может быть “ну”), в целом исходная форма представляла собой «Чугу (или Чогу) Алп Сол». Вэнь-у-хэ [VII в. uan-nguo-uap]. Кыргызский посланник (843 г.) [17, с. 79–80]. Китайское «вэнь» обозначает “ур” или “ул”. Возможно, что “вэнь” написано по ошибке вместо “ва” (-ур, ул), которое часто встречается в транскрипциях иностранных слов. Слог “у” обозначает “гу” или “ну”. Таким образом, получается “ургу”, в целом – “Ургу Алп”. Форма “ургу” напоминает печенежское имя “Уркун” [17, с. 79–81].

Та-бу-хэ-цзу [VII в. t’ar-puo-uap-tsuo]. Кыргызский посланник (842 г.) (Ли Дэ-юй. Указ. соч., т. 1, цз. 6, стр. 37-38; цз. 8, стр. 63). Та-бу отражает исходную форму “Тапу”. В статье Дьерффи о печенежских именах есть имя Таба, которое автор производит от др. тюрк, “тапаг”, “тапыг”, “тапуг” [27, с. 79; 17, с. 69–71]. Последние компоненты “хэ-цзу”, так же как и в имени Чжу-у-хэ-су, обозначают “алп сол”, в целом имя читается “Тапу Алп Сол” [19, с.

187]. Титул может быть отождествлен с неким автором надписи на скале у р. Тэс в Северо-Западной Монголии по имени *töpäk alp sol* [10, с. 273–274; 11, с. 121–122, 348]. Востововед В. В. Тишин также принял попытку транскрибировать кыргызские имена, в целом, он поддержал транскрипцию выполненную кыргызским ученым Г. П. Супруненко: **Чжу-у Хэ-су** (注吾合素), чье имя предварительно транскрибируется как < VII. *tsu-nguo-γâp-suo < *čüγu alp sol, – посол кыргызов к танскому двору весной 842 г. Вероятно, он же – (4.) **Та-бу Хэ-цзу** (踏布合) < VII. *t‘ar-puo- γâp-tsuo < *tapu alp sol, возглавлявший посольство осенью 842 г. “генерал” (將軍 цзян-цзюнь) [17, с. 79, 80; 16, с. 243–244; 1975, 62–63; 7, с. 243, 244–245].

Вэнь-у Хэ (温忤合) – посланник кыргызов к танскому двору летом 843 г. < *Urgu Alp, согласно Г. П. Супруненко [1970, с. 79]. Мы предполагаем *U[ru]γu Alp, что находит соответствие в имени собственном или нарицательном (?) alp uγuγu в надписи Элегест I (E-10, стк. 5) и Чаа-Холь IV (E-16, стк. 1) [50, с. 23–24; 53, с. 41, 42, 55] ср.: И. В. Кормушина, где alp “отважный”, “храбрый” - эпитет [14, с. 37]. Ду-люй-ши-хэ [VII в. tuo-liwo-sie-yar]. Кыргызский посланник (841 г.) к Танскому двору. Имя посланника восстанавливается как *Тулуш Алп*. В енисейских памятниках встречается личное собственное имя Толош, которое сохранилось в тувинском языке в форме Тулуш [3, с. 91–93; 17, с. 79–81].

В 1975 г. в Тес Северо-Западной Монголии С.Г.Кляшторным найдена и прочтена наскальная надпись, посвященная кыргызскому военачальнику Төпек Алп Солу. Ученому удалось установить, что Алп Сол несколько раз упоминается в синхронных китайских документах, содержащих отчет о событиях Центральной Азии в 842 г. Именно Алп Сол руководил кыргызскими отрядами, вторгшимися в китайскую провинцию Ганьсу и государства – оазисы Восточного Притяньшаня, вел переговоры с китайским министром в пограничной крепости Тяндэ, а в 843 г. возглавил кыргызское посольство к императорскому двору, в столицу Китая и возвратился с богатыми дарами [9, с. 151–158; 11, с. 311–318].

В историко-филологической литературе, посвященной периоду древности и средневековья истории тюрков, все эти социальные детерминативы зачастую объединяются одним термином – титул, которым обозначают все разнообразие политической, социальной, административной иерархии тюркского общества. Между тем следует иметь в виду, что типы социальной терминологии (титулы, ранги, должности) тюркского общества древности и средневековья были строго дифференцированы и выполняли различные функции, обозначая место члена общества в политической структуре, административном устройстве, его воинское звание, духовный или гражданский сан. Социальные детерминативы, т.е. титулы, ранги, должности, как наиболее значимые компоненты древнетюркской антропонимии, заключали в себе полную информацию о социальном статусе носителя данного имени, о его происхождении и принадлежности к определенному слою общества, данные о его месте в политической структуре общества и административном устройстве. Тщательное изучение событий того времени все же указывает на то, что распространение тюркских титулов было связано с установлением определенной системы. В частности, тюркские титулы, упомянутые в китайских источниках в связи с этими территориями, находят свое подтверждение в документах на согдийском и бактрийском языках, написанных в Согде, Тохаристане и др. регионах. В целом титулатура, должности и эпитеты дают данные об государственно-политическом устройстве государства средневековых кыргызов.

Список использованных источников и литературы

1. Бабаяров Г.Б. Древнетюркские титулы и эпитеты на согдоязычных монетах Средней Азии эпохи раннего средневековья // *Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altai* 2(4.2) 2016. С. 897–917.
2. Бабаяров Г., Кубатин А. Древнетюркские титулы и эпитеты на согдоязычных монетах Средней Азии эпохи раннего средневековья // *Мир Большого Алтая – World of Great Altai* 2(4.2) 2016. С. 897–917.
3. Батманов И.А, Арагачи З.Б, Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1960. 389 с.
5. Васютин С. А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII вв. // *Рукопись докторской диссертации. Кемерово, 2016. 758 с.*
6. Древнетюркский словарь. М. –Л.: Наука. 1969. 677 с.
7. Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
8. Каратаев О.К. Функции государственно-административных и военных титулов Енисейских кыргызов: tutuk, sangun (tuo-tuok, sanggun) // *Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. № 1. 2021. С. 112–125.*
9. Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии. I, Тэс, Гурвалжин-Ула, Хангыты-Хад, Хэнтей // *Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С. 151–158.*
10. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб. : СПбГУ, 2003.
11. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как исторический источник // *Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2008. С. 311–318.*
12. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей / С.Г. Кляшторный. СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение, 2010. 328 с.
13. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
14. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: Грамматика. Текстология. М., 2008. 342 с.
- 14-а. Кошгарий Махмуд. Девону лугат ит-тюрк. Т.1. Ташкент, 1967. 456 с.
- 14-б. Махпиров В.У. Имена далеких предков (Источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики). Алматы, 1997. 302 с.
15. Орхон-Енисей текстери. Фрунзе, 1982. 240 с.
16. Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века “Ли Вэй-гун хойчан ипинь цзи» («Собрание сочинений Ли Вэй-гуна периода правления Хойчан, 841-846 гг.») // *Известия Академии наук Киргизской ССР, серия общественных наук, Т. V, Вып. 1, (История). Фрунзе: Изд-во АН Кирг.ССР, 1963. С. 67–81.*
17. Супруненко Г.П. Из древнекыргызской ономастики // *Советская тюркология, № 3. Баку, 1970. С. 79–81.*
18. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А. А. Семенова. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. Т. 1, Кн. 1.

19. Тишин В.В. Личная ономастика енисейских кыркызов IX в. (по китайским источникам и памятникам древнетюркской рунической письменности енисейского бассейна) // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 171–189.
20. Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. 472 с.
21. Фукалов И.А. Сакрализация власти тюркских и кыргызских правителей в VI-XII вв. // Рукопись канд. дисс. Б.: 2017. 190 с.
22. Alyılmaz, C. Karı Çor Tigin Yazıtı. TEKE. Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi Sayı: 2/2 2013 s. 1-61, TÜRKİYE.
23. Bombacı, A. The Husbands of Princess Ilsien-li Bilge, *Studia Turcica*, Budapest, 1971 (Turkcesi: Prenseler Hsien-Li Bilge'nin kocaları, TDDE, XXI, İstanbul, 1975).
24. Bombacı, A. Prenseler Hsien-Li Bilge'nin Kocaları", İ.Ü. Edebiyat Fak. Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi, 1975. C. 21, 45–63.
25. Gabain, A.v., *Altı Türkçe Grammatik*, Leipzig, 1950.
26. Gömeç, S. Kök Türkçe Yazılı Belgelerde Yer Alan Ünvanlar. Türk Kültürü, Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, Sayı 443, Mart 2000. Ankara, s.129–142.
27. Gyroff, G, *Monuments du lexique Petchenegue* // *Acta Orientalia*. 1965. t. XVIII, fasc. 1–2.
28. Ergin, Muharrem, *Orhun Abideleri*, Boğaziçi Yayınları, İstanbul, 2002.
- Erdal, M. *Old Turkic Word Formation. A Functional Approach to the Lexicon*. Wiesbaden. 1991.
29. Erdal M. Anmerkungen zu den Jenissei-Inschriften // *Splitter aus der Gegend von Turfan. Festschrift für Peter Zieme anlässlich seines 60. Geburtstag* / ed. M. Ölmez, S. C. Raschmann. İstanbul ; Berlin : Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi, 2002. S. 51–73.
30. Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004 (*Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia*. Vol. 3). xii, 575 p.
31. Erkoç Hayrettin İhsan. *Eski Türklerde Devlet Teşkilâtı (Gök Türk Dönemi)*. Ankara, 2008.
32. Donuk, A. *Eski Türk Devletlerinde idari-askeri ünvan ve terimler*. İstanbul, 1988.
33. Drompp, M. R. Breaking the Orkhon Tradition: Kirghiz Adherence to the Yenisei Region after A. D. 840. *Journal of the American Oriental Society*, 1999, 119 (3), 390–403.
34. Doerfer G. *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung UDg alterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem Mongolen- und Timuridenzeit. Bd II: Türkische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden, 1965.
35. Kaşkarlı Mahmûd, *Divânü lügâti't-Türk*, (Çev. ve Haz. Seçkin Erdi, Serap T. Yurtsever), Kabakçı Yayınevi, İstanbul 2005, p. 254
36. Kafesoğlu, İ., *Eski Türklerde Devlet Meclisi (TOY)*, I. Milli Türkoloji Kongresi, İstanbul, 1980.
37. Kafesoğlu, İ. *Türk Milli Kültürü*, İstanbul. İstanbul, 1995.
38. Koçak K. Bozkır Kültüründe Alp Karakterinin Ortaya Çıkışında Türk geleneklerinin Rtkisi // *Nevşehir University Journal of Social Sciences* 1 (2012). 125–135.
39. Csongor B. Some Chinese Texts in Tibetan Script from Tun-Huang. - «*Acta Orientalia*». 1960. t. X. Fasc. 2, № 187. p. 125. № 729, p. 136.
40. Clauson, G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*, Oxford, 1972.

41. Hamilton, J. R. *Les Ouïghours À L'Époque Des Cinq Dynasties*, Presses Universitaires De France, Paris, 1955.
42. Odabaşı, Z. *Türk Devletlerinde Kullanılan İdari Ünvanlar*. *Osmanlı Medeniyeti Araştırmaları Dergisi*, 5 (2019).pp. 150–164.
43. Orkun, Hüseyin Namık, *Eski Türk Yazıtları*, Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara, 1994.
44. Ögel B. *Doğu Gök-Türkleri hakkında notlar*, *Belleten*, sayı 81. 1957.
45. Pelliot P. L. 'Edition collective des Euvres de Wang Kouo-wei, TP XXVI. L. 1928.
46. Pritsak O. The distinctive features of the Pax Nomadica. In: *Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo XXXV. Popoli delle steppe: Unni, Avari, Ungari*. Spoleto, 1988.
47. Pulleyblank E. G. *A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver: UBC Press, 1991.
48. Rybatzki, V. *Die Toñuquq Inschrift*, Szeged. 1977.
49. Taşağıl A. *Çin kaynaklarına eski Türk boyları : M.Ö. III-M. S. X. asır*. Ankara:TTK , 2004.
50. Tekin T. *Elegest (Körtle Han) Yazıtı // Türk dilleri Araştırmaları*. 1995. Sayı 5. S. 19–32.
51. Tekin, T. *Orhon Yazıtları*, Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, 1988.
52. Thomsen, V. *Altürkische Inschriften aus der Mongolei*. ZDMG. 1924.NF. 3 [78]. S. 140–160.
53. Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. *Yenisey–Kırgızistan Yazıtları ve Irk Bitig*. Ankara: BilgeSu, 2013.
54. Zimonyi I. The Concept of Nomadic Polity in the Hungarian Chapter of Constantine Porphyrogenitus' *De administrando imperio*. In: Berta, A. (ed.): *Historical and Linguistic Interaction between Inner-Asia and Europe. Proceedings of the 39th Permanent International Altaistic Conference (PIAC) Szeged, Hungary: June 16–21, 1996*. Szeged, 1997. P. 459–471.
55. Şirin U. H. *Eski Türkçede Bazı Ünvanların Yapısı Üzerine*. *Bilig* 39. 2006. p. 219-238.
56. Chavannes, Edouard, *Documents Sur Les Tou-Kiue (Turcs) Occidentaux*, Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, Paris, 1903.
57. User, H. Ş. *Eski Türkçede Bazı Ünvanların Yapısı Üzerine*, *Bilig*, Sayı 39. Güz 2006. P.219–238.
58. User H.Ş. *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı yazıtları. Söz varlığı incelemesi*. Konya: Kömen Yayınları, 2009.

Сведения об авторе: Олжобай Каратаев, д.и.н., профессор, Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызская Республика). e-mail: okaratayev@gmail.com

УДК 9.93/94

В.Я. Бутанаев

Абакан (Россия)

Знаменательные памятники рунического письма кыргызов Енисея

Аннотация. Статья посвящена средневековым памятникам кыргызского рунического письма, долины Среднего Енисея, которые ныне хранятся в Минусинском и Хакасском краеведческих музеях. Автор по новому сделал интерпретацию уйбатского памятника и

сделал открытие, что он принадлежит кагану, известному в китайских источниках как «Ажо».

Ключевые слова: Кыргызы Енисея, древнетюркская руническая письменность, Хонгорай (Хакасия).

V. Ya. Butanaev

Abakan, Republic of Khakassia of the Russian Federation

Significant monuments of Runic writing of the Kyrgyz of the Yenisei

Abstract. Work on the preliminary description of the new monuments runic writing yenisey qyrgyz.

Key words: Turc qwriting, runes, yenisey qyrgyz. Steles.

В VIII–X вв. н.э. древнетюркские государства Центральной Азии пользовались своей рунической письменностью, которая находилась на службе государственного делопроизводства Тюркского, Уйгурского, Тюркешского и Кыргызского каганатов. Кыргызские правители, отправляя своих послов в Китай или Тибет, вручали им свои верительные грамоты и письма. В Китае имелся штат специальных переводчиков древнетюркского письма.

Хонгорай (Хакасия) хранит в своей земле значительное количество памятников камнерезного искусства рунического письма, представляя своеобразный очаг древнетюркской руники. Именно здесь они впервые были открыты. В 1721–1722 гг. участник первой академической экспедиции в Сибирь Д.Г. Мессершмидт обнаружил в долине р. Уйбат неизвестные ранее надписи на каменных стелах. Он назвал их «руническими», по сходству со скандинавскими рунами [Кормушин. 1997. С. 13.].

В начале VIII в. н.э. у кыргызов существовал обычай устанавливать после смерти государственного деятеля его изваяние, делалось намогильное надгробие в виде горных баранов «хосхартас» и памятная эпитафия с описанием его заслуг. В долине Енисея между реками Ерба и Тесь, недалеко от дер. Знаменка, у распадка «Богатырский лог» находилось изваяние «алып обаа». В научной литературе оно известно под названием «тесинский богатырь». Согласно воспоминаниям наших информаторов из бывшего аала Усть-Кокса, скульптура «алып обаа» стояла на невысокой горе «Инек асчан таг» (по-русски «Корова»), которая тянется от дер. Троицкой до дер. Усть-Ерба, в местности «Обаалыг пил» (седловина с каменным истуканом) по реке Тесь. Изваяние из серого песчаника (высота 170 см., ширина туловища 55 см., ширина головы 43 см.) представляло мужскую фигуру с усами и бородой. В обеих руках статуи «алып обаа» держался сосуд. С тыльной стороны головы свисала коса [Грязнов. 1950. С. 150–153].

По спинной части изваяния «алып обаа» вертикально была вырезана трехстрочная надпись кыргызским руническим письмом. Надпись гласила:

Транскрипция

1. ben öltüm türğış ben çeng beg ben bıçığ.
2. Altı otuz yaşıma ertı.
3. Kara kan içregı ben ezgene.

Перевод:

1. Я умер. Я – тюркеш, Я – Ченг бег. (Это моя) надпись.
2. Я был на тридцать шестом году своей жизни.

3. Я придворный служитель Кара-хана, я – Эзгене.

[Айдын. 2011. С. 11; Малов. 1952. С. 67].

Исходя из содержания данной исторической надписи памятника, становится ясно, что скульптура принадлежала тюргешскому князю Ченг-бегу. Тюргеши были юго-западными соседями кыргызов. Тюргешский каганат (704–756 гг.) находился в Чуйской долине, на севере современного Кыргызстана и доходил до верховьев Иртыша к западу от Саяно–Алтая. В начале VIII в. н.э. тюргеши выступали союзниками кыргызов против тюрков Восточно–Тюркского каганата. Зафиксированное в памятнике имя тюргешского князя Ченг-бег можно отождествить с Чжэном, младшим братом Согэ-кагана, главой тюргешей. В обиде на Согэ кагана, Чжен перешел на службу к правителям Восточно-Тюркского каганата. По всей видимости, под выражением «придворный служитель Кара хана», надо понимать Капаган кагана, главу Восточно-Тюркского каганата. В результате успешных военных походов тюрков в 711 г., военная коалиция кыргызов и тюргешей была разгромлена. Капаган каган в 711 г. казнил Чжэна как изменника [Бартольд.1963. С. 484; Кляшторный. 2003. С. 185; Гумилев. 1967. С. 302]. Расплата с опальным тюргешским князем Ченгбегом произошла на территории покоренного Кыргызского государства. Памятник ему ныне хранится в Минусинском краеведческом музее. (МКМ. № 59).

По всей видимости, Ченг-бег происходил из племени «эзгене». Можно отождествить название эзгене с созвучным именем племени «адигине», среди современных киргизов Тянь-Шаня [Абрамзон. 1960. С. 63]. Возможно, «эдигине» происходят от древних тюргешей из Чуйской долины.

В 1963 г. в долине р. Уйбат недалеко от устья реки Ниня, на невысоком холме, был обнаружен лежащий памятник кыргызской письменности, привезенной и установленный археологом А.Н. Липским в Хакасском краеведческом музее. С двух плоских сторон песчаниковой плиты (длина 2,6м., ширина 0,6 м., толщина 0,18 м.) в три строки был нанесен текст. Знаки вырезаны, затем протерты и представляют глубокие желобчатые линии. Одна сторона плиты была обращена кверху, и поэтому на ней надпись плохо сохранилась, некоторые знаки полностью стерлись. Согласно существующей регистрации, надпись считается седьмым памятником с р. Уйбат. Впервые его перевод был сделан В.Я. Бутанаевым в 1973 г. Содержание представляет большой интерес для изучения событий средневековой истории Центральной Азии и раскрывает новые страницы на происхождение современных тюрков Саяно-Алтая. В своей книге проф. И.В. Кормушин предложил новое чтение данного памятника [Кормушин. 1997. С. 117–123.]. Не отрицая возможность новой трактовки и принимая многие верные поправки текста этим ученым, мы все же оставляем за собой право нашего чтения и перевода седьмого (по И. Кормушину – шестого) памятника Кыргызской письменности с р. Уйбат.

Вырезанные строки рунической надписи читаются нами следующим образом:

Транскрипция

1. [erdem] er qunçuyun qazğandınız, bökmediniz beg erkime beg;
2. bunğ bunğa adırıldınız, açığa qırq erig qanğsız qıld [ıñız];
3. Uığur qan ilin alduqta azıqlığ tonguz teg Tirig beg siz;
4. alıç bars Tirig beğim yıta erdemim size;
5. [Tüpütke] elçisi ertım şab kök Tırığ beğe;
6. [Er] ölürtüm kök böri qaramağ bağın ölürtüm;

Перевод

1. [Доблестный] муж! Вы приобрели (много) принцесс, (но) не насладились княжеской властью, о бег!
2. Тысяча печалей! Вы отделились (от нас), о горе! Сорок мужей-воинов Вы оставили (букв. сделали) без отца!
3. При взятии государства Уйгурского хана, Вы Тириг-бег (были) словно клыкастый дикий вепрь!
4. ...мой почитаемый барс Тириг бег! Увы! моя мужская доблесть Вам (принадлежит)!
5. Я был послом [в Тибет], слава божественному Тириг-бегу!
6. ..Я убивал [вражеских мужей-воинов], я уничтожил подразделения [многочисленной] стаи серых волков!». [Кормушин. 1997. С. 122; Бутанаев. 2000. С.123, рис.44].

Переходя к исторической интерпретации памятника, необходимо выделить следующие важные факты. Эпитафия посвящена доблестному правителю Тириг-бегу, тотемным животным которого являлся барс. В таком случае, повествование идет о кыргызском вожде, ибо барс считался тотемом кыргызов. В памятниках кыргызской письменности встречаются подобные обозначения, такие как, например, «Сильный Барс». Имена героев под названием «тириг» – букв. живой (т.е. вечный), неоднократно упоминаются в енисейских текстах. Например, Учун Кулюг Тириг, Кюни Тириг и др. [Малов. 1952. С. 39, 110, 112].

Уйбатская эпитафия повествует о самом важном событии в политической жизни енисейских кыргызов, связанном сокрушительным разгромом в 84 г. вражеского Уйгурского каганата. При победной битве над уйгурским ханом Тириг-бег проявил большую доблесть, образ которого отождествляется с «клыкастым диким вепрем». В первых наших переводах повествование этого памятника об уйгурском хане ошибочно читалось нами как «курыканы» [Бутанаев. 1973. С. 150–152.] В данном случае поправки И. Кормушина оказались более верными и были нами учтены.

Сам Тириг-бег, исходя из контекста памятника, возглавлял гвардию из сорока эров – батыров, для которых он являлся «родным отцом». Вероятно, он возглавил военный поход против уйгурского кагана и в свирепой битве покорил бывших соседей кыргызов, обитавших на территории Монголии. В таком случае, правителя «Тириг-бега» можно отождествить с первым главою Кыргызского каганата, известным по китайским источникам под именем «Ажо».

Период IX–X вв. н.э. занимает особое место в истории енисейских кыргызов. Крупный российский востоковед, академик В.В. Бартольд справедливо назвал данную эпоху «кыргызским великодержавием». Этот период был подлинно звездным часом кыргызской истории. В результате победоносной войны кыргызы смогли разгромить своих южных врагов, уйгуров, подчинить другие кочевые племена Центральной Азии и создать могущественную кочевую державу – Кыргызский каганат.

В 820 г. кыргызский правитель Ажо объявил себя каганом, свою мать, тюргешскую принцессу, вдовствующей ханышей, а свою жену, дочь карлукского ябгу – ханышей. [Бичурин. 1950. С. 355].

Одновременно с кыргызами, войну против уйгуров вели тибетцы. Вероятно, их действия были согласованными, поскольку кыргызы могли совершать посольства в Тибет, маршрут которых пролегал через земли дружественного Карлукского государства, правитель которого являлся тестем Тириг-бега – Ажо. Согласно уйбатскому памятнику Тириг-бег совершил посольскую миссию к тибетскому правителю. Тибетцы поддерживали

дипломатические связи с кыргызами. «Сие государство было всегда в дружеских связях с Даши, Туфанию и Гэлолу, но туфаныцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны хойху; почему брали провожатых из Гэлолу» [Бичурин. 1950. С. 355].

Вероятно, с Кыргызским каганатом Тибет заключил мирный договор и, в связи с этим, воинственные кыргызы разгромили их врагов. В уйбатском памятнике указывается, что Тириг-бег «уничтожил подразделения (многочисленной) стаи серых волков». Вполне возможно, что в данном тексте говорится об уничтожении вражеских воинов Восточно-Тюркского и Уйгурского каганатов.

Первый правитель Кыргызского каганата умер в 847 г. За свои доблестные заслуги он получил от императора Китая титул Цзун-ин Хюн-Ву Чен-мин-хан [Бичурин. 1950. С. 357]. Захоронен Тириг-бег в Уйбатской степи недалеко от устья реки Ниня, где были обнаружены остатки посвященного ему культово-мемориального комплекса, который первоначально состоял из самой могилы, памятника с рунической надписью и надмогильного сооружения. Согласно кыргызским традициям, на могилах знатных полководцев, отличившихся в боях, устанавливались, каменные изваяния дикого горного барана или кочкара (архара). В тюркских языках горный баран «кочкар» отождествлялся с вожаком стаи, предводителем племени [КРС. 1965. С. 410].

Зооморфный надгробный памятник, высеченный из камня, находился в долине реки Ниня, у истоков реки Камышта (Уюк ахсы). Хакасское население называло надгробие «хосхартас», т.е. каменный горный баран. Изваяние представляло высеченную песчаниковую фигуру архара, стоявшего на пьедестале на небольшом перевале «Хосхар билъ» [Бутанаев. 1995. С. 178]. Голова скульптуры «хосхартас» имела сильно закрученные рога, высота изображенного стана равнялась одному метру, окружность всей фигуры составляла два метра. Ныне изваяние «хосхартас» хранится в Минусинском краеведческом музее (МКМ. А.С. № 37).

Зооморфный скульптурный памятник «хосхартас» почитался сагайским родом «читы-бююр» (букв. семь волков). Представители этого рода ежегодно совершали ему жертвоприношения «хосхартас тайыг» [Бутанаев. 1995. С.178]. Вполне вероятно, что род «читы-бююр» относится к потомкам великого кыргызского кагана Тириг-бега.

Среди памятников кыргызской письменности большой интерес представляют две стелы, найденные в 1878 г. около озера Алтын-кель Бейского района Хакасии. Они находились в 10, 5 км. от д. Иудино (ныне Бондарево) по реке Сос и в 4 км. от указанного озера вблизи кыргызских курганов, которых насчитывалось от пяти до шести. Памятники письменности из серого песчаника (длина 138 см. и 195 см.) располагались в 8 м. друг от друга. Верхними, обработанными концами они лежали в сторону востока. Лицевая плоскость имела круговую надпись из двух строчек, разделенных чертою. Камни были подернуты тонким слоем почвы, кромки которых выходили наружу [Боголюбский. 1890. С. 19–20]. Ныне указанные стелы хранятся в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартянова. (МКМ. №69.)

В памятниках Алтын кёля повествуется о герое, именуемым Барс, происходившим из ханского рода и бывшим послом в Тибете. Герой эпитафии пал в неравном бою с многочисленными врагами в золотой черни Сонга. По мнению С.Г. Кляшторного, стелы Золотого озера поставлены в честь первого кыргызского кагана Барс-бега, погибшего в 711 г. в битве с тюрками Восточно-Тюркского каганата [Кляшторный. 1976. С. 258–267]. По всей вероятности, под «Золотой чернью Сонга» надо понимать сосновые боры долины р. Сос, где

находится озеро Алтынкёль (т.е. золотое озеро). Не исключено предположение, что топоним «Сос» (в хакасском произношении «Соос») представляет собой стяженную форму от первоначального «Сонга (с)» [Очерки..., 2008. С. 153].

Стелы находились среди камней кыргызского чаатаса, называвшимся хакасами (бельтырами и сагайцами) «мойартас» или «мойас-сеок». Древнее слово «мойар» (мойас) вероятно обозначало священное место. По всей видимости, средневековый могильник со стелами «мойартас» представлял священное, почитаемое погребение. Вполне возможно, что герою Барс-бегу рядом с могилой был сооружен культово-мемориальный комплекс «мойартас», включавший эпитафию и каменное надгробное изваяние, как и кагану Тириг-бегу. Недалеко от этого чаатаса было найдено на берегу Абакана изваяние из серого песчаника. Ныне этот памятник находится в музее аала Усть – Сос.

В Уйбатской степи Хонгорая известна одна небольшая руническая надпись, состоящая из четырех строк, выбитых на каменной плите кургана «Узун-обаа». Ныне она считается девятой надписью с реки Уйбат. Высокий авторитет в российской тюркологии проф. С.Г. Кляшторный предложил свое чтение. Согласно его трактовке текст памятника звучит следующим образом:

Транскрипция.

1. tatar ıg eli
2. yeg üçün berür.
3. 4. ekimiz külür.

Перевод:

1. Татарский враждебный эль
2. ради (своего) блага выплачивает (дань, откуп).
3. 4. мы оба (этому) радуемся.

В данном случае слово «татар» понимается как исторический этноним восточных соседей древнетюркских народов. По исторической интерпретации С.Г. Кляшторного татары в начале IX в. являлись союзниками уйгуров. Поэтому враждебные действия кыргызов против «татарского эля» можно отнести к IX в., т.е. к периоду уйгуро-кыргызских войн в Центральной Азии и последующих кыргызских походов в Восточный Туркестан.

Поддерживая мнение проф. С.Г. Кляшторного в отношении значения слова «татар» мы в свою очередь предлагаем следующее значение указанного текста памятника:

Транскрипция.

1. tatar yıǵı eli
2. iğecin berür.
3. 4. ekimiz külür.

Перевод:

1. татарский плачущий народ
2. своих сестер отдает.
3. 4. наши младшие братья (получая в награду женщин) радуются (этому).

До сих пор во многих тюркских языках, и в хакасском в том числе, среди родственной терминологии имеются слова «игечи» – старшая сестра (мужа или жены) и «ике» – младший брат [БХРИЭС. С. 31].

В связи с указанной терминологией мы готовы предложить следующую историческую интерпретацию. В древнетюркских надписях татарами обозначались монгольские племена. Например, в 750 г. уйгурский каган Моюн-чур двинул свое войско на восток, где

«татар...призвал к ответу» [Малов. 1959. М. 40]. В китайской политической и исторической традиции, начиная с Сунского времени (X в.н.э.), также преобладало наименование монголов татарами (да-да). После разгрома Уйгурского каганата и захвата территории Центральной Азии в 840 г., кыргызы столкнулись с монголоязычными татарами. Вероятно в период своего «великодержавия» кыргызы, разгромив враждебных татар, захватили в качестве трофеев их женщин, мужья которых пали в бою. По обычаю, татарские рабыни стали достоянием кыргызских мужчин. Вероятно, такое знаменательное событие и отражает девятая надпись с реки Уйбат. [Очерки... 2008. С. 155–156].

Кыргызские руны, при правильном их чтении, помогают раскрыть тайны истории государства южно-сибирских кочевников. Правящим классом военно-политической системы кыргызов являлись беги, которым и посвящены эпитафийные надписи. Их княжеская власть держалась на военной силе дружин, состоявших из потомственного сословия батыров и рядовых воинов – эров. Беги служили своему небесному элю (государству), главой которого был каган. Воспевание в текстах «земного рода барс» связано, как склонны думать ученые, с тотемом кыргызов, который, можно предположить, употреблялся вместо их этнонима. По данным памятников рунического письма, Кыргызское государство активно выступало на политической арене Центральной Азии. Кыргызы вели дипломатические сношения с Китаем и Тибетом, выступали союзниками Тюркешского каганата, воевали и подчинили уйгуров, враждебных татар и т.д. В результате нашего исследования выяснено историческое имя основателя Кыргызского каганата, «почитаемого барса» Тириг бега, известного по китайским источникам как «Ажо».

Список использованных источников и литературы

1. Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения северной Киргизии. // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т.4. М., 1960. С. 3–137.
2. Айдын Эрхан. Заметки по поводу названий тюркских племен, встречающихся в енисейских памятниках // Эпиграфика Востока. XXIX. М., 2011. С. 3–13.
3. Бартольд. В.В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. Т.2. ч.1. М., 1963. С. 473–547.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950.
5. Боголюбовский И. Исследования красноярского и минусинского округов 1881, 1882 и 1883 годы. СПб., 1890.
6. Бутанаев В.Я. Новая Уйбатская сабра // Ученые зап. КазНИИЯЛИ. Абакан, 1973. Вып.18. №2. С. 149–153.
8. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995.
9. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
10. Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. //СА. XII. М.-Л., 1950. С. 128 – 156.
11. Гумилев. Л.Н. Древние тюрки. М. 1967.
12. Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) //Turcologica. К 70- летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 258–267.
13. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
14. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
15. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л., 1952.

16. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. – Л., 1959.
17. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан, 2008.

Сведения об авторе: Бутанаев Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, г. Абакан, Республика Хакасия, РФ

УДК 9.93/94

А.М. Кылычев, Ж.О. Омурова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
(Бишкек, Кыргызская Республика)

**Сведения восточных источников об истории Притяньшаня
и сопредельных территорий в эпоху средневековья**

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА000002)

Аннотация. В предлагаемой статье приведен обзор письменных источников по истории Притяньшаня и сопредельных территорий в эпоху средневековья. События истории исследуемого региона и периода довольно обширно отражаются в персоязычных нарративных источниках, которые хранятся в рукописных фондах и библиотеках стран бывшего СССР, ИРИ, Турции, Англии, Франции и т.д.

Ключевые слова: персоязычные письменные памятники, Притяньшанье, средние века, Моголстан, Мавереннахр, Дашт-и Кипчак.

A.M. Kylychev, J.O. Omurova

Kyrgyz State National University named J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyz Republic)

**Information from Eastern sources about the history of the Tien Shan
and adjacent territories in the Middle Ages**

Abstract. The proposed article provides an overview of written sources on the history of the Tien Shan and adjacent territories in the Middle Ages. The events of the history of the studied region and period are quite extensively reflected in Persian-language narrative sources, which are stored in manuscript funds and libraries of the countries of the former USSR, Iran, Turkey, England, France, etc.

Keywords: persian written records, Prityanshane, Middle Ages, Mogolstan, Maverennahr, Dasht-i Kipchak.

Основными источниками по истории средневекового периода истории стран Центральной Азии являются письменные памятники и сочинения, написанные на арабском, персидском и тюркском языках в Центральной Азии и сопредельных с ней территориями.

История Дашт-и Кипчака, Семиречья, Мавераннахры, Моголстана, Восточного Туркестана и других соседних регионов, тесно связанных между собой, – это история важных социальных процессах, обусловленных внутренними и внешними факторами политического и эторгоао-экономического развития.

Согласно информации письменных источников, в XIII в. основная масса населения улуса Джучи состояла из тюркских и монгольских кочевых племен и родов. В персоязычных источниках XIII–XIV вв. население улуса Джучи именуются монголами, татарами, тюрками и кыпчаками.

В тот период, Семиречье (Жетисуу) являлось одной из составных частей Моголстана – кочевого государства образовавшегося после распада улуса Чагатай в 40-х годах XIV в. В 70-х гг. XV в. в состав этого государства кроме Семиречья, вошел и Восточный Туркестан.

Кочевое население Моголстана называло себя моголами. Правивший Моголстаном Юнус-хан (1462–1487 гг.), пользуясь междоусобными войнами Тимуридов, присоединил к своим владениям Ташкент, который, в последствии, стал его главной резиденцией. Однако большая часть владений Юнус-хана, населенная кочевниками, отделилась от него, признав своим ханом Ахмеда, младшего сына Юнус-хана. В результате чего, вскоре была утрачена отделившаяся от Моголстана Кашгария. После смерти Юнус-хана номинальным главой государства стал его старший сын Махмуд, деливший власть с Ахмедом.

В пределах Моголстана, в горах южного берега Иссык-Куля, в середине XV в. впервые упоминаются кыргызы, переселение которых в этот район с Енисея, по некоторым данным, началось еще в X в. Кыргызы также постепенно слились на новом месте с коренными жителями Притяньшаня, передав им свое племенное имя. Они не имели в данный период своего государственного объединения, а управлялись местными племенными вождями, занимались скотоводством и значительно отличались по своему быту и культуре от окружающих народностей.

Как известно, в центральноазиатской историографии до XIII в. доминировали сочинения на арабском языке. Начиная со второй половины XIII в. арабский язык в Центральной Азии, в основном, становится языком богослужения и богословской литературы. Взамен него, на передний план выдвигается использование персидского и чагатайского языков, которые как языки государственного делопроизводства и культуры, используется в Центральной Азии вплоть до 20-х–30-х гг. XX в.

Дошедшие до нас исторические сочинения создавались во времена правления в Иране ильханов Хулагуидов (1256–1353) (Государство Хулагуидов охватывало все Иранское нагорье вместе с нынешним Афганистаном (кроме Балха, который входил в улус Чагатай), Мервский оазис, Ирак, Верхнюю Месопатамию, Иранский Азербайджан, Арран и Ширван, Армению с Курдистаном и восточную часть Малой Азии (Рум) до реки Кызыл-Ирмак).

В 1295 г. ильханы приняли ислам и отказались признавать власть правителя-язычника. Первоначальной столицей Хулагуидов являлась Марага, затем столица была перенесена в Тебриз, а с начала XIV в. столицей становится Султанийя близ Казвина (Казвин небольшой город на территории современного Ирана).

По указанию правящей династии были написаны многочисленные исторические сочинения, такие как «Тарих-и Джахангуша-История завоевателя мира», «Джам-и аттаварих-Сборник летописей», «Раузат аули ал-албаб фи аттаварих ва ал-ансаб-Сад мудрых относительно хронологий и генеалогий великих людей», «Китаб таджзийат ал амсар ва

тазджийат ал-а`сар-Книга разделения областей и прохождения времен», «Тарих-и гузида-Избранная летопись», «Нузхат ал-кулуб-Услада сердец» и другие.

Авторы этих сочинений придерживались традиционных форм композиции и рукописные произведения, как правило, состояли из трех компонентов: Вводная часть; Основной текст; Заключение.

Написанные сочинения обычно представляли собой несколько томов (муджаллад) и эти тома подразделялись на большие главы (бап, макала) или части (кисм, дафтар), которые в свою очередь делились на разделы (фасл, максад, табака) и рассказы (дастан). Отдельные тома произведений нередко имели свое собственное название.

Ярким образцом сочинения по всеобщей истории является труд «Джам-и ат-таварих-Сборник летописей». Первый том сочинения имеет собственное название «Тарих-и мубарак-и Газани-Благословенная Газанова история».

Тимуридские исторические сочинения, как правило, охватывают период правления Эмира Тимура (1370–1405) и его потомков т.е. династии Тимуридов (1370–1506), представители которых управляли Мавереннахром, Афганистаном, Ираном, Азербайджаном и Ираком.

К тимуридским источникам относятся следующие сочинения: «Тузук-и Тимури-Уложения Тимура», «Зафар-наме – Книга побед», «Мунтахаб ат-таварих-и Муини – Избранные произведения Муини», «Зафар-наме-йи Тимури –Книга о победах Тимура» «Тарих-и арба улус – История четырех улусов», «Маджм а-и Хафиз-и Абру – Свод Хафиз-и Абру», «Муджмал-и Фасихи – Фасихов свод», «Матла-и ас-саадайн ва маджма-и ал-бахрайн – Место восхода двух созвездий и слияния двух морей» и другие.

Сочинения тимуридского периода представлены историческими хрониками, анналами, мемуарами, биографиями. Согласно изложению материала, исторические хроники можно отнести к группе всеобщих и династийных историй.

Сочинения по всеобщей истории: «Мун-тахаб ат-таварих-и Муини – Избранные произведения Муини», «Маджма ат-таварих-и султаныйа» имеет свое собственное название «Зубдат ат-таварих-и Байсунгари-Бай – сунгаровы сливки летописей».

Династийные тимуридские рукописные книги можно разделить на две подгруппы:

1. Авторы первой подгруппы посвящают свои сочинения описанию правления какого-либо одного представителя династии, например, такие сочинения, как «Зафар-наме», «Зафар-наме-йи Тимури», освещают жизнедеятельность Эмира Тимура.

2. Авторы второй подгруппы описывают годы правления целого ряда представителей какой-либо династии, следующих один за другим. Например, сочинение «Улус-и арба-йи Чингизи» посвящено истории правления Чингиз-хана и его потомков.

Как известно, в начале XVI в. кочевники из Дашт-и Кипчака под предводительством Мухаммада Шейбани-хана (1500–1510) вторглись в Мавереннахр. Овладев Маверенахром и Хоросаном за 1501–1506 гг., установили господство новой династии Шейбанидов (1506–1601). Столицей государства становится Бухара. За период правления династии Шейбанидов написаны многочисленные исторические сочинения и к ним относятся: «Фатх-наме – Книга побед», «Шейбани-наме – Книга о Шейбани-хане», «Футухат-и хани –Ханские завоевания», «Михман-наме-йи Бухари – Книга Бухарского гостя», «Бадаи ал-вакаи – Чудеса происшествий», «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани-Абу-л Хайр – Ханова летопись», «Шараф-наме-йи шахи – Книга шахской славы», «Муссаххир ал-билад – Покорение стран» и другие [9].

Шейбанидские сочинения также представлены историческими хрониками, мемуарами, биографиями. Согласно изложению материала, исторические хроники можно отнести к группе всеобщих и династийных историй.

Более того, в нарративных персоязычных источниках содержатся ценные сведения о кочевых племенах Дашт-и Кыпчака и об их взаимоотношениях с соседними народами на рубеже XIV и XV вв. Среди источников XIV в. интересны сочинения «Джам-и ат-таварих» Рашид ад-Дин Фазлаллах ибн Имад ад-давла Абу-л-Хайр Хамадани (написано в 710/1310–11 г.); «Раузат авли ал-албаб фи ат-таварих ва ал-ансаб» Абу Сулайман ибн Дауд ибн Абу-л-Фазл Мухаммед ибн Дауд ал-Банакати (написано в 717/1317 г.); «Китаб таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-а'сар» Шарафаддин 'Абдаллах Шараф Ширази ибн 'Изаддин Фазлаллах Йазди (Ходжа Шихабaddin) (написано в 728/1372 г.).

Из источников XV в. можно отметить «Мунтахаб ат-таварихи Му'ини» Му'ин ад-Дин Натанзи (написано в 1413–14 г.); «Зафар-намейи Темури» Шараф ад-дин 'Али ибн Шайх Хаджи Йазди (написано в 829/1424–25 г.); «Тарихи арба' улус» Мирза Улугбек (написано не позднее 1425 г.); «Му' изз ал-ансаб» неизвестного автора (написано в 830/1426–27 г.); «Тарих-и Хафиз-и Абру» Шихаб ад-Дин 'Абдаллах ибн Лутфуллах ибн 'Абд ар-Рашид ал-Харави; «Муджмал-и Фасихи» Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад; «Матла' са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» (Первый том сочинения был закончен в 871/1466 г., второй в 875/1470–71 г.) Камал ад-Дин 'Абд ар-Раззак ибн Джалал ад-Дин Исхак Самарканди.

Для изучения истории кыргызского народа особый интерес представляют те разделы сочинений, где описываются тюркские и монгольские племена, история монголов и их завоевания, монгольские ханы и их преемники до Эмира Темира включительно.

Изложена история Турк-хана ибн Йафаса и правивших в Туркестане его потомков (Абу-джахан, Дибокуйхан, Куюк-хан и др.), татаро-монгольских и тюркских родов и их правителей (Могул-хан, Карахан, Огуз-хан и т.д.). Описываются порядок проведения дворцовых церемоний по приему гостей во времена Огуз-хана, структура тюркских войск, устройство улуса и т.д. Судя по сведениям о тюркских и монгольских родах, они жили настолько близко, что их родословные тесно переплелись. Есть записи о легендарной прамати тюрко-монгольских народов Аланкуве и ее потомках, в том числе о таких правителях, как Бузунжар каан, Бука-хан, Дутимен-хан, Кабул-хан, Байсунгур-хан, Бортон базадур, Йасугай бахадур.

В главах, где излагается история Чынгыз-хана (ум. в 1227 г.), интересны сведения о структуре монгольских войск, о белых знаменах Чынгыз-хана девяти ступеней, о порядке проведения курултая и церемоний приемов.

В результате завоевательных войн Чынгизидов, к 1260 г. образовалась самая обширная и могущественная империя, простиравшаяся от Желтого моря на востоке до Дуная и Евфрата – на западе. Но уже к концу 60-х гг. XIII в. Монгольская империя распалась на четыре улусо-государства, каждое из которых возглавляли ханы – потомки Чынгыз-хана.

Согласно сочинению «Джам-и ат-таварих», обширные земли, завоеванные к западу от Монголии, были поделены между старшими сыновьями Чынгыз-хана. Территория современного Кыргызстана вошла в состав трех монгольских улусов: степные северные просторы – в состав улуса Джучи (ум. в 1227 г.), Южный и Юго-Восточный Казахстан – в улус Чагатай [4] (ум. в 1242 г.), а северо-восточные земли – в улус Угедея (ум. в 1241 г.).

Одна часть территории современного Казахстана была известна как Узбекский улус, а другая – как Моголстан. Образование Моголстана связано с распадом Чагатайского улуса. В

середине XIV в. улус Чагатай распался на две части – западную и восточную. В западных владениях – Мавераннахре – род Чагатай потерял свое господство, и фактически власть находилась в руках тюрко-монгольских эмиров, среди которых выделился Эмир Темир (1370– 1405) (Эмир Темир – великий полководец и государственный деятель, 1336–1405 гг., годы правления – 1370–1405 гг.).

В восточной части возводились ханы из рода Чагатай. Кочевники восточной части Чагатайского улуса называли себя могилами. Тогда же от этого термина было образовано персидское географическое название Моголистан.

При написании сочинения «Джам-и ат-таварих» автор использовал монгольскую официальную хронику, хранившуюся в ханской сокровищнице, а также другие монгольские предания через посредство вельможи Пулада Чансанга [8]. Источник хорошо известен в научном мире, имеются издания текста и множество переводов на другие языки. В первом томе «Джам-и ат-таварих» подчеркивается, что те племена во владениях Монгольской империи, которую составляли в основном монголы, и являются господствующим этническим элементом. В действительности же все или почти все так называемые в сочинении монголы являются тюрками [10]. Тюркские племена со времени возвышения монголов в престижных целях стали причислять себя к ним и называть себя их именами. Рашид ад-Дин писал, что «вследствие же их могущества другие племена в этих областях стали известны под их именем, так что большую часть тюрков (теперь) называют монголами. Подобно тому как перед этим татары стали победителями, то и всех (других) стали называть татарами» [6, с. 77].

Согласно Рашид ад-Дину, у Чынгыз-хана от старшей жены Борте родились четыре сына и пять дочерей. «Эти четыре сына Чынгыз-хана были умны, исполнены достоинств и совершенны, отважны и мужественны, ценимы отцом, войском и народом. Государству Чынгыз-хана они служили как четыре основных столпа. Каждому из них он уготовил свое государство и называл их «четырьмя кулуками», а «кулуками» называют тех из людей, коней и прочих, которые выделяются, превосходят других и стоят впереди» [6, с. 69–70]. Рашид ад-Дин приводит имена 13 сыновей Джучи-хана и их известных потомков.

В Дашт-и Кыпчаке особенно интенсивно шел процесс слияния монголов с местным населением и образования новых этнических структур. В политической жизни покоренных монголами стран прочно укрепилась государственная идея, согласно которой хан – только Чынгызид [8].

Уделы должны были служить для сыновей Чынгыз-хана только источником дохода, оставаясь подчиненными главе империи. Но обширность монгольской державы, удаленность от общеимперского центра на Орхоне вели к тому, что действительной властью была только власть на местах.

По Рашид ад-Дину, Орда-Эджен, сын Джучи, с войском и четырьмя братьями – Удуром, Тукай-Тимуром, Шингкумом, Сингкумом – составляли левое крыло армии Джучидов, и «их до сих пор называют царевичами левого крыла». Земли между владениями Бату и уделом Орда-Эджена были пожалованы другому сыну, Шибану, с тем чтобы он проводил лето к востоку от Яика, на берегах Иргиза, Ори, Илека до горы Урала, зиму – в Аракуме, Каракуме, на берегах Сырдарьи и при устьях Чусу и Сарысу. Под власть Шибана Бату отдал народ, состоящий из 15 тысяч семейств, выделив ему из древних родов четыре главных племени – кушчи, найман, карлык, буйрак. Войско Шибана и его потомков вошло в состав правого крыла армии улуса Джучи [5, с. 188].

С историей сложения улусной системы в золотоордынском государстве связано разделение его на орды, в частности, на Кок-Ордо и Ак-Ордо. Название Кок-Ордо в качестве официального применялось еще при жизни Джучи – для обозначения его ставки, располагавшейся в верховьях Иртыша, около озера Алакуль; позже термин Кок-Ордо применялся к потомкам Ордо-Эджена и их владениям, которые простирались от верховьев Иртыша дальше на запад к Или и Сырдарье; Джучидов Кок-Ордо называли «царевичами левого крыла». Название Ак-Ордо прилагалось к области, составлявшей основную часть владений потомков Шибана. Войско царевичей Ак-Ордо входило в состав правого крыла армии Джучидов. Правители Кок-Орды фактически были не- зависимы и не ездили на курултай к золото-ордынским ханам, хотя номинально признавали их своими правителями.

В каждый рассматриваемый исторический период, в зависимости от политической ситуации границы между уделами Джучидов то сужались, то, наоборот, расширялись. Согласно сочинению Му' ин ад-Дина Натанзи, в XIV в. в состав владений потомков Орда-Эджена входили кроме Сыгнака города: Сарайчук, Сауран, Дженд, Барчкенд, Отрар, где султаны этой династии Чынгызидов возводили постройки и благотворительные учреждения. Точное название дошедшего до наших дней и при- надлежащего перу Му' ин ад-Дин Натанзи произведение неизвестно. Оно известно в научных кругах под названием «Аноним Искандера». Имеется также второй список под названием «Мунтахаб ат-таварихи Му' ини», который посвящен тимуриду Шахруху (807/1405–850/1447 г.).

Урус-хан был из потомков «царевичей левого крыла» улуса Джучи и, по словам Му' ин ад-Дина Натанзи, по примеру своего деда Орда-Эджена, построившего «большую часть медресе, ханаке, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Барчкенде», воздвигал постройки в своей столице, городе Сыгнаке [5].

Кок-Ордо после распада улуса Джучи осуществляла власть над землями, расположенными между Волгой и Днепром, включая Крым, Северный Кавказ, Булгар и северную часть Хорезма, и по-прежнему называлась Золотой Ордой. Ак-Орде были подчинены земли, находившиеся в нижнем и среднем течении Сырдарьи, и обширная территория, расположенная к северу от Сырдарьи и Аральского моря [3].

Во второй половине XIV в, умело использовав усилившиеся тогда в Золотой Орде смуты, власть в Хорезме захватил Хусайн Суфи из племени кунграт и начал чеканить монету от своего имени. Согласно сведениям Му' ин ад-Дин Натанзи, Хусайн Суфи был сыном влиятельного золотоор- дынского эмира Нангадая, убитого в Сарае в 1361 г. Келдибеком.

Об этих и других событиях истории исследуемого региона и периода довольно обширно отражаются в персоязычных нарративных источниках, которые хранятся в рукописных фондах и библиотеках стран бывшего СССР, ИРИ, Турции, Англии, Франции и т.д. Общеизвестно, что в советской историографии достаточно распространенным являлось мнение об отсутствии в кочевой культуре письменных источников. Большинство исследователей разделяло мнение французских историков Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса – «нет документов – нет истории». На современном этапе развития историографической и источниковедческой науки появилась потребность пересмотреть отношение к письменной культуре кочевой цивилизации.

В плане теоретического источниковедения наиболее распространена классифи- кация арабо-персидских и тюркских источников по истории народов Средней Азии и Казахстана по территориальному признаку. Источники разделены на тимуридские, шайбанидские,

чагатаидские, сефевидские и османские группы историографии. Как видим, при классификации огромного источниковедческого материала, в первую очередь, учитывается только географическая принадлежность или место написания источников. При этом, несомненно, следует учесть несовпадение границ средневековых государств с современными государственными территориями, что, в свою очередь затрудняет их научное изучение.

Таким образом, кратко резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод, что материалы письменных источников помогут воссоздать цельную картину этнического состава, его компонентов, процесса этногенеза, формирования кыргызского народа и его многовековой этнической истории. При этом необходимо помнить, что историю одного народа трудно искусственно от- делить от истории других соседних народов Центральной Азии.

Список использованных источников и литературы

1. Абд ар-Раззак Самарканди. Рукопись Института Востоковедения АН Республики Узбекистан, инв. No 5374, д. 247б.
2. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
3. Греков Б.Д. и Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
4. История Казахстана и Центральной Азии: Учебное пособие / Абусеитова М.Х. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
5. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992.
6. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн. 1. М.; Л., 1952.
7. Собрание Восточных Рукописей АН Республики Узбекистан. История. Ташкент: ФАН, 1998.
8. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чынгыз-хана. Алматы, 2001.
9. Тулибаева Ж.М., Исахан Г.Т. Арабографические источники по истории Казахстана. Астана, 2013.
10. Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

Сведения об авторах:

Кылычев Акылбек Мукаевич, д.и.н., профессор кафедры регионоведения и кыргызоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, e-mail: akyl_mukay@mail.ru

Омурова Жамийкат Орозобековна, д.и.н., профессор кафедры регионоведения и кыргызоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, e-mail: jamyikat2012@gmail.com

УДК 94(477.7)«9»1

Е.Н. Шумилов

Пермь (Россия)

Две жизни Хазарского каганата

Аннотация. Статья посвящена проблеме периодизации истории Хазарского каганата. До недавнего времени считалось, что каганат существовал 300 лет, с середины VII в. до

второй половины X в. Новые данные позволили внести существенные коррективы в периодизацию, согласно которым первый каганат (собственно хазарский) функционировал с середины VII в. до первой трети IX в., второй (савирский) – с первой трети IX в. до второй половины X в. Хотя не исключено, что в рамках каганата имели место две орды и одна из орд заменила другую.

Ключевые слова: периодизация, Хазарский каганат, хазары, савиры, русы.

E.N. Shumilov

Perm (Russia) e-mail: kinshum@yandex.ru

Two lives of the Khazar Khaganate

Abstract. The article is devoted to the problem of periodization of the history of the Khazar Khaganate. Until recently, it was believed that the khaganate existed for 300 years, from the middle of the VII century to the second half of the X century. The new data made it possible to make significant adjustments to the periodization, according to which the first khaganate (actually Khazar) functioned from the middle of the VII century to the first third of the IX century, the second (Savir) – from the first third of the IX century to the second half of the X century. Although it is possible that two hordes took place within the kaganate and one of the hordes replaced the other.

Keywords: periodization, Khazar khaganate, Khazars, Savirs, Rus.

В современной историографии прочно утвердилось мнение, согласно которому средневековый Хазарский каганат существовал с VII по X в. С этим положением можно согласиться, но только отчасти. Действительно, каганат был известен в данных исторических рамках. Но по факту были два каганата, причем второй в определенной степени являлся преемником первого. Итак, по порядку.

В середине VII в. произошло вторжение в район Волго-Донского междуречья кочевых пришельцев из Азии – хазар. Следы этой экспансии, продолжавшейся до середины VIII в., археологи выявили благодаря находках специфических погребений – подпрямоугольных курганов с останками коней и ровиками, которые обнаружили на территории Калмыкии, в Черноярском районе Астраханской области (памятник Кривая Лука), в Волжском районе Самарской области (Новинковские курганы, которые до недавнего времени приписывали тюркам-болгарам, хотя те появились здесь лишь в VIII в. и имели грунтовые могильники) [1]. Но основная масса хазарских курганов (более 300) расположена в бассейне реки Дон, преимущественно в его низовьях. Хазары вытеснили большую часть обитавших здесь тюрков-болгар [2, гл. 6]. Но пока не ясно, была ли это одна орда или же мы имеем дело, как в случае с более поздними печенегами, с двумя ордами. При этом одна орда кочевала с юга на север по реке Дон, а вторая – с низовий Волги к ее среднему течению по правому берегу реки.

Пришельцы не ограничились этими территориями: о масштабных завоеваниях хазар свидетельствуют археологические материалы и письменные источники. Во второй половине VII в. и в начале VIII в. они распространили свое влияние на обширные земли, как в северном, так и в западном, направлениях. На севере было отмечено массовое переселение земледельческого именьковского населения из среднего Поволжья в верховья Дона и междуречье Днепра и Дона, что способствовало образованию здесь волынцевской и боршевской культур, некоторые находились под контролем хазар. Скорее всего, это не обошлось без их участия, так хазары нуждались в обеспечении сельскохозяйственными

продуктами. В «столице» волынцевской культуры в Битицком городище выявлена ставка кочевников [3, с. 40–43]. В западном направлении был успешный захват в 655 г. хазарами части Крыма. Некоторое время, в начале VIII в., в Херсоне находился хазарский наместник [4, с. 171–222].

Параллельно с хазарской экспансией осуществлялась арабская экспансия. Они схлестнулись сначала в Закавказье, а затем – на территории современного Дагестана. Ожесточенная борьба, длившаяся несколько десятилетий с переменным успехом, закончилась победой арабов, которым удалось в 735 г. совершить глубокий рейд в земли Хазарского каганата и захватить огромный полон из числа славян [5, с. 233–238]. Правитель хазар – каган – капитулировал. Однако закрепиться на землях каганата, за исключением южного Дагестана, арабы не смогли. В свою очередь хазары оперативно среагировали: в 740-х годах произошло массовое переселение разноплеменного населения из Западного Кавказа в верховья Дона [6, с. 168–169]. Вряд ли представители разных народов (иранцы, адыги, тюрки-болгары) сами решились поселиться совместно. Ясно, что это было делом рук правителей каганата. То же самое произошло с населением Восточного Кавказа (северного Дагестана), жителей которого поселили в Донецком княжестве [7, с. 58–59]. Скорее всего, этими действиями хазары хотели лишить арабов нового податного населения.

Хазарский каганат существенно сократил свое военное присутствие на многих территориях, утратил контроль над южным Дагестаном и Аланией. В то же время, начиная с 780-х гг., он приобретает роль центра международной торговли. Разумеется, кочевники-хазары сами торговлей не занимались, а лишь получали от нее дивиденды. Торговало оседлое население верховий Дона и его притока Северского Донца (в археологическом плане это лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры). С 780-х гг. наступила эпоха торговой экспансии хазар. С этого времени формируются три основных направления торговых путей: первый – на северо-запад в юго-восточную Прибалтику: здесь торговцев привлекал янтарь. Второй путь шел к Ладоге, где можно было получить ценные меха. Поселившиеся в Ладоге салтовцы построили в ней в 780-х годах стеклодельную мастерскую, в которой изготавливали стеклянные бусы, а сырье для их производства завозили с юга [8, с. 40–43]. Готовые изделия-безделушки они меняли на меха пушных зверей у местных туземных охотников. Третий путь шел по лесостепной зоне в сторону Волжской Болгарии [9, с. 102].

Помимо бус салтовцы широко использовали при товарообмене арабские серебряные дирхемы, которые в последней четверти VIII в. получили широкое хождение на просторах Восточной и Северной Европы. На первом этапе хождения дирхемов, датируемом концом VIII – первой третью IX в., преобладали монеты африканской чеканки из Магриба (торговля с ним осуществлялась через Крым и Византию) [10, с. 49]. Лесостепной регион салтово-маяцкой культуры превратился в промышленный центр, где получили развитие металлургия, металлообработка, производство украшений и оружия [11, с. 75–83].

Благополучие хазар рухнуло в одночасье в первой трети IX в., когда в каганате разразился голод, возможно, связанный с засухой [12, с. 376]. Ослабление каганата усилили внутренние противоречия, которые привели к гражданской войне. Нумизматический материал, выявленный в ходе археологических раскопок, наглядно свидетельствует о кризисе в обращении монет, водоразделом которого является 833 г. [13, с. 118–121].

В этот же период в одной из областей каганата – в волынцевской культуре славян-северян – происходят катастрофические изменения: горят и уничтожаются поселения, как по реке Днепр, так и в бассейнах рек Десна, Сула, Псел, гибнет Битицкое городище и его

население. Археолог А. В. Комар связывает эти события с вторжением на левобережье Днепра первых русов [14, с. 115 – 137]. На базе волынцевской культуры возникает новая культура – роменская.

Ослабевший Хазарский каганат потерпел от русов сокрушительное поражение. Теперь северная граница каганата стала проходить по среднему Дону, где хазары для защиты от русов возвели в 838 г. с помощью византийцев крепость Саркел [15, с. 12 –141; с. 39–40]. В городе Хамлидже (по-арабски халидж – пролив; позднее – Тмутаракань) хазары открыли таможню, в которой русы, отправляясь с товаром (им чаще всего были подвластные им славяне) в столицу Арабского халифата Багдад, платили таможенный сбор [16, с. 124].

Население верховий Дона, промышлявшее торговлей, явно тяготилось господством хазар. В первой трети IX в. оно начало чеканить свою монету в подражание арабским дирхемам [17, с. 75–83]. Что являлось признаком обретения автономии или независимости.

Уцелевшая верхушка хазар откочевала в низовья Волги, где постепенно слилась с савирами (последних стали звать тюркскими хазарами). Савиры, с конца VII в. являвшиеся христианами-несторианами, ранее уже имели свое княжество, зависимое от хазар [18, с. 63–66]. Теперь маршрут правящего домена каганата простирался от низовий реки Волги до среднего течения Дона, где находилась крепость Саркел. Зимней резиденцией правителей Хазарии стал город Беленджер в северном Дагестане [19, с. 56]. Позднее была построена новая более безопасная (зимняя) столица на реке Волге – Итиль [20, с. 83–106]. По сути это был уже новый каганат, с новым доминирующим населением, но претендовавший на преемственность от прежнего Хазарского каганата. Отголоском этого, по-видимому, являлось своеобразное двоевластие: каган лишь номинально числился правителем страны, фактически власть была в руках бека [21, с. 135–144].

Появление в 880-е гг. в лесостепной зоне кочевников-печенегов, прибывших из Заволжья, имело катастрофические последствия для местного населения: территория верхнедонской группы салтовцев подверглась разгрому, а ее жители в своем большинстве бежали. Тоже самое произошло с земледельческим славянским населением – северянами, вятичами, донскими славянами: они устремились в более безопасное место на запад, где способствовали формированию нового племени – радимичей [22, с. 18–22].

Часть печенегов проникла вглубь хазарской территории, достигнув Хазарских гор (Ставропольского нагорья). Они получили известность у восточных авторов как «хазарские» печенеги [23, с. 3–32]. Сразу же начались затяжные войны хазар с печенегами. Печенеги регулярно терпели поражения, а пленники из их числа постоянно появлялись на восточных базарах. И, тем не менее, изгнать печенегов хазарам так и не удалось [24, с. 357].

В этих условиях верхушка каганата принимает решение поменять религию: перейти от несторианства к иудаизму. Трудно сказать, что послужило этому. Верхушка, с одной стороны, пыталась бороться с всё возрастающим влиянием мусульман, с другой стороны, старалась их не рассердить [25, с. 33–34], так теперь во много зависела от военной помощи мусульман.

Под влиянием мусульман от хазар отделились их давние вассалы – волжские булгары. В самом начале X в. они установили тесные торговые связи с Саманидами и теперь вся международная торговля Востока и Северной Европы шла через Волжскую Булгарию. Торговцы из Центральной Азии прибывали туда сухопутным путем по Заволжью, минуя земли хазар. Это привело к сближению волжских булгар с исламским миром и уже в 914 г. они наряду с буртасами участвовали в истреблении русов, бежавших наверх Волги после разгрома их мусульманами [26, с. 130–134]. В 922 г. булгары сделали решительный шаг к

обретению независимости о Хазарии, приняв ислам от Арабского халифата [27, с. 67–68]. И каганат вынужден был с этим смириться.

Казалось бы, что Хазария уже обречена. Но, как показали дальнейшие события, ее потенциал еще не был до конца исчерпан, и он привел к всплеску военной активности на рубеже 930–940-х гг. Не исключено, что здесь существовала прямая связь с появлением в Хазарии талантливого полководца Песаха. Важную роль сыграло и мусульманское воинство, на которое опирался каганат. Песаху удалось разгромить русов, пытавшихся обосноваться в восточном Крыму. Затем в течение нескольких месяцев боевых действий сломить их сопротивление на территории роменской культуры [28, с. 117–120]. Под власть хазар вновь попали земли славян-вятичей.

Первый удар по окрепшим хазарам был нанесен в 965 г. киевским князем Святославом Игоревичем. Ему удалось разгромить войско кагана и взять стратегически важную Белую Вежу (Саркел), открыв тем самым путь в Черное море [29, с. 114–115].

Новая военная экспедиция русов в 969 г. добралась до низовий Волги. Арабский путешественник и географ X в. ибн-Хаукаль охарактеризовал ее последствия в весьма мрачных тонах. Согласно ему, русы разгромили одну из столиц Волжской Булгарии город Булгар и новую столицу Хазарии Итиль (Хазаран). В реалии эти города представляли собой летние резиденции правителей и были слабо защищены, так как в летний период значительная часть жителей покидала города, отправляясь на кочевки. Поэтому полупустые города стали легкой добычей для русов. Другое дело – город Семендер в северном Дагестане, население которого было оседлым: разгром русами стал для него катастрофой [30, с. 91, 94]. Лишившись Семендера и Итиля, хазары-савиры превратились в чисто кочевников и незаметно сошли с исторической арены.

Список использованных источников и литературы

1. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1997. 226 с.
2. Ивик О., Ключников В. Хазары. Санкт-Петербург: Ломоносов, 2013. 340 с.
3. Юренко С.П., Сухобоков О.В. О погребальной обрядности носителей памятников волынцевской культуры (по материалам Битицкого городища) // Археология и история Юго-Востока Руси. Воронеж, 1993. С. 40–43.
4. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Изд-во «Дар», 1999. С. 171–222.
5. Артамонов М.И. История хазар. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 233–238.
6. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва: Наука, 1989. С. 168–169.
7. Бартольд В.В. Сочинения. Москва: Изд-во вост. лит-ры, 1966. Т. IV. С. 58–59.
8. Рябинин Е.А. Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе: (По материалам исследований Ладого VIII – IX вв.) // Дивинец Староладожский. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 43–49.
9. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. Москва: Изд-во вост. лит-ры, 1967. Т. 2. С. 102.
10. Нумизматика. Новополюк: ПГУ, 2008. С. 49.

11. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). Москва: Наука, 1987. С. 75–83.
12. Артамонов М.И. История хазар. Санкт-Петербург: «Лань», 2001. С. 376.
13. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. Москва: Наука, 1967. С. 118–121.
14. Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Альманах історії та археології Східної Європи RUTHENICA. 2005 № 4. С. 115–137.
15. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. Москва: Наука, 1993. С. 129–141; Константин Багрянородный. Об управлении империей. Москва: Наука, 1991. С. 39–40.
16. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку: «Элм», 1986. С. 124.
17. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). Москва: Наука, 1987. С. 75–83.
18. Семенов И.Г. К локализации савиров (по данным «Армянской географии» VII в.) // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии // Межрегиональная научная конференция V «Минаевские чтения» музееведению Северного Кавказа – «Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии». Ставрополь, 2001. С. 63–66.
19. Плетнева С.А. Хазары. Исчезнувшие народы. Москва: Наука, 1988. С. 56.
20. Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. Москва: Мосты культуры, 2010. С. 83 – 106.
21. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Москва: Наука, 1990. С. 135–144.
22. Шумилов Е.Н. Радимичи в контексте истории Южной Руси // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: Зборнік навуковых прац удзельнікаў X Міжнар. навук. канф., 25 – 26 мая 2017 г., г. Магілёў. Магілёў, 2017. С. 18–22.
23. Худуд ал-Алем. *Рукопись Туманского* с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1930. С. 3–32.
24. Артамонов М. И. История хазар. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 357.
25. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956. С. 33 – 34.
26. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Санкт-Петербург, 1870. С. 130–134.
27. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1939. С. 67–68.
28. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1932. С. 117–120.
29. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука, 1997. С. 114–115.
30. Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. Москва: Наука, 1976. С. 91, 94.

Сведения об авторе: Шумилов Евгений Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Пермь (Россия), e-mail: kinshum@yandex.ru

З.Т. Садырова

Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта им. Б. Турусбекова,
Бишкек (Кыргызская Республика)

Вклад профессора Омуркула Караева (1930–2002 гг.)

в исследование истории Караханидов

Аннотация. Целью данной статьи является историографический анализ научных трудов видного кыргызского историка О. Караева – основоположника кыргызского караханидоведения. Большое внимание уделено актуальности разработки данной проблематики для отечественной историографии. Показаны важность и престижность научной темы караханидоведения для советских, постсоветских востоковедов и тюркологов. В качестве основного источника является докторская монография О. Караева. По каждому его разделу дается сущностный анализ с современных позиций. Особо отмечается его хорошее знание арабо-персидских источников по теме. Выявлен собственный подход автора к исследованию политического устройства, этнического состава населения, взаимоотношений с соседними государствами. Дана характеристика концепции О.Караева о чигилском происхождении династии Караханидов. Выявлены особенности тюрко-согдийского синтеза и хозяйственно-торгового сотрудничества кочевого и оседлого населения. Обосновано прогнозируется серьезный потенциал научного наследия по караханидоведению О.Караева для дальнейших плодотворных востоковедческих и тюркологических исследований. Статья исходит из системно-исторического принципа интерпретации прошлого. Методика анализа, примененная в статье, опирается на обще научные механизмы дедукции, индукции, общего, особенного и единичного, исторического и логического, восхождения от абстрактного к конкретному.

Ключевые слова: О. Караев, востоковедение, тюркология, династия Караханидов, государство Караханидов, тюркоязычные племена, согдийцы, средневековье.

Z.T. Sadyrova

Kyrgyz State Academy of Physical Culture and Sports named after B. Turusbekov, Bishkek
(Kyrgyz Republic), sadyrova-zamira@mail.ru

**Professor Omurkul Karayev's (1930-2002) contribution to the research
of The Karakhanids history**

Abstract. The purpose of this article is a historiographical analysis of the scientific works of the prominent Kyrgyz historian O. Karaev, the founder of domestic Karakhanid studies. Much attention is paid to the relevance of the development of this issue for domestic historiography. The importance and prestige of the scientific topic of Karakhanid studies are shown for Soviet, post-Soviet orientalists and Turkologists. The main source is the doctoral monograph by O. Karaev. For each of its sections, an essential analysis is given from modern positions. His good knowledge of Arab-Persian sources on the topic is especially noted. The author's own approach is revealed to the study of the political system, the ethnic composition of the population, and relations with neighboring states. The characterized concept is given by O. Karaev about the Chigil origin of the Karakhanid dynasty. The features of the Turkic-Sogdian synthesis and economic and trade cooperation between the nomadic and sedentary population are revealed.

The serious potential of the scientific heritage of O. Karaev's Karakhanid studies for further fruitful Oriental and Turkic studies is justified. The article proceeds from the system-historical principle of interpretation of the past. The analysis technique used in the article is based on the general scientific mechanisms of deduction, induction, general, special and singular, historical and logical, ascent from the abstract to the concrete.

Keywords: O. Karaev, oriental studies, Turkology, Karakhanid dynasty, Karakhanid state, Turkic-speaking tribes, Sogdians, Middle Ages.

История династии и государства Караханидов является важнейшим периодом в истории Центральной Азии, охватывающим несколько столетий. Несмотря на то, что ученые в СССР, России, Турции, республиках Центральной Азии большое внимание уделили выявлению «белых пятен», имеющих в средневековой эпохе Средней Азии и Казахстана, история Караханидов является одной из наименее исследованных эволюционных этапов в развитии региона.

Данная проблема была объектом специального изучения для многих выдающихся и известных историков, этнологов, археологов, нумизматов, таких, как В.В.Бартольд, З.М.Бунятов, Бурхан, Р.Генч, Давидович Е.А., С.Г.Кляшторный, Кочнев Б.Д., С.Лен-Пуль, А.М.Мокеев, О.Прицак, Э.Тоган, Л.Ю.Тугушева, Т.К.Чоротегин, М.Н.Федоров, М.Усманов, А.Б.Халидов и др.

Среди созвездия имен ученых из России, Китая, Турции, Центральной Азии, занимавшихся исследованием истории династии государства Караханидов особое место занимает кыргызский ученый О.Караев. В связи с этим известный кыргызский историк, профессор Т.Чоротегин отмечает следующее: «Одним из основоположников современной исторической науки Кыргызстана XX века был – профессор О.Караев. Он считается первым выдающимся кыргызским востоковедом, который глубоко изучил арабский язык и исследовал по арабо-персидским источникам проблемы кыргызоведения и тюркологии. Он известен как талантливый специалист по историографии и источниковедению истории Каганата Енисейских кыргызов (VI – начало XIII вв.), в том числе истории Великого Кыргызского каганата (840–924), истории Караханидского каганата (X в. – начало XIII в.), других государств Притяньшанья (тюркские каганаты, государство Хайду, Моголистан и др.)» [Чоротегин, 2015, с. 3].

Выдающимся вкладом О. Караева в исследования истории Караханидов является его фундаментальная монография «История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.)», изданная в 1983 г. Академией наук Киргизской ССР [Караев, 1983]. В книге исследуется комплекс проблем истории государства Караханидов. Показано расселение населения Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в X в., происхождение династии Караханидов, и трансформация функций отдельных титулов правителей. Приводится история возникновения государства Караханидов, завоевание ими Южного Казахстана, Ферганы и Мавереннахра, движения киданей, рассматриваются различные стороны внутренней и внешней политики каганата. Значительное место в монографии занимают вопросы социально-экономических отношений, государственного устройства и культурно-хозяйственной жизни населения.

Основными тематическими разделами являются;

– анализ современных позиций монографии О.Караева «История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.)»;

- обзор научных публикаций профессора О.Караева по караханидоведению в годы перестройки и постсоветский период;
- оценка вклада О.Караева в отечественную караханидоведение и определение перспектив его научного наследия для дальнейших востоковедческих и тюркологических исследований;
- рассмотрение переводов арабо-персидских источников по истории каганата Караханидов с подробными примечаниями.

Данная монография состоит из введения, 6 глав и заключения. В первой главе автор, обращаясь к истории изучения, состоящей из трех периодов; начало изучения истории Караханидов, труды исследователей истории Караханидов в первой половине XX в., труды исследователей истории Караханидов последних лет (с 1950 г.). Большое внимание уделено анализу письменных и нумизматических источников. Письменные источники автор подразделил на 2 категории: историко-географические труды IX–XII вв. и исторические и историко-агиографические произведения XIII–XVII вв. Кроме письменных источников О.Караев глубоко изучил данные нумизматики, которые из-за отсутствия сведений письменных материалов для многих периодов вообще, стали основной базой в исследовании социально-экономической истории государства Караханидов.

Второй раздел анализируемой монографии посвящен популяции Центрального Тянь-Шаня и Семиречья, названию и происхождению Караханидов, а также интерпретации титулов их правителей. Одна из наиболее запутанных и дискуссионных проблем караханидоведения является генезис династии Караханидов в связи с тем, как считает автор, что нет конкретных письменных данных родоплеменного происхождения высших властителей государства Караханидов. Проанализировав многочисленные точки зрения ученых XIX–XX вв., О.Караев присоединяется к гипотезе В.В.Бартольда о генезисе Караханидских правителей, как выходцев из тюркского племени чигилей. При этом автор опирался на собственный аналитический обзор истории и географии Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в преддверие образования государства Караханидов.

Хотя чигильское происхождение династии Караханидов – весьма спорный вопрос, ряд авторов, такие, как С.Г.Кляшторный, Ф.Гренард, Э.Шаванн, В.В.Григорьев, Н.А.Аристов, Р.И.Сафаров и др. считают, что Караханиды являются выходцами из карлукских племен [Кляшторный, 1972, с. 18–23]. По мнению О.Караева, кроме карлуков и чигилей в местную популяцию входили племена ягма (состоящие в конфедерации тогуз-огузов), тухси, аргу, тюргеши, отюреченные согдийцы, туркмены, канглы [Караев, 1983, с. 80]. Кроме них с точки зрения О.Караева, Центральный Тянь-Шань и Семиречье населяли кыпчаки, кенджеки, ябаку и киргизы [Караев, 1983, с. 81].

Проанализировав этнический состав Караханидского каганата, опираясь на различные арабо-персидские и русскоязычные источники, О.Караев приходит к следующему заключению: «На восточной половине владений караханидов в IX–XI вв. обитал целый ряд племен или их групп. Часть этих племен – карлуки, ягма, чигили, тюргеши – играли важную, и другие – огузы-туркмены, кыпчаки, канглы, кенджеки, аргу, согдийцы, ябаку и киргизы – второстепенную роль в составе государства Караханидов. И на основании вышеизложенного, можно сделать заключение: династия Караханидов происходила из среды чигилей» [Караев, 1983, с. 86].

В своей монографии автор большое внимание уделяет границам владения Караханидов. Так, он отмечает, что родоначальник династии Караханидов Сатук Ибн Базир заложил

основу своего государства в юго-восточном сегменте Тенгир-Тоо и Кашгаре. Последующие правители Караханидов завоевали полностью Центральный Тянь-Шань и Семиречье. А при правлении Наср Ибн Али восточной частью Ферганы они отобрали у Саманидов их территорию до Амударьи и Самарканда, а затем заняли Бухару [Караев, 1983, с. 261].

В IV главе своей монографии О. Караев исследует Караханидский каганат в первой половине XI в. и его разделение на Восточный и Западный, которые формально считались единым государством [Караев, 1983, с. 125; Караев, 1984а, с. 10–50]. Но при этом во главе каждого каганата находился свой верховный правитель.

Западный каганат был вассалом сельджукских султанов с конца XI в. Находящийся в Самарканде Восточный каганат был суверенным государством. И Восточный, и Западный каганат были раздроблены на самостоятельные части, между которыми постоянно были междоусобицы, что в конечном итоге привело к краху государства Караханидов.

V глава монографии посвящена вторжению киданей и войне Караханидов против киданей и хорезмшахов. Автор констатирует, что кидани после Кашгара завоевали Бешбалык и местных кыргызов, тем самым Восточный каганат попал в их подчинение. Этой участи не удостоился крайне западный сегмент их земель. Далее автор продолжает, что 1130 г. кидани заняли Семиречье и Центральный Тянь-Шань, а также Мавереннахр. Что касается Западного каганата, то он принимал активное участие в завоеваниях хорезмшахов и киданей Мавереннахра. Позже султан Мухаммед оккупировал Западный каганат, при этом умертвив его правителя. Завоеватели уничтожали урбанизированные поселения и аграрные районы Средней Азии и Южного Казахстана. Что касается Восточного каганата, то внутри его постоянно конфликтовали гурхан и найманы [Караев, 1983, с. 167].

Завершающая глава книги О. Караева посвящена политическому строю, социально-экономическим отношениям и культурно-хозяйственной жизни Караханидского каганата. Особо следует отметить, что в караханидоведении данная проблема представляет собой одной из наименее разработанных и многоаспектных вопросов. Сам автор монографии указывает на то обстоятельство, что различный уровень анализа тех или иных сторон социально-экономического развития, культурно-хозяйственных процессов и политического режима, обосновывается фрагментарностью либо отсутствием письменных свидетельств и материальных артефактов.

По мнению автора, в X в. популяция Тянь-Шаня и Семиречья была весьма многослойна так, как основной костяк составляли полиэтнические номады, которые придерживались в основном патриархально-родовых традиций вследствие скотоводческого хозяйствования, а также оседло-земледельческое население, придерживавшихся феодального образа жизни.

Именно синергетика плодотворной эволюции симбиоза кочевой и земледельческой цивилизаций позволила сформироваться и эффективно развиваться такому феномену государственного развития центральноазиатских этнических групп, как Караханидский каганат в течение середины X – начала XII веков.

Как отмечает О. Караев, совместное сосуществование номадического и оседлого населения способствовало ослаблению патриархально-родоплеменных трендов в пользу усиления и укрепления феодальных парадигм: «Объединение владений карлукского каганата и Саманидов в Средней Азии в государство Караханидов положительно сказалось на развитии экономики и урбанизации этого региона. То было время развития производительных сил, расцвета феодального города, разделения труда между городом и деревней, отделения ремесла от земледелия. По данным письменных источников и

археологических исследований, население Караханидского каганата занималось скотоводством, земледелием, ремеслом, охотой и торговлей» [Караев, 1983, с. 198].

В книге на конкретных фактах показан бурный урбанистический процесс при Караханидах, сопровождающегося эффективным развитием ремесленничества среди гончаров, ткачей, кузнецов, стеклодувов и переработчиков земледельческой, животноводческой продукции, производителей строительных материалов и зодчих.

Важным фактором социально-экономического и духовно-культурного развития государства Караханидов явилось, то что, Великий Шелковый торгово-караванный путь проходил через эти земли.

Что касается системы политического устройства, Караханидский каганат представляет собой феодально-патриархальное, средневековое центральноазиатское, исламское государство с наследственной, деспотичной властью верховного кагана. О.Караев большое внимание уделял устройству государственного аппарата Караханидского каганата, опираясь на сведения, зафиксированные в произведениях Юсуфа Баласагунского и Махмуда Кашгари.

Проанализировав фундаментальную монографию видного кыргызского востоковеда д.и.н., профессора О.Караева «История Караханидского каганата», следует подчеркнуть, что его попытка комплексного научно-обоснованного на базе достоверных источников исследовать множество аспектов генезиса становления, расцвета и упадка Караханидского каганата была весьма плодотворной, эвристически результативной. Этот научный труд дал мощный интеллектуальный импульс для дальнейшего изучения истории государства Караханидов не только отечественными историками, этнологами, археологами, нумизматами, но и зарубежными учеными из постсоветских республик, Турции, Китая, Ирана и арабских стран.

После защиты своей докторской диссертации «История государства Караханидов X–XIII вв.», О.Караев продолжал исследовать проблемы караханидоведения [Караев, 1984б, с. 30].

Углубленный анализ истории династии и государства Караханидов О.Караевым дан в фундаментальном, академическом издании 1 тома «Истории Кыргызской ССР» (главы V, VI). Большое внимание было уделено в V главе государству Караханидов (образованию каганата, завоеванию Ферганы и Мавереннахра, образованию Восточного и Западного каганатов), государству киданей (продвижению киданей на запад, образованию государства западных киданей, киданям и караханидам), развитию феодального хозяйства, политическому строю, социальным отношениям в XI – начале XIII вв. (скотоводству, земледелию, охоте, формам земельной собственности, социальной структуре, городам и поселениям, ремеслу, горному делу, металлургии, торговля и политическому строю) [Караев, 1984г, с. 290–320].

VI глава данного издания посвящена материальной и духовной культуре кочевого и оседлого населения VI–XII вв. [Караев, 1984д, с. 320–342].

Кроме этого по данной проблематике он опубликовал большое количество научных и публицистических статей в Кыргызстане и за рубежом [Караев, 1984, с. 27–31; Караев, 1975, с. 171–181; Караев, 1980, с. 38–41; Караев, 1982, с. 4; Караев, 1984в., с. 46–47; Karayev, 2000; Karayev, 2008, с. 33–38].

Кроме научных публикаций О. Караева важно исследовать его переводы арабоязычных трудов, снабженных подробными комментариями, хранящиеся в Рукописном фонде Института языка и литературы имени Ч.Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, касающиеся истории Караханидского каганата. Анализ

Рукописного фонда выявил ряд рукописей О.Караева, имеющих отношение к караханидскому периоду VIII–XIII вв. истории Центральной Азии.

Так, во II томе материалов по истории кыргызов и Кыргызстана (МИКК) помещены “Сведения арабских географов IX–XIII вв. о Киргизии “Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим” Ал-Мукаддаси в переводе с арабского и комментариями О.К.Караева. В данной рукописи большую ценность представляет достаточно точная, достоверная и детальная информация о городах, населенных пунктах Тенгир-Тоо. О.Караев отмечает, что из всех арабо-персидских источников по истории Караханидов данный труд Мукаддаси выделяется своей систематизированностью и научной корректностью. В данном труде интерес вызывает описание городов Узген, Куба-Неса, Жил (Джил), Барсхан, Мискан, Кулан, Орду, Баласагын в средневековом Кыргызстане [МИКК, Том 2. Дело №6: 74–85]

В этом же томе имеется рукопись “Сведения арабских географов IX–XIII вв. о Киргизии” (“Китаб ал-каmil фиттарих” Ибн ал-Асира, переведенные с арабского О.К.Караевым со своими примечаниями). Для ученых исследующих проблемы истории государства Караханидов, как подчеркивает О.Караев, очень важны исторические данные, опубликованные в этом средневековом труде Ибн ал-Асира, касающиеся политического устройства Караханидского государства. А также в этой работе речь идет о принятии ислама местными тюркскими племенами и о правителе Барсхана на Иссык-Куле. По мнению О.Караева, этот арабоязычный труд широко применен караханидоведцами [МИКК, Том 2. Дело №9: 160–183].

В этом Рукописном фонде также хранится работа, служившего Сельджукам, ученого и знахаря Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази “Табаи ал-хайаван” (“Тайны природы животных”). Данное произведение посвящено фауне Притяньшанья. Но кроме этого есть отрывочные свидетельства о народонаселении края (гузах, туркменах, хирхизах, ягма, карлуках и др.) [МИКК, Том 2. Дело № 10: 184–192].

Средневековый ученый историк Тенгир-Тоо (Притяньшанье) Абу-л-Фадл ибн Мухаммад Жамал ад-Дин Карши в труде “Мулхакат ас- Сурах”, запечатлел некоторые сведения, касающиеся истории государства Караханидов X–XI вв. О.Караев дал точный и грамотный перевод этой рукописи и снабдил ее подробными примечаниями [МИКК, Том 2. Дело № 11: 193–104].

Таким образом, профессор О.Караев внес особый научный вклад в исследование истории каганата Караханидов не только своими научными публикациями но и переводами арабо-персидских источников по теме со своими ценными комментариями.

Одной из заслуг О. Караева является создание отечественной (кыргызстанской) научной школы историков, посвятивших свои труды изучению генезиса, расцвета и распада Караханидского каганата, представляющего собой один из важнейших этапов средневековой истории Кыргызстана. Известный представитель «караевской школы» Г.Эсеналиева опубликовала монографию в 2015 г. «Омуркул Караев – выдающийся исследователь истории кыргызского народа и тюрков». В ней автор, касаясь особого вклада О.Караева в отечественное караханидоведение, отмечает следующее: «Есть все основания утверждать в полной мере, что О. Караев занимает достойное место в исследованиях советской тюркологии и востоковедения, посвященных истории Караханидского каганата. В монографическом исследовании, автор детально рассматривая различные аспекты истории этого государства, оценивает его как особый исторический этап в истории государственного строительства Центральной Азии. Он на основе исторических источников сумел показать,

что караханиды в этом регионе представляет собой одни из наиболее значительных эпох тюркской культуры» [Эсеналиева, 2015, с. 100].

Анализ научных трудов видного кыргызского востоковеда О.Караева, посвященных истории династии и государства Караханидов позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, его фундаментальная монография «История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.)», опубликованная АН Кыргызской ССР в 1983 году, а также его последующие научные публикации, явились значительным вкладом в советское востоковедение и кыргызоведение в контексте исследования важнейшего этапа государственного строительства в Центральной Азии в эпоху средневековья;

Во-вторых, профессор О.Караев создал отечественную научную школу по караханидоведению;

В-третьих, научные труды О.Караева дали мощный интеллектуальный импульс для изучения средневековой истории Кыргызстана, в которой особое место занимает каганат Караханидов, как для отечественных историков, так и востоковедов из ближнего и дальнего зарубежья.

Список использованных источников и литературы

1. Караев О.К. «История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.)». Отв. Ред. М.Б. Джамгерчинов, В.П. Мокрынин. Фрунзе.: Издательство «Илим», 1983. 302 с.
2. Караев О.К. Из истории Караханидов // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент.: ФАН, 1984 (а). С. 27–31.
3. Караев О.К. О наименовании титулах Караханидов // Вопросы кыргызской терминологии. Фрунзе.: “Илим”, 1975. С. 171–181.
4. Караев О.К. К вопросу изучения истории Караханидов // Литературоведение и история. Тезисы док. и сообщений III – Всесоюзной тюркологической конференции. – Ташкент.: ФАН, 1980. С. 38–41.
5. Караев О.К. О хозяйстве в городах государства Караханидов // Известия АН Кирг.ССР. Фрунзе, 1982. №3. С. 4–15.
6. Караев О.К. Караханиды до оформления западного и восточного каганатов // Киргизия при Караханидах. Сб.статей. Фрунзе, 1983. С. 10–50.
7. Караев О.К. История государства Караханидов X–XIII вв. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Фрунзе.: «Илим», 1984 (б). 38 с.
8. Караев О.К. Народы Центральной Азии и государства Караханидов // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. Сб. статей. Улан-Уде. 1984 (в). С. 46–57.
9. Караев О.К. Развитие феодальных отношений во второй половине XII в. и начало XIII в. // История Кыргызской ССР. Фрунзе.: «Кыргызстан», 1984 (г). Т1. Гл.V. С. 290–320.
10. Караев О.К. Культура оседлого населения // История Кыргызской ССР. – Фрунзе.: «Кыргызстан», 1984 (д). Т1. Гл.VI. С. 320–342.
11. Кляшторный С.Г. Эпоха Махмуда Кашгарского // Советская тюркология, 1972. №1. С. 18–23.
12. Чоротегин Т.К. Профессор Өмүркул Караевдин байсалдуу жолу. // Кыргыздын тунгуч чыгыш таануучусу, профессор Ө.Караевге 85-жыл. (Макалалар топтому) / Жооптуу редактор Т.К.Чоротегин. Бишкек, Махprint. 2015. С. 3–9.

13. Эсеналиева Г. Ө. Караевдин Карахандар кагандыгынын тарыхын изилдөөгө кошкон салымы // Өмүркул Караев – кыргыз элинин жана түрктөрдүн тарыхынын чыгаан изилдөөчүсү. Профессор Ө.Караевдин 85 жылдыгына карата. Бишкек, 2015. С. 73–100.

14. Karayev Ö., Türkler ve Kağanliklari, Çev. Mustafa Kalkan, Istanbul: Bilge Kültür Sanat Yay., 2008. 280 с.

15. Ömürkul Karayev, «Türkler ve Kağanliklari», Aktaran: Mustafa Kalkan, Bilge, Sayı: 20. Bahar, Ankara, 2000. s. 33–38.

16. МИКК. 2 том. Сведение арабских географов IX–XIII вв. о Киргизии. Перевод с арабского и примечание О.К.Караева. “Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим” Ал-Мукаддаси. Дело №6. С. 74–85.

17. МИКК. 2 том. Сведение арабских географов IX–XIII вв. о Киргизии. Перевод с арабского и примечание О.К.Караева. “Китаб ал-камил фиттарих” Ибн ал-Асира. Дело № 9. С. 160–183.

18. МИКК. 2 том. Сведение арабских географов IX–XIII вв. о Киргизии. Перевод с арабского и примечание О.К.Караева. “Табаи ал-хайаван” Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази. Дело № 10. С. 184–192.

19. МИКК. 2 том. Сведение арабских географов IX–XIII вв. о Киргизии. Перевод с арабского и примечание О.К.Караева. “Мулхакат ас- Сурах” Абу-л-Фадл ибн Мухаммад Жамал ад-Дин Карши. Дело № 11. С. 193–104.

Сведения об авторе: Садырова Замира Тентиевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук Кыргызской государственной академии физической культуры и спорта им. Б.Турусбекова, Бишкек (Кыргызстан). E-mail:: sadyrova-zamira@mail.ru

УДК 94(574) «15»

Н.А. Атыгаев

Центральный государственный музей РК, Алматы (Казахстан)

Из истории казахско-кыргызских отношений в XVI в.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Аннотация. В статье рассматривается история политических взаимоотношений казахов и кыргызов в XVI в. Материалами для статьи послужили сведения средневековых исторических сочинений и соответствующая исследовательская литература. В своей работе автор приходит к выводу, что XVI в. взаимоотношения казахов с соседним, близкородственным народом – кыргызами были очень тесными. Начиная с Тахир-хана кыргызские племена признавали власть казахских ханов, которые правили ими через представителей кыргызской элиты. Казахи и кыргызы совместно защищали свои этнические территории во время вторжений могульских, узбекских и калмакских войск.

Ключевые слова: казахи, кыргызы, Казахское ханство, Тарих-и Рашиди, чингизиды, Тахир-хан, Мухаммед-кыргыз.

Nurlan A. Atygayev

Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty (Kazakhstan)

E-mail: nuratygaev@mail.ru

**From The History
of kazakh-kyrgyz relations in The XVI century**

Abstract. The article deals with the history of political relations between the Kazakhs and the Kyrgyz in the 16th century. The materials for the article were information from medieval historical writings and relevant research literature. In his work, the author comes to the conclusion that the XVI century. the relations of the Kazakhs with the neighboring, closely related people – the Kyrgyz were very close. Beginning with Tahir Khan, the Kyrgyz tribes recognized the authority of the Kazakh khans, who ruled over them through representatives of the Kyrgyz elite. Kazakhs and Kyrgyz jointly defended their ethnic territories during the invasions of the Mogul, Uzbek and Kalmak troops.

Keywords: Kazakhs, Kyrgyz, Kazakh Khanate, Tarikh-i Rashidi, Genghisides, Tahir Khan, Mohammed Kyrgyz.

Казахское ханство, возникшее во второй половине XV в., активно контактировало с соседними народами и государствами. Наиболее тесными были взаимоотношения казахов с соседним, близкородственным народом – кыргызами, населявшими Притяньшанье.

К сожалению, в исторических источниках нет конкретных данных, раскрывающих начальный этап казахско-кыргызских взаимоотношений. Можно только предположить, что уже с момента перекочевки в Могулистан и обоснования в Жетысу, группа казахов под властью ханов Керей и Жанибека вступила в контакты с соседними кыргызскими племенами. Те же родоплеменные группы, которые населяли издревле Жетысу и признали своими правителями Керей и Жанибека, известные позже как казахский Старший жуз, всегда находились во взаимоотношениях с кыргызами.

Кыргызские племена, как известно, в XV в. признавали власть потомков чагатаида Тоглук-Тимур-хана и находились в составе государства Могулистан. Однако уже в рамках этого государства происходила их обособление от других могульских племен. «Хотя киргизы также могольское племя, однако из-за многочисленных противоречий с хаканами они отделились от моголов», – пишет автор «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдар, происходивший из могульского племени дуглатов (дулатов) [1, с. 178].

После распада Могулистана, в начале XVI в., кыргызы вышли на историческую арену качестве нового этнополитического объединения, настолько мощного, что значительная, в основном юго-восточная, часть его территории оказалась в их подчинении.

В начале, согласно существовавшей тюрко-монгольской традиции, кыргызы стали привлекать к правлению чингизидов из потомков чагатаида Тоглук-Тимура, основателя Могулистана. Тем самым они попытались легитимизировать свое политическое объединение при помощи Чингизидов. Естественно, чингизидам отводилась роль только номинальных правителей. В результате правителем кыргызов стал Султан Халил-султан, один из сыновей Тоглук-Тимурида Султан Ахмед-хана (Алаша-хана). Но это не принесло ожидаемого результата, т.к. в борьбе за власть Тоглук-Тимуриды нещадно истребляли друг друга. В 1508 г. Султан-Халил-султан потерпел в районе рек Чарын и Чилек сокрушительное поражение от войск своего старшего брата Мансур-хана, правителя Чалыша и Турфана [1, с. 178]. Это

полностью перечеркнуло ставку кыргызов на Тоглук-Тимуридов. Именно тогда, как полагает О. Караев, первым руководителем союза кыргызских племен стал Мухаммед-кыргыз, о котором упоминает Мирза Мухаммед Хайдар [2, с. 4].

Фигура Мухаммед-кыргыза представляет значительный интерес. В исторической литературе существует предположение, что этот влиятельный правитель северо-кыргызских родовых объединений является той же личностью, которая известна в кыргызском историческом предании под именем Тагай-бия. Предполагается, что Мухаммед было его мусульманским именем [3, с. 43; 4, с. 206].

Кыргызский историк Б. Солтонаев, указывал, что Тагай-бий родился около 1460–1470 гг., по одним данным около города Маргелан, в местности Былкылдак, по другим данным – в местности Сары-Бель, недалеко от города Ош [5, с. 71]. Если признать достоверными эти данные, в тот период Мухаммед-кыргыз (Тагай-бию) должно было быть около шестидесяти лет. Однако отметим, что в «Тарих-и Рашиди» фигурирует Мирза Али-Тагай, который был современником Мухаммед-кыргыза. Могульским правителем Султан Саид-ханом Мирза Али-Тагай и Мухаммед-кыргыз были вместе отправлены в Могулистан, при этом первому были переданы могулы, желающие вернуться в Могулистан, а второму было поручено управлять кыргызами [1, с. 169].

Согласно кыргызскому преданию, которое приводит в одной из своих работ Ч.Ч. Валиханов, при отце Тагая кыргызы имели какие-то неприязненные отношения к какому-то хану Ир-Иче и впервые дали заложника (ак-уйли аманат). Этим заложником и был Тагай. Он некоторое время находился в ставке Ир-Иче и даже здесь женился, затем был отпущен на родину [6, с. 76]. Эти сведения согласуются с данными «Тарих-и Рашиди», согласно которым Мухаммед-кыргыз некоторое время находился в плену у правителя Могульского государства.

Спустя некоторое время, в 1524–1525 гг., высвободившись из плена, Мухаммед-кыргыз выступил инициатором переговоров кыргызов с правителем Казахского ханства Тахир-ханом, сыном Адик-султана. Мирза Мухаммед Хайдар пишет, что со стороны Мухаммед-кыргыза «обнаружились признаки неповиновения – он собрался прибегнуть к защите узбеков (казахов)» [1, с. 436]. Но переговоры Тахир-хана и Мухаммед-кыргыза были сорваны, как только это стало известно правителю Могульского государства Султан Саид-хану. По его приказу Мухаммед-кыргыз был схвачен и отправлен в Кашгар, после чего туда же направился и сам Султан Саид-хан.

В Могулистане, чтобы «усмирять народ», был оставлен Мирза Мухаммед Хайдар, будущий автор «Тарих-и Рашиди». Однако все его действия были безуспешными. «Но сколько бы я не старался, киргизы, не умиротворившись, вновь ушли в отдаленные места Моголистана и примкнули к Тахир-султану; только некоторые из них остались», – признается Мирза Мухаммед Хайдар [1, с. 436].

В 1525–1526 гг. Тахир-хан, зная, что кыргызы вынуждены мириться с властью могульских ханов, перекочевал ближе юго-западным районам Иссык-Куля и устроил свой лагерь недалеко от Кочкара¹. В это время здесь находился на зимовке Абд ар-Рашид-султан, сын Султан Саид-хана. Когда распространилась весть о прибытии казахского хана, часть кыргызских племен ушла от могульского султана и присоединилась к Тахир-хану.

¹ Кочкар – одна из главных притоков р. Чу, напротив Иссык-Куля, см.: [7: 203]. В.В. Трепавлов ошибочно назвал Кочкар городом, см.: [8, с. 161].

Тахир-хан стал первым из казахских ханов, чья власть распространялась и на кыргызов. С этого времени кыргызские племена, не имевшие своих ханов-чингизидов, согласно тюрко-монгольской традиции, стали признавать право на власть казахских ханов, ведших свое происхождение от Чингиз-хана [3, с. 446]. Ч.Ч. Валиханов указывает, что был обычай давать казахским султанам «аманатов (ак-уйли), детей из почетных фамилий...» [6, с. 76].

Так была заложена основа казахско-кыргызского военно-политического союза, сыгравшего важную роль в их совместной защите этнических территорий. Как отмечал Т.Т. Машрапов, союз преследовал, по крайней мере, две цели: «во-первых, не допустить преобладания Могольского государства на южных и центральных районах Могулистана – в Семиречье и Чуйской долине, рассматриваемых могольскими правителями как наследственный удел; во вторых, завладеть присырдарьинскими городами», которые находились в руках Шибанидов [4, с. 96]. К этим двум целям, на наш взгляд, нужно прибавить и третью цель – это противостояние калмакским (ойратским) набегам.

Совместные военные действия казахов и кыргызов во главе с Тахир-ханом против правителя Могульского государства были в эти годы удачными. Они стали вытеснять могульские племена Султан Саид-хана из Жетысу и Притяньшанья. Султан Саид-хан не имел достаточных сил, чтобы им противостоять. Мирза Мухаммед Хайдар пишет, что оставаться могулам зимой в «Моголистане было опасно» и они были вынуждены покинуть его пределы. Так, зимой 1526 г. могулы перекочевали в Кашгар. Вся территория Могулистана перешла полностью к казахским и кыргызским племенам [1, с. 440]. «Моголистан захватили узбеки и киргизы», – написал об этом Мирза Мухаммед Хайдар [1, с. 178].

Под властью Тахир-хана кыргызы в союзе с казахами противостояли также Бухарскому ханству. Согласно «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Эмира Вали, в 1525–1526 гг. состоялось сражение объединенного 20-тысячного² казахско-кыргызского войска с войском Ташкентского правителя Шибанида Султан-Мухаммед-хана (Келды-Мухаммед-хана). В сражении, произошедшем у города Туркестан (Йасы), Шибаниду удалось одержать победу над войском Тахир-хана, в значительной степени состоявшем из кыргызов. Хотя сам казахско-кыргызский правитель с некоторым числом «знатных и простых людей» спасся, в результате данного поражения некоторые южные территории Казахского ханства перешли под власть государства Шибанидов [9, с. 146–147; 4, с. 251].

Год данного сражения у Махмуда ибн Эмира Вали не указывается. Некоторые исследователи относят его к началу зимы 1525–1526 гг. [10, с. 279], но возможно, что сражение произошло год спустя, т.е. зимой 1526–1527 гг.

В «Истории Казахской ССР» указывается, что союзником Тахир-хана в этом сражении был Мухаммед-кыргыз [11, с. 271]. В связи с этим, Т.Т. Машрапов справедливо замечает, что Мухаммед-кыргыз, который был вторично задержан «до шавваля 930 / август 1524 г.», вряд ли мог сражаться «против Султан Мухаммед-хана, пришедшего к власти в 931/1525 г.» [4, с. 98–99].

Неудачные внешние войны, слабая внутренняя политика, личные недостатки Тахир-хана вызвали протест других казахских султанов, в результате этого он потерял власть. Свои

² Махмуд ибн Эмир Вали называет войско Тахир-хана «двухсанным». Слово «сан» по одним данным означал сто тысяч, по другим – десять тысяч. Исходя из его цифровых значений, Т.Т. Машрапов, говоря, что войско Тахир-хана могло состоять из 20 тысяч или же 200 тысяч воинов, все же сам более склоняется к первой цифре, см.: [4, с. 98, 279]. Учитывая все обстоятельства правления Тахир-хана, его расчет нам представляется верным.

последние годы казахский чингизид провел в среде кыргызов. «Он остался один среди киргизов и умер, бедствуя», – пишет Мухаммед Хайдар о последних днях Тахир-хана [1, с. 324, 440]. Отличается от этих сведений Мирзы Хайдара описание последнего этапа жизни Тахир-хана у Махмуда ибн Эмира Вали. По его словам, в конце своей жизни он стал господствовать над племенами кыргызов и остался среди них до самой смерти [12, с. 243]. В то же время, сообщение о господстве Тахир-хана в последние годы его жизни над кыргызами, в свете данных «Тарих-и Рашиди», не вызывает доверия. Но все же очевидно, что кыргызы приняли беглого казахского чингизида и, возможно, был формальным их правителем.

После Тахир-хана часть кыргызов признала своим правителем его брата – Буйдаш-хана. Согласно «Бахр ал-асрар», в самый начальный период правления Абд ар-Рашид-хана (1533–1559) кыргызы и казахи под предводительством Буйдаш-хана дали отпор его сыну и наместнику в Аксу Абд-ал-Латиф-султану, который их беспокоил частыми набегами. Во время своего пятого похода они разбили его войска, а самого султана убили. В отместку Абд ар-Рашид-хан в районе Иссык-куля нанес большое поражение казахам и кыргызам [12, с. 330–331].

Казахско-кыргызский военно-политический союз по властью казахских чингизидов существовал и во второй половине XVI в. Кыргызские племена признавали своим правителем хана Хакк-Назар-хана, сына знаменитого Касым-хана. В «Тарих-и Хайдари» Хайдара Рази, «Хафт иклим» Амина Ахмеда Рази и в «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали он назван «хан казахский и кыргызский» [7, с. 333; 13, с. 189]. Союз казахов и кыргызов отвечал интересам обоих народов. Вместе они защищали свои этнические территории от притязаний соседних правителей. Согласно сведениям «Тарих» Шах-Махмуд Чураса и анонимного автора «Тарихи Кашгар», кыргызы и казахи под руководством Хакк-Назар-хана сражались с могульским ханом Абд ар-Рашидом [12, с. 379–380, 412–413; 14, с. 140–141, 242].

Сохранял власть над кыргызскими племенами и следующий правитель Казахского ханства Шигай-хан. Отметим здесь мнение В.В. Бартольда, считавшего, что после смерти Хакк-Назар-хана казахи и кыргызы «...уже не составляли больше одного государства; вообще, насколько известно, эти два народа с тех пор никогда больше не объединялись под властью одного хана» [16, с. 516–517]. Источники, однако, не подтверждают это мнение. Так в «Раузат ар-Ризван» Бадр ад-Дина ал-Кашмири среди приближенных Шигай-хана отмечены кыргызские эмиры [15, с. 244]. М.Х. Абусейтова правильно указывает, что «после того, как Мухаммед-кыргыз сошел с исторической арены, киргизы вплоть до середины XVIII в. признавали власть Тахира, Хакк-Назара, Таукеля, Ишима, часто именовавшиеся в источниках как «государи казахские и киргизские» [17, с. 184].

В конце XVI в. кыргызы подчинялись Таукель-хану, сыну Шигай-хана. Кыргызские историки полагают, что в 1582 г. при сражении Таукеля с Баба-султаном его поддерживали племенные объединения северных кыргызов. Кыргызы принимали участие в военных походах Таукель-хана [3, с. 447]. Согласно «Тарих-и Саййид Рахим» Амира Саййид Шариф Рахим Самарканди, они, например, участвовали в походе 1598 г. на Мавераннахр [18, с. 260].

Таким образом, XVI в. взаимоотношения казахов с соседним, близкородственным народом – кыргызами были очень тесными. Начиная с Тахир-хана кыргызские племена признавали власть казахских ханов, которые правили ими через представителей кыргызской элиты. Казахи и кыргызы совместно защищали свои этнические территории во время вторжений могульских, узбекских и калмакских войск.

Список использованных источников и литературы

1. Мухаммед Хайдар Дулати. «Тарих-и Рашиди». Перевод с персидского языка А.У. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. 2-е изд. доп. Алматы, 1999. 656 с.
2. Караев О.К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995. 160 с.
3. История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т. I. Фрунзе, 1984. 800 с.
4. Машрапов Т.Т. Значение персоязычных источников в изучении истории Киргизстана XVI–XVII веков: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / АН УзССР. Ин-т востоковедения им. А. Р. Беруни. Ташкент, 1989. 339 с.
5. Soltonoev B. Qyrğyz taryhy. Ğooptuu redaqtoru: aqademik A.Ç. Qakeev. B.: ARHI, 2003. 448 b.
6. Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. II. Алма-Ата, 1985. С. 7–82.
7. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. 498 с.
8. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с.
9. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Выпуск I. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Т. XII. Сталинабад, 1954. 154 с.
10. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Летопись трёх тысячелетий. Алма-Ата. 1992. 378 с.
11. История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Том II. Алма-Ата, 1979. 424 с.
12. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата:, 1969. 652 с.
13. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001. 276 с.
14. Шах-Махмуд Чурас. Хроника / Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимускина. 2-е изд. СПб, 2010. 496 с.
15. История Казахстана в персидских источниках. Том 5. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков. Алматы, 2007. 477 с.
16. Бартольд В.В. Сочинения. Москва, 1963. Т. II. Ч. 1. 1024 с.
17. Абусейтова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы, 1998. 268 с.
18. Абусейтова М. Х., Баранова Ю. Г. Письменные памятники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII–XVIII вв.: (библиографические обзоры). Алматы, 2001. 426 с.

Сведения об авторе: Нурлан Адилбекович Атыгаев – кандидат исторических наук, асс. профессор, ведущий научный сотрудник Центрального государственного музея РК; ведущий научный сотрудник Музея города Алматы (Алматы, Казахстан). E-mail: nuratygaev@mail.ru

Э.М. Молотова

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, Алматы (Казахстан)

Ритуалы суфийских тариқатов Центральной Азии в средневековье

Аннотация. В данной статье исследуются ритуалы суфийских тариқатов Центральной Азии. В течение долгих веков на этой территории развивались различные суфийские братства, среди которых наиболее значительную роль сыграли Йасавийа, Чиштийа, Кубравийа, Сухравардийа, Накшбандийа. Эти тариқаты влияли на социальные структуры мусульманских обществ изучаемого региона. Ритуалы тариқатов составляли «путь» мистического познания, жизненные правила, следуя которым ученик надеется очистить душу, чтобы достичь единения с Богом. Тариқат материализуется в зикре (понимании), регулярное исполнение которого и приводит избранного судьбой 'арифа в состояние погружения в Бога. В данном исследовании основное внимание уделяется ритуалам и одежде суфиев различных тариқатов.

Ключевые слова: Ритуал, мурид, ислам, суфизм, тариқат, Центральная Азия.

E.M. Molotova

Institute of Oriental Studies after named R.B. Suleimenov CS MEC RK,

Almaty (Kazakhstan), E-mail: m.elvira_76@mail.ru

Rituals of Sufi *tariqats* of Central Asia in the Middle Ages

Abstract. This article researching the rituals of Sufi *tariqats* of Central Asia. During the long centuries various Sufi brotherhood developed in this territory, among which Yasaviya, Chishtiya, Qubraviya, Sukhravardiya, Naqshbandiya played the most significant role. These *tariqats* influenced the social structures of the Muslim societies of the region under study. The rituals of the *tariqats* constituted the “way” of mystical cognition, the life rules following which the disciple hopes to purify the soul in order to achieve unity with God. *Tariqat* materializes in the *dhikr* (understanding), the regular execution of which brings the chosen fate of 'arif into a state of immersion in God. This study focuses on the rituals and clothing of Sufis of various *tariqats*.

Keywords: Ritual, *murid*, Islam, Sifism, *tariqat*, Central Asia.

Суфийские тариқаты (братства) средневековья по сей день привлекают внимание многих исследователей. В течение долгих веков на территории Центральной Азии развивались различные суфийские братства, среди которых наиболее значительную роль сыграли Йасавийа, Чиштийа, Кубравийа, Сухравардийа, Накшбандийа. Эти тариқаты влияли на социальные структуры мусульманских обществ изучаемого региона. Письменные источники средневековья содержат немаловажные сведения о деятельности суфиев и дают возможность пополнить пробелы в истории суфизма и суфийских братств. Ритуалы тариқатов составляли «путь» мистического познания, жизненные правила, следуя которым ученик надеется очистить душу, чтобы достичь единения с Богом.

Большинство исследователей суфизма особое внимание уделяют на ритуальную практику суфиев. Суфийские ритуалы были тесно связаны с древними традициями, многими аспектами культуры. В письменных источниках описываются довольно частые и популярные

виды религиозно-общинных коммуникаций – это ритуальные собрания представителей суфийских братств. Собрания представляли собой довольно многочисленные сборища с обязательным исполнением принятых в конкретном братстве ритуалов, иногда (в зависимости от обрядовых традиций братства) под музыкальное сопровождение и с распеванием поэтических сочинений столпов суфийских братств (например Х^аджа Ахмад Йасави). Общее название этих собраний – *зикр* (поминание) – ритуал ритмического повторения определенных священных формул как *калима*, прекрасных имен Всевышнего Аллаха и др. На суфийских собраниях проводилось индивидуальное или коллективное чтение молитв, в том числе принятых в том или ином братстве дополнительных молитвенных формул (*вирд/аурад*) с особыми правилами рецитаций коллективно и вслух (*джахран*), либо тихо, про себя, чаще индивидуально (*зикр-и хафи*).

Зикр представлял собой многочасовую рецитацию определенных формул. Такого рода собрания проводились в особых помещениях – *ханаках* либо в мечетях после молитв, а у некоторых братств и на лоне природы, которая, как считалось, усиливала ощущения сопричастности Божьего человека к Высшим сферам.

Ритуал того или иного *тариката* составляет «путь» мистического познания, жизненные правила, следуя которым *мурид* (ученик) надеется очистить душу, чтобы достичь единения с Богом. *Тарикат* материализуется в *зикре*, регулярное исполнение которого и приводит избранного судьбой *'арифа* в состояние погружения в Бога. Именно поэтому *зикр* – корпус *тариката*. *Зикр* строго следует кораническому предписанию: «Поминания Всевышнего частым поминанием и прославляй его утром и вечером». Как отмечает Дж. Тримингэм, ранние суфии видели в *зикре* средство избежать духовных потрясений и приблизиться к Богу, и в итоге он превратился в особый способ прославления в Бога путем постоянного повторения его имени шепотом или про себя (*зикр-и хафи*) или же в слух (*зикр-и джахри* или *джали*) на ритмичном дыхании. Контроль над дыханием с самого начала был одной из характерных особенностей суфийского ритуала, будучи, с одной стороны, естественным результатом упражнения в *зикре*, а с другой – остатком аскетического наследия восточного христианства. По словам Абу Йазида Бистами (ум. в 874) – «Для гостиков вера – это соблюдение дыхания», а Абу Бакр аш-Шибли (ум. в 945) утверждал, что «*тасаввуф* – это контроль над интеллектом и соблюдение дыхания» [1, с. 7–8].

Зикр-и джахр (громкий *зикр*) практиковался *тарикатом* Йасавийа. Х^аджа Ахмад Йасави является основателем *тариката* Джахрийа-и Султанийа, действовавшего, главным образом, в г. Йасы (Туркистан) и прилегающих кочевых районах. Согласно «Насаб-нама», Султан Ахмад 70 лет находился в общении с пророком Хидром и называет его *устадом* (учителем) [2, с. 37]. Хадрат-и Хидр – святой, покровитель – персонаж устных преданий и мусульманской книжной традиции. В устных преданиях он описывается, как белобородый старец, облаченный в зеленый *хирка* (халат, рубище), на голове чалма того же цвета, а в руке посох. Он считается носителем добрых дел и помыслов, наставником избранных свыше, чудотворец, целитель и миротворец, путешествующий из страны в страну.

По мнению А.-М. Шиммель, изучение внешних атрибутов в суфизме, как одежда и ее детали, цветовая символика и семантика и их отражение в миниатюре позволяют узнать нечто весьма важное о суфизме, а именно: внешнее поведение является неотъемлемой частью мистической традиции. Главным семиотическим знаком дервиша была *хирка*. В источниках не сообщается, как выглядела *хирка*, упоминается лишь, что она была сшита из лоскутков одежд суфиев, разорвавших их в порыве экстаза во время суфийского радения,

поэтому считалась особенно благословенной, так как несла в себе силу экстатического состояния его бывшего владельца. Как отмечает ученый, каждый *тарикат* имел свой ритуал и символы, связанные с элементами одежды, их цветом и аксессуарами. Например, символами дервишества у Бекташийя были *хирка*, ковер, знамя, барабан, веревка, посох и головной убор или *тадж* (корона) [3, с. 236].

В суфийском обычае дарение *муриду* рубища сохранились древние представления о символическом значении одеяния. Облачаясь в одежду, которую носил или к которой хотя бы прикоснулся учитель, ученик получал что-то от *барака* (благословение, сила святости), мистико-магической силы *шайха*. Поздний суфизм знает два типа *хирки*: *хирка-и ирада*, получаемого от учителя, которому ученик поклонялся в верности, и *хирка-и табаррук*, «рубище благословения», получаемое *муридом* от других наставников. *Хирка-и ирада* дается ищущему только его истинным духовным наставником, который несет ответственность за продвижение своего ученика по Пути [3, с. 86].

Хирка имело важное значение для суфиев. Кто владел *хиркой*, тот непременно обладал сверхъестественной «спиритуалистической» силой. На *хирку* суфии смотрели как на покрывало грехов и слабостей других: ее *Кибла* есть Пир; ее *гусл* (омовение) – омовение от грехов; ее молитва – мужество; ее «обязанности» суть оставление греха жадности; ее долг – довольство малым и удовлетворение судьбою своей жизни; ее «душа» верность данного слова; ее надевание – побуждение служить другим; ее внутренняя сторона – скрытость, а внешняя – свет и т. д. [4, с. 172].

Во время церемонии посвящения – праздничного дня в суфийской общине (*тарикат* Маулавийа) – адепт должен был произнести *бай‘а*, клятву верности, и ему вручалась *хирка*, суфийское облачение. Основная часть церемонии состоялась в том, что ученик вкладывал руку в руку *шайха*, таким образом происходила передача *барака*. Другая основная часть важная часть – дарование *тадж* (дервишеский колпак). Головные уборы разнились от *тариката* к *тарику* формой и цветом, символическим было и число составляющих их деталей – двенадцать, соответственно двенадцати *имамам* а также девять и или семь. При посвящения суфия *таджу* и *хирке* придавалось важное значение, что даже в ранние времена некоторые поэты предостерегали от опасности их канонизации [3, с. 186].

Халифа наследовал коврики (*саджжада*) или овечью либо оленью шкуру (*пуст*), бывшую ритуальным местом *шайха*, – отсюда выражение *пуст-нишин* (сидящий на шкуре) или *саджжада-нишин* (сидящий на коврике), употреблявшееся в отношении преемника. Позднее должность *халифы* во многих общинах стала наследственной. Это вело к тому, что должность все более утрачивала былое значение, а власть и богатство сосредотачивалась в руках некоторых семей *пиров*, по прошествии времени уже не сохранявших и следа былой духовности [3, с. 187–188].

Каждый цвет имел свою семиотику, разную для каждого *тариката*. Цветовой символизм суфийских одеяний был у каждого братства свой: красный цвет предпочитался братством Бадавийа в Египте, зеленый – братством Гадрийа, коричневый и красно-желтоватый – братством Чиштия в Индии, черно-белый – братством Бекташийя; белая шапка и черная накидка, песочно-желтый – братством Накшбандийа. По мнению ученого, различные цвета, используемые в суфийском костюме есть лишь отражения невидимого Божественного цвета, который нуждается в определенных средствах, чтобы стать видимым. Согласно суфийской символике цветов, каждый цвет означал достижение суфием определенной ступени на пути познания Бога.

Тарикат Кубравийа разработал сложную систему цветового символизма. Согласно ученика Кубра, Надж ад-дину Дайа, белый цвет связан с исламом, желтый – с *иман* (верой), темно-синий – с *ихсан* (Божественной милостью), зеленый – с *итми'нан* (спокойствием), голубой – с *икан* (истинной уверенностью), красный – с *'ирфан* (гносимом) и черный – с *хайаман* (страстной любовью и экстатическим смятением). Черный – цвет сущности, той «Божественной Самости», что является свет, который оставаясь невидимым, позволяет видеть все остальное; черный – цвет *джалал* (непостижимого Божественного величия), тогда как *джамал* (красота Бога), являет себя в других цветах. Однако за пределами Черного Света, постижение которого сравнимо с опытом *фана* (самоуничтожение в Боге), пребывает «изумрудная гора», воплощающая цвет Вечной жизни [3, с. 202].

Музыка играла огромную роль в суфизме. По мнению суфиев, музыка обладает мистической властью над человеком и способна извлекать из глубин его души самые сокровенные эмоции, но в сочетании с символическими словами и ритмичными движениями обретает власть также и над его волей. Мистическое радение под музыку (*сама'*) стала отличительным компонентом ранних суфийских обрядов. *Сама'* (букв. «слушание») – пение стихов под музыку во время суфийских бесед (к которому позднее присоединился и танец), превратившееся с течением веков в широко распространенное по всему мусульманскому миру общеизвестное дервишское радение (*зикр*) [5, с. 56].

Во время церемонии крутящиеся суфии или дервиши одевали в развевающиеся белые платья и конические шляпы. Они вертятся под ровный ритм барабанов и мистические звуки музыки, символизируя смерть и окончательное соединение *маулана* с Аллахом. Ритуальный танец (*ракс*) вводит в состояние религиозного экстаза, тем самым приближая их к Богу. Правая рука танцующего поднята – через нее дервиш получает благословение небес, а через опущенную левую руку это благословение передается земле – смысл ритуала. Танец продолжается несколько часов подряд. В итоге наступает момент, когда танцующим начинает казаться, будто вращаются не они сами, а весь мир – вокруг них. Это и есть измененное состояние сознания, мистический транс.

К сожалению, на сегодняшний день нет письменных источников, которые описывают суфийский *сама'* в том виде, какой оно приняло на исходе XI века. Однако в «Баварик ал-илма'» Ахмада ал-Газали, автор с горячностью защищает его правомочность и свидетельствует о том, что малавийская форма *сама'* включает три вида физических движений – танец, вращение и прыжок, причем каждое движение является символом духовной сущности. По словам Ахмада ал-Газали, *сама'* включает и обучение. Он пишет о том, что группа собирается рано утром, после предрассветной молитвы или вечерней, по окончании своих обязательных упражнений (*вирд*), будь это рецитация Кура'на, *зикр* или любое другое богослужение. Когда все рассказываются, тот, у кого самый выразительный голос, читает, к примеру, отрывок стихов. Затем *шайх* толкует их смысл [6, с. 248–249].

По случаю торжественного *сама'*, обычно происходившего в полдень по пятницам после соборной молитвы, дервиши облачались в свои характерные одежды (у Маулави) – *теннюре* (белые рубахи без рукавов), *дестегул* (куртку с длинными рукавами), пояс и *хирку*, надеваемую поверх одежды, но скидываемую перед началом ритуального танца. Голова покрывалась высоким войлочным колпаком, который поверх мог быть обернут тюрбаном. Колпак (*сикке*) стал отличительным признаком Мавлави, поэтому зачастую тексты молитв или благопожеланий выполнялись на листе в форме дервишеского головного убора. *Сама'* регулируется очень строгими правилами. *Шайх* становится в

самый почетный угол помещения, где происходят танцы, и дервиши трижды проходят перед ним, всякий раз обмениваясь приветствиями, после чего начинаются вращательные движения. Вращение происходит на правой ноге, со все возрастающей скоростью. Если какой-нибудь дервиш впадает в чрезмерный экстаз, другой суфий, который отвечает за все действие, слегка прикасается к его платью, чтобы он умерил свой пыл. Танец дервишей – одна из наиболее впечатляющих черт мистической жизни в исламе; он сопровождается музыкой удивительной красоты, начинается она долгим славословием в честь Пророка, а заканчивается короткими восторженными песнями, иногда исполняемыми по-турецки [3, с. 252].

В ритуале некоторых центральноазиатских братств (например Йасавийа) практикуется *чилла* – ритуал сорокадневного уединения с постом и исполнением принятых в каждом братстве видов *зикра* и молитв. Обычно *чилла* проводилась в особых помещениях (*чилла-хана*, *халват-хана*) при *ханаке* или усыпальнице «святого». На некоторых *мазарах шайхов* Йасавийа *чилла-хана* устраивалась в виде круглых колодцев диаметром до 1,5 м и глубиной 2–3 м. Сбоку в грунте размещалась сводчатая камера, высота и ширина которой равнялась примерно 1,5–1,6 м, а длина около 2 м. *Чилла-ханы* были аналогичны традиционным могилам, что вполне соответствовало ритуала Йасавийа. *Чилла* означает «умертвить на время уединения плоть и дать душе воспарить к Богу». Выход из *чилла-хана* был невозможен без посторонней помощи и прерывать уединения на 41 день по велению *шайха* [7, с. 448].

Хотелось бы отметить, что письменные источники, содержащие сведения о деятельности суфийских братств и их ритуалах остаются малоизученными. Углубленное изучение сочинений, освещающих деятельность суфиев и их последователей, в которых отражена духовная преемственность в *тарикате*, взаимоотношение представителей того или иного *тариката*, процесс обращения в ислам огромных масс кочевников вопрос, требующий глубокого изучения. Надеемся, что дальнейшие сравнительные исследования малоизученных письменных источников внесут ясность в определенные аспекты ритуалов суфийских братств, а также их роли в распространении ислама в Центральной Азии.

Список использованных источников и литературы

1. Тримингэм, Дж.С. Суфийские ордены в исламе. М.: Наука, 1989. 328 с.
2. Муминов А.К. Новые направления в изучении истории братства Йасавийа // Общественные науки в Узбекистане. 1993. №11–12. С. 34–38.
3. Шиммель, А.-М. Мир исламского мистицизма. М., Энигма, 2000. 416 с.
4. Позднев П. Дервиш в мусульманском мире. Оренбург, 1886. 337 с.
5. Бертельс Е.Э. Избранные труды. Т. 3. Суфизм и суфийская поэзия. М., 1965. 524 с.
6. ал-Газали. Кимийа-йи са'адат (Эликсир счастья). Том 2. Рукн 2: Обычаи // Пер. с перс. и вступ. Статья А.А. Хисматулина. СПб.; Казань, 2018. 328 с.
7. Бабаджанов, Б. Чилла // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. – М., 2006. Т. 1. С. 448–449.

Сведения об авторе: Молотова Эльвира Максимовна, канд.ист.наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Казахстан, Алматы. E-mail: m.elvira_76@mail.ru

Г.К. Муканова¹, З.Ш. Бимаханова²

¹ Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы (Казахстан)

² Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск (Казахстан)

Глобальные и локальные ценности вдоль трасс Шелкового пути.

Фискальная система в Казахском ханстве

Благодарности. Статья выполнена при поддержке МНВО РК, в рамках ПЦФ «Разработка академического издания «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» в 7 томах (регистрационный номер ИРН: OR11465469).

Аннотация. Находясь географически в «сердце Евразии», в средние века Казахское ханство поддерживало оптимальную систему налогообложения. В задачи исследования входила систематизация налоговой практики, на основе междисциплинарного подхода. Фискальная практика ханства явилась, с одной стороны, закономерным следствием более ранних этапов, единовременных международных мирных контактов и активного товарооборота, с другой – гарантировало резерв материальных и денежных средств на разные случаи внезапных нашествий, участия в коалициях против общего внешнего врага, разорительных джутов и т.д. Протяженность территории ханства определила разветвленный характер поборов, когда один вид налога мог варьироваться и дополняться иными.

Ключевые слова: Евразия, Великий шелковый путь, тюркский мир, экономика, инфраструктура, Казахское ханство, налоги.

G.K. Mukanova

Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty (Kazakhstan)

Z.S. Bimakanova

M. Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk (Kazakhstan)

Global and local values along the Silk Road routes. Fiscal system of the Kazakh Khanate

Annotation. Being geographically in the "heart of Eurasia", in the Middle Ages the Kazakh Khanate maintained an optimal system of taxation. The objectives of the study included the systematization of tax practice, based on an interdisciplinary approach. The fiscal practice of the Khanate was, on the one hand, a natural consequence of earlier stages, one-time international peaceful contacts and active trade turnover, on the other hand, it guaranteed a reserve of material and monetary resources for various cases of sudden invasions, participation in coalitions against a common external enemy, ruinous jutes, etc. The extent of the khanate's territory determined the branched nature of the levies, when one type of tax could vary and be supplemented by others.

Keywords: Eurasia, the Great Silk Road, the Turkic world, economy, infrastructure, Kazakh Khanate, taxes.

Тема налогообложения в средневековье на примере Казахского ханства имеет большую методологическую значимость. В частности, для воссоздания исторических этапов государственности и инфраструктуры ханства. С Казахским государством (условно возьмем хронологические рамки XV–XVI вв.) считались внешние партнеры, с ним заключались союзы; государством обеспечивалась безопасность иноземцев и сохранность их имущества и

товаров. Миграции товаров, идей, верований, культур и языков, мер счета и стандартов измерений, геометрии зодчества имели место через Центральную Азию тысячелетиями. Важно признать влияние транс-евразийской магистрали Великого Шелкового пути (далее – ВШП) на экономику жизнеобеспечения народов материка. Так, накопление резерва вооружения на случай войны требовало дополнительных инвестиций, как-то: на приобретение кованных изделий, холодного оружия (Алтай, Кавказ, Персия) и изготовление оружия местными мастерами (ұста), нередко выкупленными на невольничьих рынках по следам Шелкового пути и привезенными из походов.

При реконструкции податно-налоговой системы Казахского ханства влияние ВШП – наземной магистрали, которая, так или иначе, затрагивала интересы тюркского сообщества, очевидно. На землях, пригодных под пастбища, основаны были городища и караван-сарай, в которых учитывались запросы адептов поликонфессионального и поликультурного диапазона. Соответственно, с прибывавших миссий удерживались «дорожные» сборы в виде оплаты услуг. К ним относились услуги местных кулинаров, брадобреев, равно как и служителей мечетей и храмов, складских и спальных помещений, бань и купальных водоемов, что логично укладывается в евразийскую логику международных отношений средневековья. Названия поборов известны на тюркском и арабском языках.

Политический вес Ханства обеспечивали конкретные структуры (исполнительная ветвь – султаны с батырами, оборонная – ополчение, законодательная – суд биев), и все эти службы снабжались из (условно) казны, регулярно пополнявшейся благодаря трудам сборщиков налогов. Вопрос о налогах в Казахском государстве довольно абстрактно освещен в трудах историков, тогда как экономисты ее практически не изучали (за исключением академика С.Е.Толыбекова [1]), разве что в русле принятой в СССР теории формационного развития, когда налоги и повинности интерпретировались однозначно как «инструмент подавления угнетенных классов» и непременно как «повод / причина бунта, восстания». Тема нуждается в детальной реконструкции посредством привлечения сведений иноязычных нарративов, компаративном анализе и синтезе. Для понимания системы налогообложения, логичным представляется отражение преемственности между: а) сложившейся на протяжении длительного времени практической системой обложения вдоль трасс ВШП, б) этапом покорения Чингисханом протяженных пространств от Алтая до Дуная и – в) последующими периодами «отпочкования» владений. Именно тогда в лексике, оседлых в том числе народов, закрепились дефиниции: «дань», «подать», «ярлык», «Калита – калта» и прочие, как отражение единообразного налогообложения внутри мощной державы.

Налоговая система государства априори формируется по мере упрочения верховного правления, устойчивости самосознания (идентичности) населения и этнотерриториальной целостности. Замалчивание темы в границах европоцентристских подходов априори вело к зыбкости понятия «государство кочевников», которое, как и любое подобное образование, удерживалось на арене военно-политических игр, в том числе и за счет поступлений (преимущественно натурой) от подданных.

В XXI в. постсоветская историческая наука располагает более широким диапазоном методов и источниковой базой, что позволяет систематизировать основные виды и вариативность налогов Казахского ханства, с учетом специфики географической локации и хозяйственной деятельности. Медиевисты условно опираются на определение налогов как «регулярных денежных или натуральных платежей в государственную казну; сборов – как

разовых платежей; повинностей – как обязанности подданных совершать какие-либо действия в определенных обстоятельствах». [2, с.110]

Сепаратистские подвижки и разветвление Орды на менее крупные владения сыновей – внуков Темучжина безусловно породили дифференциацию налогов, при сохранении стержневого подхода. Эволюция налогов зависела от многих факторов и условий жизнедеятельности подданных; что также актуализирует задачу сравнительных исследований глоссариев евразийских этносов, на предмет выявления и верификации терминологического аппарата. Есть мнение, что термины, относимые к сбору налогов, имели преимущественно монгольско-тюркскую этимологию. (Для ср.: «тамга» – «танга» - «тенге» – «деньги»; «караул» – «караулы» и проч.).

Источники по истории Казахского ханства не в достаточной мере передают иерархию фискальных сборов, по ряду причин: в зависимости от авторства документа, целеполагания, и т. п. Поборы и разного рода повинности в пользу ханской ставки зачастую перемежались с иными сборами в разные периоды. В 1902 г. В.В.Бартольдом были обнаружены несколько грамот, созданных в присырдарьинском регионе (Туркестане) в XV–XVI вв. Три из них относятся, как отметил В.П. Юдин, к периоду «когда на сырдарьинские города, в том числе и на Сыгнак, распространялась власть казахских ханов» [3, с. 314]. «Сыгнак в эту эпоху находился, по всей вероятности, в руках казацких ханов, история которых нам мало известна», указывает В.В. Бартольд [4, с. 200]. В документах содержится ряд обозначений сборов, как-то: «харадж» – поземельная подать, «харджи»-«хараджат» – налоги, сборы, «алык ва салык» – налоги, подати, «мал-джихад» – деньги на войну за веру (по В.В. Бартольду) или «малваджихат – поземельная подать (по В. П. Юдину), зякет – налог с торговли и недвижимого имущества, «тагар» – сбор для снабжения войск продовольствием [5, с. 532–533; 8].

Относительно осязаемой внешней формы налогообложения в Казахском ханстве, в период его расцвета, можно утверждать, что они с учетом специфики образа жизни подданных, имели преимущественно натуральное выражение. Денежные расчеты также имели место: либо в городах и маргинальных полуоседлых областях, либо - в случаях сборов с путешествующих субъектов, иностранцев, соответственно в стационарных поселениях на ВШП, в Могулистане [6]. Трудно спорить с мнением, что для реконструкции «средневековой истории Великой степи имеют значение выявленные в археографических экспедициях уникальные коллекции артефактов по нумизматике». [7, с. 188]

Казахское ханство, будучи номинально преемником золотоордынского правления, изначально могло и действительно дублировало часть традиционных налогов Орды. Влияние установок Ясы Чингиз-хана было несомненно. Известно, что большинство ярлыков ханов Золотой Орды включали номенклатуру налогов, сборов и повинностей. Однако по причине удаленности этапа и обозначенной выше проблеме фрагментарности источников, есть определенные трудности верификации и систематизации видов обложений у тюркоязычных народов.

Анализ историографии и нарративных публикаций дедуктивным методом позволяет сгруппировать потенциальные налоги и сборы в ханстве. Собственно, они не отличались от традиционных, распространенных в постмонгольский период в Поволжье, Крыму и владениях Центральной Азии обложений. Совокупность выплат / сборов с населения ханства можно распределить на подгруппы: 1) основные налоги; 2) торговые, дорожные и пограничные налоги; 3) специальные сборы; 4) экстраординарные; 5) повинности.

Основные налоги взимались посредством специально назначенных лиц, абсолютно со всех подданных, хотя безусловно определенные их виды возлагались раздельно на кочевых жителей. Налоги уплачивало также оседлое население, которое численно было меньше и проживало в маргинальных областях, долинах крупных водоемов. Хозяйственная «специализация» оседлых жителей заключалась в обеспечении товарообменных операций, рыболовстве, скоряжничестве. Со скотоводов взимался «копчур», или общий налог со скота, который составлял примерно 10% от поголовья верблюдов, лошадей, овец. [2, с. 112] «Копчур» был введен ханом Угэдэем и впоследствии взимался на постоянной основе. [8, с. 36].

Существовали торговые, дорожные и пограничные сборы (пошлина), которые взимались с иностранных купцов и лиц, которые вступали на земли ханства. Чем больше было транзитных перевозок товаров, тем более трассы ВШП способствовали росту доходов. Отрезок времени, позволивший казахам жить безбедно и относительно умиротворенно, зафиксирован в народной памяти как «қой үстiне бозторғай жұмыртқалаған заман».

Куда шли собранные средства? Как правило, «дорожные» сборы распределяли на содержание и охрану безопасности караванных троп. С учетом возможности ограблений послов и торговцев, путешественников, местными правителями содержались особые вооруженные дозоры («карауллук») [см. 10]. «В каждом табуне определялся табунный голова или староста, которые имеют власть их судить, распоряжать и в услугу, яко подводы и прочее, наряжать» [10, с. 39]. Оружие производилось силами местных умельцев, либо – приобреталось, стоило оно дорого с учетом транспортировки и стоимости металла.

Торговый сбор в ордынской традиции именовали «тамга», что связывают с этимологией терминов идентификации / принадлежности предметов, таможни и товарооборота. В знак того, что налог уплатили, на транзитном товаре делалась отметка - «тамга». Размеры тамги в Золотой Орде исчислялись до 3%, реже до 5 % от общей стоимости товара. [11, с. 15]. Казахское ханство как один из преемников Золотой орды, унаследовало определённую систему налогов, которая «представляла нечто средневзвешенное между мерами сборов западных и восточных правлений».

Не исключением были так называемые «гостевые» сборы, под которыми подразумевались поборы, которые взимались с населения по случаю приезда и приемов особо почетных гостей. Учитывая, что ханские вестовые являлись часто, поборы с жителей становились нормой. Другая группа повинностей обязывала обеспечивать военные походы и ханскую охоту. [2, с. 116] Поборы позволяли собрать ценные дары и предметы роскоши с целью вручения правителям соседних владений, через посольские миссии. Специальные сборы распространялись на тех, кто в маргинальных областях занимался садоводством и виноградарством, производя вино для ханской ставки. [13, с. 102] Упоминаются статданные о сборе налогов, встречающиеся в рукописи «Имам-кули-хан-наме» Сухайла в период правления Турсун-Мухаммада и грамоте из Сыгнака. [13, с. 544–547; 11, с. 163]

Налоговая система, фискальные поступления в ханстве подпитывали боеспособность войска (ополчения) и снабжение ханского окружения. [14] Обязанности «коналга» - содержать постоя, питание вестовых и фураж для их лошадей, а также «джамалга» - содержание конницы приближенных хана или дипломатов, перекладывались на правителей местностей. А. А. Семенов определял «коналга» как «повинность по постою и продовольствию проходящих войсковых частей». «Джамалга» – «повинность по перевозке, приему и содержанию следующих по службе административных чинов». [15, с.6]

Фискальная практика государственных образований тюрков требует дальнейшего изучения, в сопоставительном плане с зарубежными наработками. [16] Последние публикации в Казахстане средневековых карт Евразии оставляют в этом смысле надежду. [17] Система налогов в средние века в Центральной Азии претерпевала известную эволюцию, по мере расширения международных отношений и развития торгово-обменных операций.

Список использованных источников и литературы

1. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XV – начале XX века (политико-экономическое исследование). 2-е переработанное изд. / под научной редакцией академика Кошанова А. К. Алматы, 2017. 512 с.
2. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / Редактор И.М. Миргалеев. Казань, 2009. 260 с.
3. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... (Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI– XVIII вв.). Алма-Ата, 1983.
4. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан / Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973. 726 с.
5. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 2. Алматы: «Атамұра», 1997. 624 с.
6. Караев О.К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995. 160 с.
7. Тысячелетние источники по истории Казахстана / Под ред. М.Х.Абусеитовой. – Алматы, 2019. 368 с.
8. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Перевод с персидского Ю.П. Верховского. Примечания Ю.П. Верховского и Б. И. Панкратова. Редакция проф. И. П. Петрушевского. Том II. М.-Л.: 1960. 248 с.
9. Атыгаев Н.А. Некоторые материалы по финансовой системе Казахского ханства // Edu.e-history.kz. № 1(05), 2016. URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/382>
10. Мустафина Д. «Мнение» тайного советника Василия Татищева // Эхо веков. 1996. № 1–2. С. 35–41.
11. Григорьев А. П. Коллекция золотоордынских документов середины XIV века из Венеции // Востоковедение. Вып. 22. 2002. С. 214–226.
12. Абусеитова М.Х. Казахское ханство. Изд. 2-е, перераб. и доп. Алматы, 2020. 344 с.
13. Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.
14. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Составители С.К.Ибрагимов, Н.Н.Мингулов, К.А.Пищулина, В.П.Юдин. Алма-Ата, 1969. 652 с.
15. Семенов А.А. Очерк поземельного-податного и налогового устройства Бухарского ханства. Ташкент, 1929. 54 с.
16. Masson Smith J. Mongol and Nomadic Taxation. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1970. Vol. 30. Pp. 46–85.
17. Ксенжик Г. Картографические материалы по истории Казахстана XVIII – начало XX вв.: в контексте формирования государственных границ. Алматы: «Издательство N-PRESS»,

2020. 376 с.; Муканова Д. Бесценное наследие (О средневековых картах) // Казахстанская правда. 29 февраля 2023 года URL: <https://kazpravda.kz/n/bestsennoe-nasledie-1p/>

Сведения об авторах:

Муканова Гюльнар Кайроллиновна, кандидат исторических наук, профессор, Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы (Казахстан), Gulnar_mukanova@mail.ru;

Бимаханова Зылыха Шахметовна, кандидат исторических наук, Северо-Казахстанский университет имени М.К.Козыбаева, Петропавловск (Казахстан), bimakanova1956@mail.ru

УДК 9.93/94

Л.И. Шерстова

Томский государственный университет, Томск (Россия)

**Мировоззренческая основа русско-аборигенных коммуникаций
в Южной Сибири в XVII в.**

Благодарности: Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

В статье ставится проблема выявления общих, в истоке евразийских, ментальных и социокультурных констант, которые способствовали взаимопониманию и определяли положительный результат межэтнических контактов. К ним можно отнести превалирование константы *люди* в оппозиции «земля-люди», устойчивость дарообменных отношений как основы социально-политических коммуникаций, спокойное восприятие культурных отличий друг друга, представление о власти не только как об обязательно сильной, но и как о щедрой и справедливой.

Ключевые слова: Московское царство, Южная Сибирь, межкультурные коммуникации, евразийские константы.

L.I. Sherstova

Tomsk State University, (Russia)

E-mail: sherstova58@mail.ru

**Worldview basis of Russian-Aboriginal Communications in Southern Siberia
in the 17th Century**

Abstract. The article rises question of understanding of common mental and sociocultural constants, mostly Eurasian, which helped mutual understanding and determined the positive outcome of interethnic contacts. The constants are: prevalence of “human” in “land-human” dichotomy, stability of gift giving relations as the basis for contacts, neutral perception of cultural differences of the partner, understanding of a Power not only as a strong, but also generous and fair

Keywords: Moscovite Tsardom, Southern Siberia, intercultural communications, Eurasian constants.

Современные представления о прошлом приобретают качество научных знаний только при условии понимания того, что люди другой исторической эпохи обладали в чем-то отличным от нас восприятием окружающего мира. Безусловно, какие-то его отголоски сохраняются в менталитете современных народов, но часто они становятся слабо понимаемыми и отодвигаются на периферию научного анализа. Между тем, можно предположить, что в начале XVII в. мировоззрение пришедших в Южную Сибирь русских и местных тюркоязычных народов имело свою специфику, отличную от современного и содержало в себе некое одинаковое или близкое понимание социально пространства. Такое предположение позволяет решить проблему, поставленную еще Г.В. Вернадским, о причинах стремительного продвижения русских по Сибири, их закрепления, и в целом, мирного характера русско-аборигенных отношений.

Одной из универсальных мировоззренческих констант является оппозиция «земля - люди». Государство можем расширять свои пределы двумя способами, либо завоевывая территорию, а затем приводя в подданство местные народы. Либо, не обладая достаточной военной силой и вследствие своих культурно-цивилизационных особенностей, сначала устанавливает политическую, экономическую зависимость, втягивая покоренное население в сферу своих социокультурных отношений, а потом закрепляет за собой территорию их обитания. Если первый вариант определял международные отношения в Западной Европе с ее бесконечными войнами за территории, то второй вариант был широко распространен в древнем Китае, Центральной Азии. Его практиковали и монголы по отношению к населению Древней Руси – пройдя по ее территории, они не остались на ней, а спустились в низовья Волги, установив экономическую ее зависимость в виде дани и политическую – через выдачу ярлыков древнерусским князьям при их безусловной лояльности. Формирующаяся в недрах Золотой Орды московская государственность многое заимствовала из ордынских порядков, что и проявилось позже в ее политике по отношению к сибирским народам.

В подвижных обществах размеры территории еще не определяли значимость и богатство их правителей. Военная сила «кочевых империй» народов Центральной Азии определялась как можно большей численностью зависимого населения и базировалась на величине улуса, под которым понимались не столько размеры территории, сколько «владение», «народ, данный в феодальное держание» [1, с. 118]. Тэмучин становится Чингисханом, когда к нему прикочевывают его родственники, а затем его власть признают другие монгольские племена. Главное его богатство и сила его государства - это люди. Чем больше улус, тем сильнее власть его правителя. Точно такое же представление об источнике силы государства демонстрировали московские правители в Сибири.

Военные столкновения между Москвой, с одной стороны и енисейскими киргизами, а также монголами Джунгарии и Алтын-ханами, с другой, своей причиной имели не территориальные споры. Их причиной было установление политической зависимости проживавших в междуречье Оби и Енисея тюркоязычных народов. Примерное равновесие противоборствующих сил привело к появлению оригинального политического института «двоеданства», в рамках которого спорное население одновременно было подданными двух, а то и трех государств одновременно. Таким образом, главным богатством Сибири, по мнению московских царей, как и правителей «евразийских империй» были не земли, а местные народы, которые, приняв подданство, занимали свое место в социальной структуре, как еще одно сословие российского социума – сословие ясачных.

Именно численность сибирских подданных легитимизировала московскую власть в ее азиатской части. Отсюда и постоянный рефрен наказов царей сибирским воеводам о их главной задаче – «полнить волости», т.е. увеличивать численность российских подданных в Сибири. Поэтому разновременное вхождение в состав России населения и его территории – явление нередкое в сибирской истории. С этим, например, связана проблема определения даты включения Хакасии. Таковой может считаться начало XVII в., когда часть предков хакасов была объяснена из Кетска и Томска, и в одностороннем порядке, на правах ясачных (оставаясь кыштымами енисейских киргизов) вошла в структуру российского общества и государства. Или же 1680 г., когда киргизы признали права на своих подданных и со стороны Москвы, и те стали двоеданцами. Или 1703 г., когда, наконец, тюркоязычные группы Обь-Енисейского междуречья, фактически, уже целое столетие платившие русским ясак, заполнили опустевшие после увода киргизов джунгарами земли верховой Енисея: качинцы и аринцы с севера, моторы-койбалы с востока, сагайцы с верховьев Томи, бельтиры с юга. При этом сибирские власти не предприняли никаких мер, ограничивавших эти миграции, что имело рациональное объяснение – будучи уже российскими подданными, беглецы, оказавшись на землях еще неконтролируемых Москвой, распространяли ее власть и на эти территории. Окончательное ее закрепление произошло после основания в 1707 г. Абаканского, а в 1709 г. Саянского острогов, которые обозначили пределы Русского государства в Южной Сибири.

Налаживанию паритетных отношений между русской властью и сибирскими народами способствовало и отсутствие высокомерия, что базировалось на очень важной установке восприятия народов за Уральскими горами, сформулированной еще во времена Древней Руси. Первое упоминание о встрече с зауральским населением относится к 1096 г., когда посланец новгородца Гюраты Роговича совершил поход в «землю Югорскую». О ее населении в древнерусских летописях сказано «Югра же людье [люди – Л.Ш.] есть», которые, так же, как и народ Древней Руси, произошли от сына Ноя Иафета [2, с. 19–20]. Эта важнейшая константа, поставившая знак равенства между русскими и сибирскими народами, предполагала и перенос на взаимодействие с ними тех же норм и правил, какие использовались при отношениях со «своими». Важным свидетельством того, что русские не испытали культурного шока при знакомстве с сибирскими народами, является и то, что в их документах, фактически, не встречаются описания и тем более, оценки чужой культуры, что свидетельствует о том, что границы «свой-чужой» были предельно размыты, а значит не возникло социально-психологической основы для пренебрежения или ксенофобии.

Восприятие правителями подданных как «основного богатства», как «своих» требовало от них и особых отношений. Власть, как в тюркской, так и в русской традиции должна быть сильной. Поэтому стоило Ермаку победить Кучума, как часть его элиты поступила на русскую службу. Уже в 1626 г. в составе, например, томского гарнизона насчитывалось 130 "служилых татар" – еуштинцев, чатов, телеутов. С 1633 г. часть их, как и русские служилые, стала получать годовое жалованье в сумме 3–8 рублей [2, с. 76]. Но не только сила делала законной власть, она должна быть нравственной, т.е. справедливо относящейся ко всем, она должна быть богатой и щедрой.

Все посольства в Москву или приезды послов, князцов, ясачных в сибирские *города*, и остроги, обязательно сопровождалось устройством обильных пиров, раздачей подарков и угощений, произнесением взаимных благопожеланий. Таким образом, внешняя сторона

вассальных отношений, имевшая сакрально-зрелищное и материальное выражение (дарообменные отношения), была понятна всем, что и облегчало установление отношений подданства, подчинения новой власти. Можно даже предположить, что взаимопонимание русских и тюркских народов в XVII в. было более глубоким, чем в поздние периоды их взаимоотношений, ведь мировоззрение обеих этнических общностей опиралось на традиции кочевых империй степной Евразии. Ситуация стала меняться в начале XVIII в., когда Россия пошла по пути европеизации, в том числе и через изменение мировоззрения своего населения. Она постепенно теряла свои евразийские черты, свое ордынское наследие, так облегчившее ее продвижение к Тихому океану.

Список использованных источников и литературы

1. Демин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. Барнаул. 1995. 197 с.
2. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVIIв. Томск, 1950. Т. 112. 151 с.

Сведения об авторе: Шерстова Людмила Ивановна, доктор исторических наук профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, профессор (Томск, Россия). E-mail: sherstova58@mail.ru

УДК 94.902.159.923

Н.А. Назаров

Чирчикский государственный педагогический университет, Чирчик (Узбекистан)

Процессы позднего средневековья как фактор этнической трансформации

Аннотация. В данной статье исследуются политические и военные процессы в бассейне Сырдарьи в период позднего средневековья как фактор этнической трансформации. В первой половине XVII в. в результате вооруженных столкновений между правителем Туркестана Есим-ханом и правителем Ташкента Турсун-ханом, часть катаганского племени, проживавшего вокруг Ташкента, была убита, а остальная бежала и осела в Балхе после переправы через реку Амударья. Затем, в первой половине XVIII в., лакайцы отделились от катаганов, переселились на территории Бухарского ханства в Гисарскую и Балджуванскую бекств и укрепились в ходе этноисторического развития, заняв важное место в жизни Бухарское ханство. Также, делается акцент на общность в культуре и этнонимов лакайской народности с тюркскими народами, относящимися к кыпчакской группе.

Ключевые слова: позднее средневековье, Есимхан, Турсунхан, Туркестан, Ташкент, Катаган, Лакай, Гиссар, Балджуван, Балх, этническая трансформация.

Processes of the late middle ages as a factor of ethnic transformation

Abstract. This article examines the political and military processes in the Syrdarya basin during the late Middle Ages as a factor in ethnic transformation. In the first half of the 17th century, as a result of armed clashes between the ruler of Turkestan, Yesimkhan, and the ruler of Tashkent, Tursunkhan, part of the Katagan tribe living around Tashkent was killed, and the rest fled and settled in Balkh after crossing the Amu Darya River. Then, in the first half of the 18th century, the Lakays separated from the Katagans, moved to the territories of the Bukhara Khanate in the Hisar and Baljuvan beks and strengthened themselves in the course of ethnohistorical development, occupying an important place in the life of the Bukhara Khanate. Also, emphasis is placed on the commonality in culture and ethnonyms of the Lakay people with the Turkic peoples belonging to the Kypchak group.

Key words: Late Middle Ages, Yesimkhan, Tursunkhan, Turkestan, Tashkent, Katagan, Lakai, Hisar, Baljuvan, Balkh, ethnic transformation.

**Акыркы орто кылымдардын процесстери этникалык
трансформациянын фактору катары**

Аннотация. Бул макалада этникалык трансформациянын фактору катары акыркы орто кылымдардагы Сырдарыя бассейниндеги саясий жана аскердик процесстер каралат. 17-кылымдын 1-жарымында Түркстандын башкаруучусу Есимхан менен Ташкенттин башкаруучусу Турсунхандын ортосундагы куралдуу кагылышуулардын натыйжасында Ташкенттин айланасында жашаган катаган уруусунун бир бөлүгү өлтүрүлүп, калгандары качып, Балхка отурукташкан. Аму-Дарыядан өткөндөн кийин. Андан кийин 18-кылымдын биринчи жарымында лакайлар катагандардан бөлүнүп, Бухара хандыгынын Гисар жана Балжуван бектеринин аймактарына көчүп келип, этнотарыхый өнүгүүнүн жүрүшүндө чыңдалып, элдин турмушунда маанилүү орунду ээлеген. Бухара хандыгы. Ошондой эле, кыпчак тобуна кирген түрк элдери менен лакай элинин маданиятындагы жана этнонимдериндеги жалпылыкка басым жасалат.

Негизги сөздөр: Акыркы орто кылымдар, Есимхан, Турсунхан, Түркстан, Ташкент, Катаган, Лакай, Хисар, Балжуван, Балх, этникалык трансформация.

Последние годы средневековья занимают особое место в истории тюркских народов и отличаются активизацией как политических, так и военных процессов. С одной стороны, в 1600-х гг. происходили острые вооруженные столкновения между Бухарским ханством и узбеками-казахами Дашти-Кипчака за положение и корону в регионе, а с другой стороны, правитель Ташкента Турсун-хан (1562–1627 гг.) и правитель Туркестана Есим-хан (1565–1628 гг.) вели переменные кровопролитные войны с целью расширения сферы своего влияния.

«Во время правления Турсун-хана, казахские правители воевали за такие города как Туркестан, Сигнак, Созак, Саврань, Шахрухию, Андижан вместе с Ташкентской и Пскентской областями Туркестана, а также между бухарскими ханами и казахскими султанами» [1, с. 56]. Конечно, такая борьба приводила население в замешательство и

подрывала единство и согласие. В этом случае один правитель начинает совершать вооруженные нападения, а другая сторона не терпит растущего положения и успехов соперника. «Успехи, достигнутые Есим-ханом, отвлекают от него Турсун-хана, поэтому он постоянно расставляет ему ловушки» [1, с. 53]. В 1628 г., когда Есим-хан и его люди находились на военной мобилизации против калмыков, правитель Ташкента Турсун-хан воспользовался ситуацией и начал наступление на Туркестан, сжег дворец Есим-хана и перевёз членов его семьи в Ташкент. Узнав об этом, Есим-хан отварачивается от военной операции против калмыков и начинает поход против Турсун-хана и разбивает войско Турсун-хана под Сайрамом. Турсун-хан отступает к Ташкенту. Есим-хану удалось разгромить остальные силы Турсун-хана вокруг Ташкента. В этой войне Турсун-хан был убит, а большинство представителей племени катаган, составлявших основу его военной мощи, были преданы мечу.

«Один из дискуссионных вопросов психологии онтогенеза политической биографии Есим-хана связан с «репрессивной расправой» ... Это событие, являющееся первой гражданской войной в истории Казахстана, оценивается как объект исследования психологического историогенеза» [2, с. 218-219]. Помимо того, что рассматривается как гражданская война, этот аспект демонстрирует ужас военно-политическими репрессиями против Катаганского племени. «После убийства Турсун-хана род Катаган, состоявший из двухсот тысяч человек, был приговорен к смерти Есим-ханом. До сих пор казахи, вместе сражавшиеся против врага, разделились на две группы: «казахи, поддержавшие Турсун-хана» и «казахи, поддержавшие Есим-хана» [1, с. 54]. Такая местечковость породила процессы этнической ассимиляции и трансформации, и в новых условиях можно наблюдать случаи, когда их называют новыми этнонимами. Исторические данные свидетельствуют о том, что война между Турсун-ханом и Есим-ханом приобрела негативное значение как «Катаганская резня». «Катаганская резня была не поражением Турсун-хана, а великим поражением всей казахской орды... Если бы было два алашей катаганцев, то казахский народ образовал бы пять алашей и пять жузов» [3, с. 70].

Поэтому уцелевшая от меча Есим-хана часть казахского народа, т.е. представители племени катаган, ушла на территорию Бухарского ханства и осела в Балхе, и народ долгое время воевавший, стал отвоевывать новые позиции. «Есим-хан вырезал племя Катаган, бывшее главной опорой Турсун-хана. Часть переживших гонения переселилась в Афганистан, а часть вошла в состав кыргызского народа» [4, с. 451]. Сегодня большинство катаганцев являются частью узбекского народа, а некоторые из них также являются частью кыргызского народа. После Катаганской резни лакайцы, входившие в состав катаганов, появились среди кыргызского народа как Лакайцы в роду Мундуз и как Накайцы в роде Кушчи. «Генеалогии из клана Накай считают себя частью клана Катаган» [5, с. 8]. Хотя в некоторых исследованиях лакай фигурируют как Накаи, и в некоторых исследованиях они упоминаются как Алакаи. «Род Алакайцев в настоящее время проживает в Таджикистане, и они родственны этнонимам алакчин, колпоч, накай» [6, с. 115].

Разумеется, репрессированные лакайцы вместе с катаганами сначала, переплыв Аму Дарью, остановились в Балхе, а потом, возвращаясь чуть назад, обосновались на территории современного Таджикистана. Благодаря тому, что территория обосновавшие лакайцами входили в состав узбекских ханств во время таких непрерывных миграционных процессов, они стали постепенно впитывать в свою повседневную жизнь узбекскую культуру и постепенно стали осознавать себя частью данного этноса [7, с. 132]. Однако доминирование

казахского и кыргызского лексикологических пластов в языке лакайцев, вобравших в себя культурно-языковые компоненты дашти-кипчакских казахов, доказывает, что этот народ входил в состав алты-алашских казахов еще в позднем средневековье. «Этнограф Б.Х.Кармышева коснулась близости лакайцев с казахами в их материальной и духовной культуре, традициях, этническом плане» [7, с. 132].

Со второй половины XVIII в. социальное положение лакайцев на территории Гиссарского и Бальджуванского бекств Бухарского эмирата возросло, и они стали привлекать к себе внимание в Эмирате благодаря своей отваге. В XVIII и XIX вв. положение лакайцев в вышеназванных бекствах укрепилось, крупные пастбища принадлежали непосредственно лакайцам. Лошади лакайской породы и гиссарские овцы были выведены представителями лакайской этнической группы в ходе этно-исторического развития. Сегодня в горных аулах женщины так же, как и мужчины, ездят на лошадях, что определяется интересом лакайцев к лошадям.

В ходе этно-исторического развития, во второй половине XIX в. лакайцы в восточных владениях Бухарского ханства составляли четырех крупных родов, а именно Эсанходжа, Бадракли, Байрам и Тортуул. До 20-х гг. XX в. лакайские роды Эсанходжа и Бадракли, проживавшие в Хисарском бекстве Бухарского эмирата, назывались Гиссарскими Лакайцами (этот этноним активно употребляется до сих пор), а Байрам и Тортуул, проживающие в Бальджуванских бекствах, назывались Бальджуванскими лакайцами (ныне называются Кулябскими лакайцами).

Род Эсанходжа, в свою очередь, делится на подроды Курдек, Нарин, Аксари, Отарчи, Озден, Туечи, Кул Бачче, Мирзагул, Альтмиш, Малиш, Кунтув, Кулумбет; род Бадракли делится на ветви Кизилбай, Келекей, Парча, Жунус, Катте Мерген, Киччи Мерген; Байрам делится на ветви Торт Ата, Шекей, Давет, Чегене; Тортуул делится на ветви Учуул, Суондык, Бурундук, Чал, Косе. Каждая ветвь в свою очередь состоит из малочисленных этнических родов, которых всего насчитывается более 160.

Для проживания эти народы возводили юрты. Юрты делились на белые и черные, и старейшины и богатые люди каждого рода возводили себе белые юрты. Так как, белая юрта предназначалась не только для проживания, она также служила административным помещением, где время от времени собирались представители данного клана, чтобы найти решение существующих проблем. Кроме того, поскольку белые юрты в основном изготавливаются из войлока из шерсти белых овец, не каждый мог позволить себе возводить белые. По свидетельству старцев, белые юрты возводили из войлока из белой овечьей шерсти полтора века назад, но со второй половины XIX в. некоторые юрты из черного войлока сверху накрывали белым бязом, чтобы они выглядели белыми. У лакайцев белая юрта возводилась родителями жениха, так как родители жениха отвечали за ее внешний вид, т.е. постройку, а родители невесты украшали внутреннюю часть юрты.

Во всех остальных случаях возводились черные юрты. У лакайцев много черного войлока, это объясняется тем, что овечья шерсть в основном черного цвета. Также с годами белые юрты, построенные для молодых женихов и невест, пожелтели и потеряли свой белый цвет из-за влияния внешней среды. По количеству белых юрт в селе определяли количество богатых людей и молодоженов в ауле. В богатых домах были как черные, так и белые, а черные в свою очередь считались кухней, подсобным помещением и жилой комнатой для прислуги.

До октябрьской революции (1917 г.) лакайцы занимали определенное место в жизни Бухарского эмирата как одна из основных составляющих узбекского народа и имели определенный статус. Основное занятие лакайцев - животноводство, и они разводили лошадей лакайской породы, распространяя верховое езды и искусство козлодранье (улак чабув, улак тартув).

Список использованных источников и литературы

1. Қазақ хандары. Алматы: Қазығұрт, 2015.
2. Хазретали Турсун. Туркистанның текти тулғалари. Алматы: Уш қиян, 2020.
3. Мағауин М. Қазақ тарихының эллипсесі. Алматы, 1995.
4. История Киргизской ССР. Фрунзе. 1984. Том 1.
5. Нурбек Туран. Накай- Бишкек, 2011.
6. Солтоноев Белек. Кызыл Кыргыз тарыхы. Бишкек, 2017.
7. Каратаев О. Кыргыз этнонимдер создиги. Бишкек, 2003.

Сведения об авторе: Назаров Назаирдин Атакулович, д.и.н., профессор Чирчикского государственного педагогического университета (Ташкент, Узбекистан).

УДК 930.2

З.К. Картова

Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева,
Петропавловск (Республика Казахстан)

Текстологическое изучение и источниковедческий анализ нарративных документов среднеазиатских правителей периода XV–XVIII веков

Аннотация. На современном этапе в историографической науке актуализируется изучение повествовательных и актовых источников, выданных в период XV–XVIII веков. В делопроизводственной практике послезолотоордынских государств Средней Азии и Казахстана издавались жалованные грамоты, дипломатические письма, акты, имеющие преемственность с документацией Золотой Орды. Источниковедческая и историографическая их разработка является важной научной задачей на современном этапе и одним из важнейших направлений развития исторической и текстологической наук.

Изучение нарративных документов средневековых государств XV–XVIII веков поможет осветить многие явления, характерные для средневекового общества, исследовать эволюцию различных феодальных институтов, они также содержат богатый материал по изучению социально-экономических процессов на нынешней территории Казахстана и Средней Азии. В статье систематизированы дипломатические письма, выданные казахскими правителями и султанами, отдельно рассмотрены акты источников присырдарьинских городов Сыгнак, Сайрам и Туркестану. Основная актуальность статьи связана с широким кругом вопросов о выявлении, интерпретации нарративных источников, принадлежащих среднеазиатским ханам и султанам, учтены современные тенденции развития исторической науки в изучении золотоордынской и послезолотоордынских эпох. Значимость данного исследования очень важна с учетом роли в средневековой истории присырдарьинских

городов как центров торгового и культурного развития тюркского мира. Статья станет бекграундом для дальнейших междисциплинарных исследований и расширит имеющиеся сведения о взаимоотношениях между кочевой и оседлой культурами, актуализирует необходимость в источниковедческих исследованиях, изучении иерархии и статуса аппарата чиновников в средневековых государствах. Выявленные артефакты будут включены в реестры нематериального культурного наследия, что является одной из приоритетных общемировых задач.

Ключевые слова: жалованные грамоты, письменные средневековые источники, нишан, формуляр, среднеазиатские правители, источниковедческий анализ, нарративные документы.

Z.K. Kartova

North Kazakhstan University named after M. Kozybaev, Petropavlovsk (Kazakhstan)

E-mail: kartov_m@mail.ru

**Textological study and source analysis of narrative documents
of the Central Asian rulers of the period of the XV-XVIII centuries**

Abstract. At the present stage in historiographic science, the study of narrative and act sources issued in the period of the 15th-18th centuries is being updated. In the clerical practice of the post-Golden Horde states of Central Asia and Kazakhstan, letters of commendation, diplomatic letters, act sources that had continuity with the documentation of the Golden Horde were published. Their source study and historiographic development is an important scientific task at the present stage and one of the most important directions in the development of historical and Turkic sciences.

The study of the narrative documents of medieval states of the XV-XVIII centuries will help to highlight many of the phenomena characteristic of medieval society, explore the evolution of various feudal institutions, they also contain rich material for the study of socio-economic processes in the current territory of Kazakhstan and Central Asia.

Separate publications on the topic that appeared earlier suffered from a selective approach, in which the necessary information was randomly selected in accordance with official guidelines or the personal vision of the problem by the researcher. Refusing such a "research" method, the author of the article analyzes documents taking into account all the information contained in them. This fulfills an important condition for ensuring the objectivity of the study. The article systematizes the diplomatic letters issued by the Kazakh rulers and sultans, separately considers the act sources of the Syrdarya cities of Sygnak, Sairam and Turkestan.

The main topicality of the article is related to a wide range of questions about the identification and interpretation of narrative sources belonging to the Central Asian khans and sultans, taking into account modern trends in the development of historical science in the study of the Golden Horde and post-Golden Horde eras. The significance of this study is very important, taking into account the role in the medieval history of the Syrdarya cities as centers of trade and cultural development of the Turkic world. The article will become a background for further interdisciplinary research and expand the available information about the relationship between nomadic and sedentary cultures, actualizes the need for source studies, the study of the hierarchy and status of the apparatus of officials in medieval states. The identified artifacts will be included in the registers of the intangible cultural heritage, which is one of the priority global tasks.

Key words: letters of commendation, written medieval sources, nishan, formulary, Central Asian rulers, source study analysis, narrative documents.

Письменные автохтонные и аутентичные документы являются основным источником при разработке важнейших социально-экономических вопросов средневековых государств XV–XVIII вв. Источники дают значительные сведения об этнополитической истории, хозяйстве и духовной культуре кочевого общества и функционировании средневековых государств Средней Азии и Казахстана. Актовые и нарративные источники особенно ценны при изучении экономических, культурных, дипломатических и других аспектов развития средневековых государств периода XV–XVIII веков. Они освещают многие явления, характерные для средневекового общества, помогают исследовать эволюцию различных феодальных институтов, начиная с момента их возникновения вплоть до исчезновения. Они содержат богатый материал по изучению закономерностей социально-экономических процессов ряда среднеазиатских государств.

Каждой эпохе соответствовали определенные виды документов, при этом удельный вес разных типов источников был важной специфической чертой и помогал изучению ее социальных особенностей. В современной источниковедческой науке практически нет комплексных источниковедческих исследований по письменным тюркоязычным аутентичным источникам XV–XVIII вв. с выделением в огромном корпусе источников типов, видов, разновидностей. Недостаточно работ, использующих нарративные документы в целях исторической реконструкции социальных и экономических институтов кочевого социума. Большей частью источники выступали в качестве объектов письменной культуры и исследовались в плане текстологии и палеографии, в их изучении до сих пор преобладают лингвистические штудии. Нарративные документы среднеазиатских правителей и султанов практически не привлекались к историческим исследованиям и не изучались в полной мере для освещения проблем, отражающих различные аспекты средневековой истории.

В Казахстане единственной специализированной работой по данной проблематике являются исследования известного ученого Ерофеевой И.В. Изданный автором сборник материалов, включает в себя 811 переводов и 250 факсимиле оригинальных текстов писем казахских ханов и султанов монархам и чиновникам Российской империи и соседних восточных государств [1]. Они охватывают хронологический период с 1675 по 1821 гг., все источники называются «письмами» и относятся к эпистолярному жанру.

Эпистолярное наследие, по словам И.В. Ерофеевой представляет собой «комплекс сходных по внешней форме и условному формуляру документов официального и личного происхождения, которые выполняли функцию установления определенных правовых, политических, деловых и иных взаимоотношений между конкретными официальными, либо частными лицами» [1, с.15].

В эпистолярном наследии среднеазиатских правителей автором выделяются следующие группы аутентичных источников:

Письма суверенных или формально зависимых от русского царя представителей правящей элиты казахского кочевого общества равным по юридическому статусу восточным и российским монархам и влиятельным чиновникам соседних государств.

Послания степных правителей российским императорам сюзеренам, государственным учреждениям и конкретным должностным лицам чиновничье-бюрократического аппарата

Российской империи, а также равным себе по правовому статусу соотечественникам. К этой группе относят письма, представления, обращения, сообщения, доношения (донесения), рапорты, уведомления, записки, показания, прошения, заявления.

Распорядительные документы казахских ханов внутристепного назначения, адресованные нижестоящим структурам власти. К этой группе относят указные грамоты, письма, предписания, обвешительные грамоты, уведомления, приказы, объявления.

Письма ханов и султанов своим сыновьям и родственникам, знакомым, как наделенным властью, так и не имеющим полномочий [1, с.16].

В сборнике содержится достаточно большое количество документов, которые относятся к периоду XV–XVIII в. Среди них можно назвать два официальных послания племянника казахского хана Таваккула (1583–1598 гг.) султана Ураз Мухаммеда русскому царю Федору Иоанновичу 1594 г. и 1595 г., семь дипломатических писем Тауке II (не позднее 1672–1715 гг.) царям Петру II и Ивану V, также его же письма тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину от 1687 г. и 1691–1693 гг. Семь писем Каип султана и Абылай султана тем же адресантам от 20 ноября 1692 г., семь писем Каип султана (позднее ставшего ханом) Петру I, сибирскому губернатору М.П. Гагарину и казанскому губернатору П.С. Салтыкову, написанных в 1712 г., 1715–1718 годах. Три письма хана Абулхаира русскому царю и губернатору Сибири, датированные 1715 г. и 1718 г. И одно письмо его младшего брата султана Булхаира (ум. в конце 1730 г.) Петру I, полученное в Тобольске 10 октября 1718 года [1, с. 16–17]. Все эти 21 документа относятся к категории «битики» – дипломатические письма и сохранены в архивах Российской Федерации. Они содержат уникальные исторические сведения о дипломатических взаимоотношениях среднеазиатских государств и России до присоединения в состав Российской империи.

Ерофеевой И.В. не ставилась задача по систематизации данных письменных источников. Вместе с тем для более детального и качественного анализа нужно классифицировать источники, провести работу по разделению их на виды и подвиды. Это, несомненно, поможет извлечению достоверных сведений и полноценному использованию этих уникальных источников в дальнейших исторических построениях.

Следует отметить, что из всего комплекса нарративных документов среднеазиатских правителей и казахских ханов наиболее сохранными и изученными являются дипломатические письма и послания. Специальное текстологическое исследование дипломатических писем, их лингвистический анализ был осуществлен в монографии Н.Базылхана и Ө.Тұяқбаева «Далалық мемлекеттер дипломатиясының ресми құжаттары: жарлықтары, хаттары, елшілік белгілері (XIII–XVIII ғғ.) (мәтін транскрипциясы, ғылыми аудармалар мен түсініктемелер, көрсеткіштері)» [2]. Так как были изучены только документы дипломатической переписки правителей кочевых государств, начиная от империи гуннов, в монографии представлена неполная картина всех нарративных документов.

Большой комплекс документов по дипломатической переписке казахских ханов, султанов и старшин XVIII–XIX вв. был введен в научный оборот К.Ш. Хафизовой. Изучены архивные материалы и документы России, КНР, Тайваня. Источники содержат значительные сведения о письменной культуре и делопроизводственных традициях. В настоящее время в отечественной историографии это одно из немногих источниковедческих исследований по рассматриваемому комплексу документов [3, с. 5].

В западной историографии изучение нарративных документов, принадлежащих степным правителям, можно разделить в зависимости от проблематики исследования. Научные труды и публикации, в которых проводится текстологическое изучение ярлыков, выданных среднеазиатскими правителями, широко представлены в трудах турецких ученых А.Н. Курата [4], О. Мелека [5].

Вместе с этим, огромный интерес представляют документы, которые имеют в источниковедческой науке название «актовые источники». В историографии XIX–XX вв. сложилось понимание актов как документов, имеющих признаки подлинности и современности событиям. Предполагалось, что акты - это документы, являющиеся «историческими остатками», в то время как нарративные источники – «исторические предания» [6, с. 136]. С.М. Каштанов считает, что «термин «акт» восходит к глаголу «аго» (действую)». Поэтому понятие «акт» он применяет к источникам сделочно-договорного характера и содержания. Автор указывает, что «этимологически понятие «документ» шире понятия «акт», и предлагает понимание актов в смысле «исторических остатков» [6, с. 138]. Вместе с тем, в источниковедческой науке существует и более узкое понимание актов в значении «документы договорного, сделочного характера» [6, с. 137]. М.А. Усманов предлагает более точное применение термина «акты» к ханским ярлыкам и посланиям в определении «официальные актовые источники» [7, с. 18].

С социологической точки зрения необходимость выделения источников договорного характера из общей массы документов обусловлена «фактом существования в системе общественных и политических связей таких групп отношений, которые получают оформление в виде юридических сделок и договоров» [8, с. 58]. В договорных документах, каковыми и являются ярлыки, основное содержание представляет собой «комбинацию готовых формул, каждая из которых выражает определенное условие договора и повторяется из документа в документ (например, перечень налогов, от которых освобождаются тарханы)» [8, с. 65–66]. Причина происхождения актов в тех или иных сферах общественной жизни была связана со спецификой социально-экономической и политической структуры.

Наряду с более узким понятием акта как договорного документа, которое сформировалось только в XX веке, в XVIII–XIX веках актами назывались все документальные источники (законодательные, делопроизводственные и др. документы), которые по своим признакам отличались от повествовательных (нарративных) источников (летописей, хроник и т. д.).

В источниковедческой науке термин «актовые источники» применяют в отношении широкого комплекса законодательных документов. Большей частью это документы, в которых в форме определенных юридических норм зафиксированы экономические или политические сделки, договоры между частными лицами, частными (юридическими или физическими) лицами и государством, между государствами, государством и церковью, частными лицами и т.д. Материалы государственного делопроизводства делят по отраслям управления и по направлению движения документов в иерархии управляющих учреждений (сверху вниз; снизу вверх и в горизонтальной плоскости). Как отмечает С.М. Каштанов, необходимым условием появления актов как особого вида исторических источников является наличие договаривающихся сторон. Причем уже само заключение договора говорит о том, что права контрагентов договора если и не равны, то, во всяком случае, сопоставимы [8, с. 70].

Можно условно выделить следующие виды актовых источников.

Законодательные акты представляют собой правовые нормативные документы, которые исходили от верховной государственной власти и имели высшую юридическую силу в пределах какой-либо территории или всего государства. Закон это письменная норма поведения. С помощью законодательства государство регулировало социальные отношения и управляло своей деятельностью. Законодательный вид документов возник в середине XI века. Основными видами законодательных актов являются Устав, декрет, Конституция, кодекс, постановление, распоряжение, резолюция, решение, декларация, договор, приказы, законы и т.д. [6, с.165]

Актовые материалы - это правовые документы, которые в юридической форме фиксировали сделки между отдельными лицами. По субъектам сделки актовые материалы делят на частно-правовые и публично-правовые акты. Первые закрепляли договор между частными лицами, вторые между частным лицом и субъектом публичной власти. С помощью актов в основном регулировались социально-экономические отношения внутри правящего класса и отношения государства с обществом. Актовые памятники получили широкое распространение в X–XVIII вв. К актовым источникам относятся – жалованные грамоты, записи, ханские ярлыки, дипломатические письма и т.д. [6, с. 165].

Делопроизводственные материалы текущая документация, издававшаяся различными государственными, судебными, экономическими, политическими и общественными организациями (учреждениями) с целью управления, собственной и общественной деятельностью. Делопроизводство возникло в середине XVI в. со складыванием аппарата централизованного государства. Делопроизводственные материалы делят, прежде всего, по принадлежности к тому или иному субъекту управления: ими могли быть государство, общественное или частное учреждение.

Материалы государственного делопроизводства делят по отраслям управления. К ним можно отнести манифесты, инструкции, заявления, жалобы, постановления и т.д. [6, с. 168].

Таким образом, понятие актовый источник в историографии трактуется многозначно: с одной стороны, под ним подразумеваются документы, предоставляющие какие-либо права и служащие доказательством наличия таких прав; с другой – это деловые и служебные записи, несущие информацию о том или ином событии или процессе, положении дел, состоянии имущества и т. п. Иными словами, к актам в широком смысле слова относятся все тексты, выполняющие функции законодательных документов.

Поскольку совокупность разновидностей документов изменяется во времени, выработать единое определение этого термина еще труднее. Акты при этом превращаются в надвидовое понятие, объединяющее огромное количество разнородных по своим функциям видов источников. Поэтому в современном источниковедении под актами в узком смысле обычно понимается не весь комплекс разнородных документов, а лишь те из них, которые устанавливают определенные правоотношения либо между контрагентами сделки, либо между автором и адресатом. Принципиально важно отделить акты от законов, тем более что последние часто называют законодательными актами. В отличие от законов, которые устанавливают, формулируют правовые нормы, акты лишь используют их; отношения, которые закрепляются актами, не должны нарушать принятые законодательные нормы (в том числе, кстати, и нормы обычного права, в законах обычно не фиксируемые).

При узком определении актов в их число попадают три группы документов: 1) публично- и частноправовые договоры; 2) постановления и распоряжения различных

органов власти, имеющие индивидуальный или коллективный адрес либо адресованные всем, но касающиеся конкретного юридического или физического контрагента автора; 3) распоряжения владельцев собственности, адресованные агентам, состоящим у них на службе. С.М. Каштанов отмечает, что «договорные документы разных эпох и народов образуют один вид благодаря наличию у них общих внешних документально-юридических признаков: их происхождение – результат сделки контрагентов, содержание – определение взаимных условий, форма – комбинация устойчивых статей и формул» [8, с. 66].

При расширительном понимании актовых источников к этим группам добавляются также делопроизводственные, частно-публичные документы и частная переписка.

Актовые источники широко содержатся в сборниках документов и материалов, сообщениях средневековых летописей и хроник. Они содержат сведения о канцелярии и делопроизводстве Золотой Орды, фрагменты переписки с другими государствами. В «Сборнике летописей» историка начала XIV в. Рашид-ад-Дина приводится полный текст семи ярлыков от 1280–1301 гг., изданных персидским ильханом Газаном на рубеже XIII–XIV веков [9, с. 102]. В сочинение Мухаммеда ибн-Хиндушаха Нахичевани (приближенного персидских правителей джелараидов, XIV в.) «Дастур ал-Катиб» содержатся образцы ярлыков, которыми назначались на должности разные чиновники [9, с. 139].

Архивные материалы, относящиеся к исследуемому периоду, в которых содержатся сведения о спорах по земельным владениям, о подтверждениях тех или иных привилегий, данные о генеалогии и происхождении знатных родов. Данные материалы включают в себя ханские ярлыки и султанские фирманы, уцелевшие частью в оригиналах, частью в копиях при делах о дворянстве мурз в архивохранилищах стран ближнего зарубежья. Документы часто представлялись мурзами, искавшими права российского дворянства, и большей частью переводились на русский язык.

Анализ большого комплекса письменных источников (жалованных грамот, ярлыков, дипломатических писем) позволяет выделить документы, которые принадлежат казахским правителям более раннего периода, начиная с XV в. В научных изданиях встречаются отрывистые сведения об этих источниках. Опубликовано факсимиле одного документа правителя Сыгнака Есенкелди 1587 г. от имени верховного правителя [9, с. 58]. Два ярлыка, опубликованные В.В. Бартольд, позднее изученные В.П. Юдиным, также могут быть изданы казахскими ханами. Это ярлык о назначении казия Сыгнака, выданный в 1543–1544 гг. В.П. Юдин предполагал, что четвертый ярлык из «Сыгнакских грамот», изданный в 1634 г. от имени Убайдаллах-хана тоже относится к местному казахскому правителю [10, с. 308].

В 1872 г. местные чиновники царской администрации в Туркестане опубликовали копии источников из архива А.Л. Куна, которые были сняты с их подлинников, пожалованных со стороны или от имени правителей из династии Шибанидов, Джанидов, Мангытов и Мингов. Общее количество копий этих документов составляет 10 единиц [11, с. 90]. Можно провести предварительный анализ ярлыков казахских ханов на примере данных исторических копий.

Также интерес предоставляют ярлыки Тавакул хана (время правления 1583–1598 гг.) и Турсун Мухаммад хана (время правления 1616–1628 гг.). О достоверности этих копий Султонов У.А. указывает, что в фондах Сыр-Дарьинской области имеется опись о том, что данные ярлыки находятся в личной коллекции на руках у потомка Ахмета Яссави Насраллаха хаджи [11, с. 92]. Им было представлено колониальным властям 18 жалованных

грамот о назначении его предков на пост шайх ал-ислама г. Туркестана. Среди них были грамоты Тавакул хана от 1006/1597–1598 гг. и 1014/1605–1606 гг. и Турсун-Мухаммад-хана от 1033/1623–1624 гг. Первичные исследование ярлыков, выданных Тавакул ханом и Турсун-Мухаммад ханом, были проведены при изучении комплекса исторических документов мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави А.К. Муминовым, Б.Е. Кумековым, У.А. Султоновым [12, с. 9].

Система делопроизводства и традиция оформления законодательных актов при дворе казахских ханов XVI–XVII вв. была очень близка к канцелярии среднеазиатских ханов. У.А. Султонов утверждает, что «из-за малочисленности фактов, из каких либо письменных источников нам не известно о состоянии придворной канцелярии первых казахских ханов, например, Керей хана, Бурундук хана и др. Если же говорить о конце XVI–XVII вв., то можно сказать, что, по всей вероятности, имеются очень похожие и даже почти одинаковые традиции и оформления законодательных актов между Шайбанидами (именно двора Ташкентского удела) и Казахским ханством» [11, с. 91–92].

Оригиналы и копии жалованных грамот городам южного Казахстана хранятся в частных и государственных собраниях четырех городов – Ташкента, Туркестана, Казани и Санкт-Петербурга. В связи с тем, что данные документы неизвестны исторической науке, работы по выявлению, фиксации, каталогизации письменных источников особо актуальны. Установление аутентичности и автохтонности документов казахских правителей приобретает особую значимость и для сохранения мирового культурного наследия.

Таким образом, весь огромный комплекс известных науке и введенный в научный оборот документов, также пока не обнаруженных, но содержащихся в архивах ближнего зарубежья государств, нужно объединить в единый комплекс. К изучаемому комплексу источников применяется ряд обозначений «эпистолярное наследие» – от греч. *epistole* – письмо, послание (Ерофеева И.В.), актовые источники от лат. *actum est* – «совершено», документы сделочного или договорного характера (М.А Усманов., Р.Ю. Почекаев). Вместе с тем приведенный источниковедческий комплекс необходимо условно объединить в понятие «нарративные источники», от лат. *narrare* – рассказывать, повествовать.

Выявление новой источниковой базы документов может раскрыть особенности и характер делопроизводства и дополнить историческую картину отношений городов и правителей средневекового периода. Разрозненно данные документы начали вводиться в научный оборот, но их систематизация на методологическом уровне с изучением составных частей формуляра не была проведена. В дальнейшем планируется системная работа по выявлению и пополнению коллекции источников средневековых правителей Казахского ханства и соседних средневековых государств. Также следует провести текстологическое описание исторических источников и историко-биографические очерки об авторах этих документов.

Значимость изучения заключается в выработке объективных и достоверных сведений о письменных и культурных традициях традиционного кочевого общества, и расширении представления об исторических событиях XV–XVIII вв. на территории Казахстана. Письменные документы затрагивали не только социально-экономические сферы, но и все отрасли общественного развития, будь-то духовная культура, правовые аспекты, письменные традиции или религиозные верования.

Многообразие и сложность состава документов этого периода, написанных казахскими ханами, требуют глубокого научно-критического и комплексного изучения.

Необходимы исследования, в которых с позиций нового исторического мышления раскрываются процессы и события. Ранее известные факты выступают в ином свете, поворачиваются к нам новыми гранями, выявляются такие аспекты, которые раньше не могли быть замечены, заново прочитывается история.

Вместе с тем, в настоящее время в исторической науке отсутствуют обобщающие труды по приведению документов принадлежащих казахским ханам в единый источниковедческий комплекс. Недостаточно работ раскрывающих эволюцию этих уникальных источников на основе содержащегося в текстах материала и изменения частей формуляров (дипломатический анализ). Не ставился вопрос о классификации, выделении в огромном корпусе источников типов, видов, разновидностей. В связи с этим назрела необходимость проведения историко-источниковедческого исследования с привлечением всех имеющихся документов и способствовать решению ряда вопросов, связанных с изучением и источниковедческим анализом большой группы источников средневековья, именуемых в исторической науке «нарративные источники» и «эпистолярное наследие».

Научное освоение нарративных документов связано с относительной малочисленностью введенных в научный оборот источников XV–XVIII вв., их плохой сохранностью, слабой разработанностью теоретических и практических вопросов, недостаточной источниковедческой оценкой. Несмотря на то, что они носят автохтонный и аутентичный характер и этим выгодно отличаются от зарубежных источников, источники продолжают оставаться малоизученными. Трудно переоценить их значение, так как они освещают исторические факты изучаемой эпохи как бы изнутри и более достоверно отражают те или иные события. Как показывает источниковедческая практика, дополнительная информация содержится в стилистических нюансах и терминологических особенностях текстов источников.

Требуется кропотливая и тщательная источниковедческая работа с данными автохтонными и аутентичными источниками. Возможно, на первоначальном этапе она не решит весь комплекс источниковедческой и исследовательской изученности, но будет способствовать накоплению информации и создаст предпосылки для качественно новых исследований. Так как причина происхождения актов в тех или иных сферах общественной жизни была связана со спецификой социально-экономической и политической структуры общества, будет выявлены новые факты о формировании процесса государственности в Казахском ханстве.

Данный комплекс документов является ценным источником по дипломатике, генеалогии, просопографии, сфрагистике, топонимике и ономастике. Таким образом, будет закрыта лакуна по актуальным проблемам истории и культуры традиционного кочевого общества, которые относятся к предметной области целого ряда специальных научных дисциплин. Найденные документы будут включены в каталоги и справочники рукописей и документов. На данном этапе необходимо систематизировать имеющийся материал, провести классификацию и группировку документов как по внешним так и по внутренним (текстологическим) признакам. Систематизация и классификация, во-первых, важна для организации и упорядочения огромного письменного материала, во-вторых, достоверную картину можно получить, используя все типы, виды и подвиды нарративных источников. Без правильного осуществления классификации источников по принципу происхождения невозможно достаточно точно исследовать их содержание. Именно поэтому теоретическая

классификация по формально-типологическим признакам имеет важное значение для источниковедческой работы в целом.

Новый подход к изучению аутентичных и автохтонных источников позволит восстановить единую и целостную историческую панораму социально-экономических процессов и событий, приходящихся на период формирования казахской государственности. Научные результаты будут способствовать существенному дополнению зарубежной и отечественной историографии качественно новыми фактами, объединению усилий ученых Казахстана и зарубежных исследователей в поиске малоизученных страниц средневековой истории Казахского ханства и государств Средней Азии.

Список использованных источников и литературы

1. Ерофеева И.В. Том I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Алматы, 2014.
2. Базылхан Н., Тұяқбаев Ө. Далалық мемлекеттер дипломатиясының ресми құжаттары: жарлықтары, хаттары, елшілік белгілері (XIII–XVIII ғғ.) (мәтін транскрипциясы, ғылыми аудармалар мен түсініктемелер, көрсеткіштері). Алматы, 2016. 206 б.
3. Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан, 2019.
4. Kurat N. Akdes. Topkapı Sarayı Müzesi arşivindeki Altın Orda, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940.
5. Özyetgin A. Melek. Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp incelemesi. Ankara, 1996.
6. Каштанов С.М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источнико -ведение. Теоретические и методические проблемы. М. 1969. С. 134–170.
7. Усманов М.А. Актуальность комплексного изучения актовых источников Джучиева улуса XIV–XV вв. // ЮАС. Вып. № 1. Уфа, 1973. С. 150–159.
8. Каштанов С.М. К вопросу классификации и составлении заголовков жалованных грамот // Исторический архив. Вып. 3. М. 1962. С. 50–57.
9. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 2.- Алматы, 1998. 640 с.
10. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алматы, 1969. 560 с.
11. Султонов У.А. К вопросу о жалованных грамотах казахских ханов, выданных мазару Ахмада Йасави (конец XVI–XVII вв.) // Материалы международной научной конференции, посвященной празднованию Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева «Исламская духовность, рациональность и этнокультурные традиции как факторы противодействия религиозному экстремизму». Астана, 2016. С. 90–97.
12. Муминов А.К., Кумеков Б.Е., Султонов У.А., Шуховцов В.К. и др. Исторические документы мавзолея Ходжа Ахмада Йасави. Астана, 2017. 216 с.

Сведения об авторе: Картова Зауре Кенесовна, кандидат исторических наук, декан факультета истории, экономики и права, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, г. Петропавловск Республика Казахстан. E-mail: kartov_m@mail.ru

Е.У. Ужкенов¹, Г.А. Шотанова², З.С. Табынбаева¹

¹Институт востоковедения им. Р. Сулейменова (Республика Казахстан, Алматы)

²Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, Алматы)

**Антропогенный фактор упадка городской культуры в золотоордынский период
на территории Казахстанского Урала**

Благодарность: Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН AP09058609 «Реконструкция золотоордынского городища Актобе Лаэти: источниковедческий и историографический аспекты»).

Аннотация. В данной статье рассматриваются причины упадка городской культуры, а также сделана попытка проследить основные этапы кризиса процесса урбанизации. Плотная застройка, связанная с резким ростом населения, привела к массовой вырубке леса, истощению природных ресурсов, а политические неурядицы в будущем привели к упадку торговли. Междоусобные войны также послужили сокращению торговых маршрутов, из-за чего, по-видимому, произошла переориентация торговли со внешних партнеров на внутренний рынок, где главным потребителем стали близлежащие кочевые хозяйства. Данное обстоятельство хорошо заметно по снижению удельного веса хороших, элитных товаров, как, например, богато украшенных кувшинов и можно наблюдать увеличение числа достаточно простых керамических сосудов, больше подходящих для повседневного потребления.

Следует отметить, что внешние вторжения новых завоевателей не подтверждены находками из числа остатков материальной культуры, что свидетельствует о том, что кризис городской культуры начался гораздо раньше. Антропогенный фактор на влияние природной среды в средние века сейчас оказался актуальным, поскольку экологические проблемы современности как правило имеют ответы в прошлом. Данный тезис характерен и для всей зоны степного пространства, а его исследование поможет как можно более объективно реконструировать прошлое нашей степи и нашего государства.

Ключевые слова: история, средние века, золотоордынский период, городская культура, экология, Западный Казахстан.

E.U. Uzhkenov

Candidate of Historical Sciences, Leading researcher, R. Suleimenov Institute of Oriental Studies.
Republic of Kazakhstan, Almaty

G.A. Shatunova

Candidate of Historical Sciences, leading researcher, Institute of History and Ethnology named after
Ch.Ch. Valikhanov. Republic of Kazakhstan, Almaty

Z.C. Tabynbayeva

Candidate of Historical Sciences, Leading researcher, R. Suleimenov Institute of Oriental Studies.
Kazakhstan, Almaty

**Anthropogenic factor of the decline of urban culture in the Golden Horde period
in the territory of the Kazakhstan Urals**

Annotation. This article examines the causes of the decline of urban culture, and also attempts to trace the main stages of the crisis of the urbanization process. Dense development, associated with a sharp increase in population, has led to massive deforestation, depletion of natural resources, and political turmoil in the future led to the trade decline. Internecine wars also served to reduce trade routes, which apparently caused a reorientation of trade from external partners to the domestic market, where the main consumer were the nearby nomadic households. This circumstance is clearly noticeable by the decrease in the proportion of good, luxury products, such as ornate jugs, and an increase of the number of fairly simple ceramic vessels more suitable for everyday consumption.

It should be noted that the external invasions of the new conquerors are not confirmed by finds from among the remnants of material culture, which indicates that the crisis of urban culture began much earlier. The anthropogenic factor on the influence of the natural environment in the Middle Ages has now turned out to be relevant, since the environmental problems of our time usually have answers in the past. This thesis is also characteristic of the entire steppe zone, and its study will help to reconstruct the past of our steppe and our state as objectively as possible.

Key words: history, Middle Ages, Golden Horde period, urban culture, ecology, Western Kazakhstan.

В отличие от Сарайджука, Лаэти не был восстановлен после пожара. Вскоре началось очередное повышение уровня Каспия, и воды моря надолго скрыли этот городок, словно сохранив его для науки.

В наше время – в результате понижения уровня моря – город вышел из-под воды и был доступен для археологов. Но, похоже, скоро городище Актобе снова уйдет в море, и тогда без подводных исследований не обойтись» (Галкин Л.Л. 30). Эти слова, вынесенные в начало текста, по сути, отображают представление о судьбах городах Западного Казахстана существовавших в золотоордынское время со стороны ученых, где их участь представлялась достаточно печально – либо разрушение, либо негативное воздействие природного катаклизма. Подобное отношение зачастую смыкалось с представлением о кочевниках как непрерывных мигрантов, которым были чужды города и оседлая культура. Несмотря на целый ряд открытий, золотоордынские города Западного Казахстана по-прежнему остаются малоизученными, поскольку фокус внимания сосредоточен на описании политических процессов. Недостаток письменных данных, сравнительно недостаточная изученность остатков материальной культуры этого периода – все эти факторы сказались на общем уровне академического знания места и роли Золотой Орды в отечественной истории.

Казахстан в плане изучения своего золотоордынского наследия только в начале пути. Несмотря на то, что существуют значительные открытия и достижения, по сей день нельзя утверждать, что на сегодня сформировалась своя полноценная школа отечественной медиевистики, где ее труды востребованы в образовательной и других сферах. В советский период была заложена основа, своего рода фундамент по исследованию Золотой Орды, где спецификой казахстанской школы выступила опора на восточные письменные источники. Опора на письменные источники, их перевод и трактовка долгое время были визитной карточкой казахстанской школы востоковедения. Бесспорно, на это оказали свое влияние московская и ленинградская школы. Во многом, благодаря тому, что именно их выпускники были основной движущей силой научных институтов, изучение восточных письменных источников стало неотъемлемой частью подготовки востоковедов и медиевистов даже на

сегодняшний день. Не подвергая сомнению тезис о важности знания восточных ученых для медиевистов, все-таки можно указать на некоторую узкую направленность такой подготовки. Тот же археологический материал, отложившийся в эпоху расцвета Золотой Орды способен дать интересный материал, позволяющий корректировать некоторые данные письменных источников. Нумизматический материал также не в полной мере введен в научный оборот, хотя именно для золотоордынских властителей монеты не только средство торговли, но и своего рода легитимизация власти того или иного хана.

Как уже выше указывалось, в силу особенностей мировоззренческого восприятия истории кочевых народов вообще, и истории средних веков в частности, материальное наследие времен империи Чингисхана, было изучено на недостаточном уровне, а, следовательно, сказывалось на состоянии казахстанской медиевистики. Импульс к ее дальнейшему развитию был придан празднованием 750-летнего юбилея, и к сегодняшнему дню можно говорить об определенных успехах. Так, открытие городища в Уалихановском районе Северно-Казахстанской области, позволяет пересмотреть устоявшиеся границы городской цивилизации Алтын-Орды. Немалый интерес представляет собой и новые открытия на месте городских поселений Западного Казахстана. Их появление на территории Северного Прикаспия – не только воля золотоордынских владык, но удобство месторасположения. Изучение их становления и развития порой затмевает вопрос их упадка и запустения. Данный вопрос как в отечественной, так и зарубежной медиевистики как правило рассматривается через призму дискурса коллапса государственной системы, что является объективным видением, но отнюдь не единственным. На развитие городов, как правило, влияет не только политическое процветание или удобное месторасположение (это выражение подходит почти всем географическим пунктам в мировой истории), но и окружающая среда. В мировой истории известны немало примеров, когда жизнь общества напрямую зависела не только от природных катаклизмов, но и способностью нивелировать их последствия. Современный мир пришел к пониманию важности сохранения природы не случайно, а вследствие накопленного опыта. Огромный скачок цивилизации и прорыв в сфере науки позволяет нашему обществу рассматривать деяния наших предков с долей снисхождения, и конечно приводит к недооценке существовавших культур.

Проблема экологического кризиса не нова в истории человечества, а по сути, берет свое начало со времени освоения производства продовольствия. Огнево-подсечное земледелие или выпас скота на ограниченной территории меняли ландшафт не хуже реалий сегодняшнего дня, просто на эти процессы уходило чуть больше времени. Следовательно, к гибели городской культуры в золотоордынский период вполне могло приложить руку и ухудшение окружающей среды. Как известно, основой экономики золотоордынской цивилизации выступали торговля, кочевое скотоводство, земледелие и ремесленное производство. Этот набор вполне стандартен для любого средневековой культуры, которая достигла определенного уровня развития.

Являясь зоной рискованного земледелия, Казахстанский Урал являлся одним из любимых мест для кочевания и поэтому был особенно ценен для кочевников, так, например, позже, уже в колониальный период хан Абулхайр, как можно судить из источников, заявлял о том, что до тех пор, пока Урал не высохнет, казахи всегда здесь будут присутствовать. Столь ценная для кочевого хозяйства территория, тем не менее стала доменом для городской агломерации. Чтобы понять причины затухания городской культуры в этом регионе, нужно понять почему она возникла. Удобное местоположение, для

строительства города заключалось в наличии питьевой воды, большого количества леса, земли пригодной для земледелия и конечно же наличие ресурса, которого нет или крайне мало в других местах. Для Сарайчика и городища Актобе этим ресурсом, например выступала глина, пригодная для изготовления керамической посуды. Именно это обстоятельство привело впоследствии к упадку городской жизни, хотя и не стало решающим обстоятельством. Вся жизнь человеческих общин зависела от ряда факторов, каждый из которых не мог или не обладал силой для кризиса, но их совокупность зачастую приводила к гибели общества. Для примера можно привести обстоятельства взрыва Чернобыльской АЭС, где каждая из проблем не могла привести к столь разрушительным последствиям, но их совокупность и стала причиной катаклизма.

Обычная последовательность становления города на территории Западного Казахстана выглядела достаточно однотипно. Родовая аристократия, начинала закрепляться на выделенных землях путем постройки мавзолеев, своим видным членам. Сама постройка была одним из способов закрепления новых властителей на завоеванной территории. Сама постройка мавзолеев должна была осуществляться как правило военнопленными или переселенцами из ранее завоеванных земель, которые обладали определенными навыками. По сути строительство подобных небольших городищ соответствует общему ходу мирового исторического процесса. Подсказка к отгадке функций подобных оседлых поселений, таится в существовании небольших мавзолеев на каждом из западноказахстанских городищ, а также фрагменты самой подсказки наблюдаются и при раскопках политических центров. Именно мавзолеи и другие сакральные здания лучше всего характеризуют необходимость строительства данных городищ. По-видимому, учитывая общий генезис процесса феодализма в кочевой среде, какая-то часть степной элиты была награждена правами на владение городками. Впоследствии, по степным канонам, строительство мавзолеев стало своего рода маркером права собственности на эту территорию и окрестные земли. Для строительства мавзолеев возникла необходимость строительства производства для обжигов кирпича, что вкупе с удобным или стратегическим местоположением, привели к возникновению небольшого поселения. Местоположение поселений имело не только важное торговое значение, не меньшее значение имело и наличие ресурсной базы, в виде определенного вида глины либо песка, а также вышеупомянутый стратегический характер. Дело в том, что вся территория к середине XIII в. еще сохраняла свой протестный потенциал, и раздавая земли преданным сторонникам, центральная власть таким образом пыталась проконтролировать те территории, что находились в стороне от важнейших торговых путей, что подтверждается их мало известностью или вовсе отсутствием сведений о них в путевых заметках восточных путешественников. Действительно, трудно предположить, что, следуя по проложенному и хорошо известному торговому маршруту, известный путешественник и ученый Ибн Батута не упомянул об находившийся совсем рядом городище Актобе по пути из Сарая в Ургенч. Одним из важных аргументов в пользу этого предположения может служить сложившаяся практика формирования золотоордынских городищ путем слияния усадеб степной знати. Именно усадебная застройка характерная для крупных золотоордынских городов, по-видимому послужила причиной для основания небольших поселений, а плотная застройка характерная, например, для городища Актобе – это уже следующий этап генезиса городища. Это мы можем наблюдать по результатам археологических экспедиций Л. Галкина [1, 1–4].

Так или иначе, но строительство мавзолеев, печей для изготовления кирпичей – основного материала для строительства всех золотоордынских городов, а также впоследствии и печей для обжига керамики [2], в свою очередь не могло не отразиться на количестве лесного фонда. Кроме как материала для работы печей и поддержки ремесленного центра, лес выполнял и функцию эффективной защиты от опустынивания [3, с. 230–238]. Кроме того, наличие леса помогало естественной поддержке состояния почвы, что было важно и для земледельцев, и для скотоводов. Вырубка леса приводила к замедлению роста ремесленного производства, строительства новых домов и зданий и в совокупности конечно же повлияло на демографический рост городов. Изменение ландшафта не могло не отразиться на картах. Например, на карте «*Tartaria. Tartaria*» составленной Йодокусом Хондиусом в 1606 город Сарайчик был еще, по-видимому, окружен лесами, но следует учитывать, что не все карты, составленные европейскими купцами и путешественниками, отражали все реалии того или иного региона на момент создания карты.

Рис. 1. Карта Московии путешественника Герберштейна. (1549 год)

По сути, сокращение лесного фонда стало одной из причин постепенного угасания городской жизни. Это обстоятельство стало не единственной причиной для кризиса городских центров. Конец XIV – начало XV вв. стал временем наступления малого ледникового периода, который характеризовался ухудшением климатических условий, относительно низкой температурой воздуха и подъёмом уровня Каспийского моря, а следовательно, и более широким разливом рек, когда возможно река Урал неоднократно меня свое русло. Для наглядного сравнения можно припомнить о масштабных наводнениях, происходящих и сегодня, в тех же местах, в которых столетия назад текла городская жизнь. Последствия этого похолодания, конечно же, сказались на развитии городских центрах, которые в новых условиях не могли стать полноценными поселениями, например, хотя территория возле мавзолея Абак-Байтак или Сырымбет содержит большое количество материала, указывающего на существовавшие жилые и хозяйственные постройки, тем не менее, в условиях малого ледникового периода эти поселения оказались заброшенными. Немаловажным открытием представляется обнаружение золотоордынского городища на дне Аральского моря, совершенное совсем недавно. Само городище также представляет собой

некрополь с незначительными находками, которые могут свидетельствует о жилом обустройстве и постоянных жителей. Уход жителей из этого городища возможен также был связан с поднятием уровня Аральского моря, что вынудило жителей покинуть эти территории. Также еще одним напоминанием о природных катаклизмах стало сокращение городища Отырар задолго до эпохи монгольских завоеваний. Отырарская агломерация также существенно сократилась, что привело к уменьшению численности населения. По сути, малый ледниковый период сказался на всю территорию Казахстана в золотоордынский период. Кроме климатических изменений, миграция полевых мышей и других видов привела к росту эпидемиологических заболеваний, что также сказалось на благосостоянии городов и кочевых общин.

Кроме природных катаклизмов немаловажную роль на закат городской культуры оказали и политические события, произошедшие в Золотой Орде на смене веков. Политическая неурядица и постоянные междоусобицы привели к нестабильности. Здесь сказался и разрыв логистической цепочки, которая раньше позволяла снабжать продовольствием, а точнее мясом от кочевников, городские поселения. Недостаток продовольствия естественно оказал влияние на оттоке населения и изменении городского ландшафта, в частности на рубеже веков начинается строительство оборонительных укреплений, что указывает на снижение уровня безопасности городов. При таких условиях, удивление может вызывать не упадок городской культуры в этом регионе, а факт достаточно долгого функционирования самих городов. О слабости центральной власти и утрате властных функций может служить поход 1471 г., когда вятчане совершили рейд на Волжский Сарай и в то же лето вернулись домой. Об этом славном походе есть сообщения в летописях: «...Того же лета, в тоу же пороу, идоша Вятчане Камою на низъ и въ Волгоу в соудехъ и шедше взяша градъ царевъ Сарай на Волзе и множество Татаръ изсекоша, жены ихъ и дети в полонъ поимаша и множество полоноу взявше, возвратишася. Татарове же Казаньстии переняше ихъ на Волзе, Вятчане же бившеся с ними и проидоша здравии съ всемъ полономъ, и многие тоу отъ обоихъ падоша» [4, с. 191].

Сарайчик, по-видимому, продолжал жить и функционировать как столица Ногайской Орды вплоть до казачьего разгрома 1580 г. Однако он стал, наверное, не причиной, а следствием общего упадка. Ногайская Орда, как и Казахское ханство, будучи наследниками золотоордынской цивилизации не смогли, да и не нуждались в реинкарнации всех его атрибутов. Потеря городов Южного Казахстана была гораздо большим ущербом для торговых и политических амбиций и связей для первых правителей, чем дело поддержания жизни в угасающих оседло-земледельческих оазисах. Ногайская орда, в начале своей истории претендовавшая на центральную власть в бывшем столичном регионе, не имела на то ресурсов, а возврат к натуральному обмену привел к отказу от прежней системы поддержки городов. Слабая заинтересованность в ремесленных продуктах не могла более стимулировать жизнедеятельность городов, что и привело к их угасанию. Следует отметить, что часто упоминаемый термин «город» не должен приводить в заблуждение, а является скорее данью традиций европейской картографии, где практически каждый населенный пункт нередко получал такой тип наименования.

Сами городские центры неоднократно указываются на картах различного периода, причем надо отметить их постоянность на протяжении весьма продолжительного периода. Достаточно слабый культурный слой на местах раскопок, давал законное основание сделать

заключение относительно кратковременности жизнедеятельности городов Западного Казахстана, а единственным исключением служит город Сарайчик, где благодаря вхождению в состав Ногайской Орды образовался довольно мощный культурный пласт. Стоит отметить, что города Западного Казахстана довольно редко попадали на карты и атласы, отображавшие территорию Золотой Орды, редким исключением могут быть лишь карты, составленные в городах-государствах средневековой Италии. Обычный процесс образования городов, столь характерный для средневековой Европы также не может послужить образцом или исходной точкой для описания процесса урбанизации в кочевой зоне, где только лишь само географическое положение зачастую служило причиной появления городов. Поэтому стоит обратить особое внимание на роль местных лояльных кочевых элит, где места их обитания и захоронения зачастую служили базисом для появления жилых кварталов. Так, например, некрополь Абат-Байтак, Сырымбет и другие содержат в себе остатки кирпичных печей, жилых комплексов и мавзолеев. По-видимому, при сочетании этих построек с удобным географическим положением либо наличием какого-либо ценного стратегического ресурса впоследствии обеспечивало продолжительность существования самого городища. Поэтому авторы данной статьи считают необходимым сосредоточиться на изучении роли политической элиты в деле образования новых городских центров в других кочевых государствах. Ориентация на выявление роли политической элиты также предполагает использование новых подходов, ориентированных на выявление роли личности в истории, что позволит лучше понять историческую реальность того периода. Возросшая экономическая мощь местных кочевых элит стала главным толчком к дальнейшему развитию торговли. Генезис городов Золотой Орды вызывал много вопросов и безусловно активное развитие торговли, которая была двигателем развития экономики, становится одной из важных причин наравне с политической и административной необходимостью в создании новых городов. Но если города Поволжья получили более или менее полное описание, то прикаспийский регион все еще остается не до конца изученным, караван-сарай вдоль северного пути, который в период монгольской империи функционировали мало изучены.

Одним из самых загадочных, но в тоже время удобных, городов для изучения материального наследия Золотой Орды на территории Западного Казахстана выступает городище Актобе – Лаэти, расположенное в пределах современного города Атырау – крупного областного центра. Само городище на сегодня представлено остатками довольно крупного городища, раскопанная площадь которого составляет не менее 5 га. Однако проведение дополнительных изысканий смогут увеличить площадь намного больше. Именно по городищу Актобе – Лаэти достаточно легко проследить эволюцию оседло-земледельческой жизни в аридных зонах Западного Казахстана. Впервые городище Актобе под названием Лаэти отображено на карте 1367 г., составленной итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани.

Рис. 2. Карта 1367 года, составленная итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани

Название города Лаэти было присвоено Тендыкскому городищу было внедрено в научную литературу известным ученым и археологом с чутьем на открытия, Л.Л. Галкиным, который еще в 1970–80 гг. проводил крупные раскопки. Он же, обнаружив название Лаэти на картах итальянских купцов, с легкой руки ввел его в научный оборот. Опираясь на ряд дополнительных статей, как например Л.Л. Галкина [5, с. 30–31], Лаэти приобрел некую романтический ореол в отечественной истории. Несмотря на отдельную критику, как например в работе Волкова И.В «Вымышленное название Лаэти для городища Актобе» [6], опубликованную в 2016 г., Актобе –Лаэти продолжал кочевать по историческим работам как отечественной, так и зарубежной литературе. Надо сразу отметить, что подобная ситуация характерна не только для постсоветского пространства, но и для всей мировой истории. Важным подспорьем для выявления и решения этой проблемы являются вспомогательные исторические дисциплины, например, как картография. Именно карты дают ответ на историю нашего края в частности, и нашего государства в целом. Кроме этого, большое значение имеет фундаментальная работа крупного историка В.Л. Егорова «Историческая география городов Золотой Орды», где он достаточно четко пишет о том, что «...Восточнее Волги, по берегу Каспийского моря и на некотором удалении от него, вплоть до территории Хорезма отмечено 8 городов. Первый из них, называющийся Лайете, расположен на берегу Каспийского моря между Эдилем и Яиком. Каких-либо городищ, соответствующих этому населённому пункту, здесь до настоящего времени не обнаружено. Восточнее Лайете только надписью, без изображения направления русла, отмечена река Яик (Урал). За ней, на некотором отдалении от морского берега, изображён безымянный город. Выше его (к северу) нанесено изображение второго безымянного города» [7], что позволяет с большой вероятностью локализовать Лаэти в междуречье Урала и Волги. Если предположить, что Лаэти находился на западной, то есть европейской, стороне Урала, то Тендыкское городище

должно было носить другое название. Следует отметить, что дошедшие до нас европейские карты образца XVII в., также могут служить подтверждением этой гипотезы.

Одним из еще малообъяснимых на первый взгляд фактов является то обстоятельство, что после известного разгрома оплота оседло-земледельческой культуры в степях Западного Казахстана – города Сарайчика, он вновь с регулярной постоянством появляется на картах XVII в. Первой картой с возвращением Сарайчика является карта Генрих Хондиус и Исаака Масса. Карта России (1634 г.).

Рис. 3. Карта Генрих Хондиус и Исаака Масса. Карта России. (1634)

На ней обозначен не только Сарайчик, но и ряд других населенных пунктов, в том числе Lajck, Risan и Cosmai. Особенно интересен, что городище Lajck во многом схоже с названием Лайык – Жайык – Лаэти. Это обстоятельство тем важно, что несмотря на то, что само городище считалось затопленным в период очередного подъема Каспия, что в принципе подтверждается археологическими изысканиями, но это затопление наступило не в период XV в., а гораздо позднее, приблизительно в конце XVII - начале XVIII в. Кроме того, само городище Lajck также на этой карте достаточно локализовано на западной стороне реки Урал. Какое название носит Тендыкское городище, на сегодня нельзя утверждать однозначно. Вполне возможно, что это городище могло носить наименования Risan или Cosmai. Можно предположить, что река Урал неоднократно менял свое русло, а история Хазарского каганата свидетельствует о том, что средневековые жители вполне могли оставить старое поселение и основать новое на новом месте вследствие какого-либо природного катаклизма. Сама карта довольно условно отображает исторические реалии того времени, однако топонимика, представленная на ней, подтверждается письменными источниками, что подчеркивает ее достоверность. Позже данные 1367 г. подтверждаются и данными карты Фра Мауро (1459), где помимо Сарайчика, указаны и другие населенные пункты, хотя уже и без подписей. В описании карты «Нижнее Поволжье по карте космографа XV Вика Фра-Мауро» указывается, что: «...Что касается Яика (fluma laincho), то на картѣ Фра-Мауро недалеко отъ его устья поставленъ безыменный городъ, который судя по надписи между нмѣ и сосѣднимъ намятникомъ, sepulchra imperial" и представляетъ собственно гор. Сарайчукъ. если не признать послѣдняго въ ниже лежащемъ близъ ираваго

берега Лика города Suburzat. Выше по Яику около пункта, означенного кружком, авторъ нарисовалъ гору и сдѣлалъ приписку: „здесь добываютъ много соли“. Очевидно это место соответствует! - нынешнему Илецку» [8].

Рис. 3. Карта Фра Мауро 1459 г. по изданию Сантарема

Рис. 4. Карта космографа XV Вика Фра-Мауро

Следует отметить, что впоследствии отмеченные населенные пункты исчезают и вновь появляются, что, однако не может служить доказательством исчезновения оседло-земледельческой культуры в этом регионе, а скорее, может объясняться упадком интереса к восточным областям бывшей кочевой империи, погруженным в хаос войн и разрушений. Так, например сведения о городах отсутствует на карте Московии путешественника Герберштейна (1549 г.). Однако на карте России, Московии и Тартарии 1562 г. работы Энтони Дженкинсона, на территории Ногайской Орды указан город Сарайчик как крупный административный центр. В принципе, данное обстоятельство вполне объяснимо, так как бывший наемник Иосиф Герберштейн не был на бывших восточных окраинах Золотой Орды, а следовательно, мало знал о Волго-Уральском междуречье.

Рис. 5. Карта России, Московии и Тартарии 1562 года работы Энтони Дженкинсона

Одним из малообъяснимых на первый взгляд фактов является то обстоятельство, что после известного разгрома оплота оседло-земледельческой культуры в степях Западного Казахстана – города Сарайчика, он вновь с регулярным постоянством появляется на картах XVII в. Первой картой с возвращением Сарайчика является карта Генрих Хондиус и Исаака Масса. Карта России. (1634). На ней обозначен не только Сарайчик, но и ряд других населенных пунктов, в том числе Lajck, Risan (Rifan?) и Cosmai. Особенно интересен, что городище Lajck во многом схоже с названием Лайык – Жайык – Лазти. Это обстоятельство тем важно, что несмотря на то, что само городище считалось затопленным в период очередного подъема Каспия, что в принципе подтверждается археологическими изысканиями, но это затопление наступило не в период XV в., а гораздо позднее, приблизительно в конце XVII – начале XVIII вв.

Рис. 6. Карта Le Grand Continent. Par P.Du-Val. Geographe Ordinaire du Roy (1684)

Рис. 6. «Новая карта Тартарии. A Newe Mape of Tartary Augmented by Iohn Speede. Составил английский картограф Джон Спид. Атлас "A Prospect of the Most Famous Parts of the World". Лондон» (1627)

Те же данные приводит в своей карте «Новая карта Тартарии. A Newe Mape of Tartary Augmented by Iohn Speede. Составил английский картограф Джон Спид. Атлас "A Prospect of the Most Famous Parts of the World". Лондон» (1627). Город Сарайчик оказался сдвинут не по течению р. Урал, а локализован в междуречье, что скорее всего является ошибкой картографа, а не результатом природного катаклизма. Однако уже на карте Le Grand Continent. Par P.Du-Val. Geographe Ordinaire du Roy (1684), хотя город Сарайчик продолжает функционировать, но на месте других населенных пунктов указан уже город Olgaria (Олгария). Данное обстоятельство указывает на постепенное затухание городских анклавов в Западном Казахстане.

Список использованных источников и литературы

1. Архив института археологии РАН (Далее: АИАРАН). Р-1. №5668: 1-4.
2. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М., 2001. 256 с.
3. Ужкенов Е., Шотанова Г., Морякова М. Феномен жизнедеятельности оседлой культуры в кочевой среде (на примере функционирования золотоордынского городища Актобе) // Отан тарихы. №4 (96). 2021. С. 230–238.
4. ПСРЛ. Т. 24. С. 191 // Подробнее на сайте «Родная Вятка»: <https://rodnaya-vyatka.ru/blog/5197/112712>.
5. Галкин Л.Л. // Вокруг Света. №4. 1998. С. 30–31.
6. Волков И.В. Вымышленное название Лаэти для городища Актобе // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. № 6. 2016. С. 21–38.
7. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2010. 245 с.
8. Чекалин О.О. Астраханская краеведческая коллекция // Электронная библиотека. <http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bm000120036.pdf>

Сведения об авторах:

Ужкенов Ернар Муратович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Института востоковедения им. Р. Сулейменова. Республика Казахстан, Алматы. E-mail: e81g@mail.ru

Шотанова Галия Айтжановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. Республика Казахстан, Алматы. E-mail: galia8.09@mail.ru

Табынбаева Зауре Сыздыковна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Института востоковедения им. Р. Сулейменова. Казахстан, Алматы. E-mail: zauret@list.ru

УДК 94(55.2)

А.А. Баширов¹, Ж.А. Дуйшеев²

¹СШ № 2 (г. Майлуу-Суу, Кыргызстан)

²Международный университет им К.Ш. Токтомаматова (г. Жалал-Абад, Кыргызстан)

Локализация средневековых городов Селат и Шикит в северо-восточной Фергане

Аннотация. Данная работа ставит своей целью решение проблемы точной локализации средневековых городов Селат и Шикит в северо-восточной части Ферганской долины. О трудности определения местоположения средневековых городов в междуречье рек Нарын и Кара-Дарья ранее писал А.Н. Бернштам. На основе анализа средневековых письменных источников, гипотез А.Н. Бернштама и В.В. Бартольда, археологического материала, найденного в бассейне реки Майлуу-Суу, авторы предлагают новое решение проблемы местонахождения городов Селат и Шикит. Местоположение Селата на месте города Майлуу-Суу, а Шикита на месте села Массы, точно соответствует расстояниям и трассам торговых путей в описаниях средневековых географов X века.

Ключевые слова: Фергана, Средневековье, город, археология, локализация.

A.A. Bashirov¹, J.A. Duisheev²

¹ School No. 2 (Mailuu-Suu, Kyrgyzstan)

² Sh. Tokmamatov International University (Jalal-Abad, Kyrgyzstan)

Localization of The medieval Cities of Selat and shikit in north-eastern Fergana

Annotation. This work aims to solve the problem of exact localization of the medieval cities of Selat and Shikit in the northeastern part of the Fergana Valley. A.N. Bernshtam. Based on the analysis of medieval written sources, hypotheses by A.N. Bernshtam and V.V. Barthold, archaeological material found in the Mailuu-Suu river basin, the authors propose a new solution to the problem of the location of the cities of Selat and Shikit. The location of Selat on the site of the city of Mailuu-Suu, and Shikita on the site of the village of Massy exactly corresponds to the distances and routes of trade routes in the descriptions of medieval geographers of the 10th century.

Key words: Ferghana, Middle Ages, city, archeology, localization.

Ферганская долина является одним из центров, где складывалась древняя и средневековая цивилизация Средней Азии. Большинство располагавшихся здесь городов уже идентифицированы учеными с обнаруженными археологическими памятниками и современными городами и селами. Белым пятном остается северо-восточная часть Ферганской долины – междуречье Нарына и Кара-Дарьи. Остается неясной локализация здесь средневековых городов Селат и Шикит.

Самые ранние сведения о городах северо-восточной Ферганы оставили арабские и персидские географы X века [Крачковский, 1957: 194–219]. Ал-Истахри в своем сочинении «Китаб масалик ва-л-мамалик» («Книга путей государств») описывает владения и города Ферганы. Ибн Хаукаль, дополняя Ал-Истахри, упоминает округа северо-восточной Ферганы – Миян-и-Рудан, Бискент и Селат. Подробные сведения о населенных пунктах Кыргызстана даны у Ал-Мукаддаси. Он делит Фергану на три области, каждая из которых в его время была самостоятельным владением: Миян-и-Рудан – междуречье Нарына и Кара-Дарьи, Несайя – область южнее Сыр-Дарьи, Вагизия – область севернее Сыр-Дарьи [Бартольд, 96: 357]. Другим источником является труд анонимного персидского автора X в. «Худуд-ал-Алам» («Границы мира»).

Эти источники легли в основу статей и очерков по истории Ферганы В.В. Бартольда и А.Н. Бернштама. Трудность в определении точного местоположения средневековых городов Миян-и-Рудана отметил в своей работе «Древняя Фергана» А.Н. Бернштам: «Местоположение городов Миян-и-Рудана плохо поддается отождествлению. Славящееся своими орехами селение Шикит, по-моему, соответствует Арслан-бобу и городищам Кара-Ункур. Бискенд, очевидно, соответствует современному кишлаку Избаскенту; Селат, быть может, Коканд-Кишлаку. Тогда Хефтдеху («Семь селений» – *авторы*) должны соответствовать многочисленные руины между Массы и Кугартом (Акман, Чука-тепе). К северу от Массы (Избаскента) до Нарына вдоль гор древних селений нет. Остается неясным, каким образом от Ахсыкета в 9 фарсахх было селение Шикит. Быть может, этот путь шел через горы через современное селение Гава, или Шикит был в подгорной части в районе того же бассейна рек Массы и Тентяк-Сай, связанных горными перевалами с ореховыми лесами Арслан-боба» [Бернштам, 98: 265–266].

В другой своей работе А.Н. Бернштам располагает Шикит в обширном районе бассейна рек Тентяк-Сай и Кара-Унгур. Здесь об идентификации Селата ничего не говорится. Так же автор высказывает мысль о том, что древние авторы могли ошибаться [Бернштам, 98: 138].

Эти труды являются единственной в исторической науке попыткой определить местоположение средневековых городов северо-восточной Ферганы. Для решения этой проблемы необходимо определиться с уже идентифицированными городами этого региона, выяснить их роль и значение в определенный период, принять во внимание расстояния, указанные у Ал-Мукаддаси и в «Худуд-ал-Аламе», на которые ссылается А.Н. Бернштам, и выяснить, почему он отрицает существование древних селений к северу от Массы [Бернштам, 97: 266].

Какие города нам известны? Центром области Миян-и-Рудана был город Хайлам, расположенный в Кетмень-Тюбинской котловине у слияния рек Нарына и Узун-Ахмата [Бернштам, 97: 267]. Крупным городом был Узген. Ахсыкет, центр другой области средневековой Ферганы – Вагизии, в эпоху саманидов становится столицей ферганского владения. Он отождествляется А.Н. Бернштамом с городищем к югу от Намангана на берегу Сыр-Дарьи [Бернштам, 97: 126–129]. Хефтдех («семь селений») – городища между Массы и

Кугартом [Бернштам, 97: 265]. С локализацией Бискента связана одна неточность в очерке А.Н. Бернштама. Он отождествлен с Массы, который А.Н. Бернштам считает Исбаскентом. Однако, Исбаскентом до 1970 года называлось узбекистанское село Маданият. Село Массы находится на территории Кыргызстана и никогда Исбаскентом не называлось. Бискент, в этом случае соответствует Избаскенту (современное название узбекистанского села Маданият). Сегодня неясным остается местоположение Селата и Шикита. Их точная локализация снимет вопрос о трудности определения местоположения средневековых городов междуречья Нарына и Кара-Дарьи.

В решении этого вопроса необходимо опереться на описания торговых путей, составленные средневековыми географами. Основным торговым путем из Ферганы на север был путь из Ахсыкета, столицы Ферганы, в Хайлам, административный центр Миян-и-Рудана. Далее путь лежал в Центральный Тянь-Шань во владения тюркских каганов. Другие пути через перевалы Кугарт и Яссы вели в Синьцзян [Бернштам, 98: 136].

В.В. Бартольд приводит свидетельства географов X века о торговых путях из Ферганы в страну тюрков. Они называют их «ворота в страну тюрков». В его очерке «Фергана» приводятся такие сведения: «Ибн Хардадбех и Кудама называют Узгенд «город дихкана Джур-тегина», т.е., вероятно, он был резиденцией тюркского князя; Чуртегином называется ныне местность к востоку от перевала Ясы. «Воротами» считались так же города Бискент и Селат» [Бартольд, 96: 357].

Вот цитата из средневекового источника «Худуд-ал-Алама»: «Бискенд и Селат имеют вокруг себя села; эти города являются воротами для тюрков, которые приходят к ним из Миян-Рудана (здесь, видимо, имеется в виду Хайлам как столица области – *прим. авт.*). Так же как Узгенд – ворота тюрков» [История Кирг. ССР, 1984: 273].

Кратчайший путь в Кетмень-Тюбе через округ Миян-и-Рудан согласно Ал-Мукаддаси начинался из города Шикит, далее через селение Селат до Хайлама 14 фарсахов. Принимая во внимание известные сейчас расстояния, фарсах у Ал-Мукаддаси равен 8 км, т.е. длина этого пути составляла около 112 км. Протяженность пути из Ахсыкета до Шикита – 9 фарсахов, т.е. 72 км.

Какие выводы можно сделать из имеющихся источников? Путь из Ферганы в Центральный и Северный Тянь-Шань проходит через так называемые «ворота тюрков». В первом случае это дорога из Узгена через Яссы в Ат-Башы и далее в Синьцзян.

Другим путем называются дорога из Ахсыкета через «ворота» Бискент и Селат и далее в Хайлам или дорога из Шикита через Селат в Хайлам. А.Н. Бернштам пишет, что «Селат, быть может (соответствует – *прим. авт.*) Коканд-Кишлаку». Село Коканд-Кишлак находится в Узбекистане в 15 км южнее Массы. А путь в Хайлам лежит на север. Таким образом, Селат не может отождествляться с Коканд-Кишлаком.

Шикит тоже нельзя отождествить с Арслан-Бобом. Как было сказано выше, от Ахсыкета до Шикита 9 фарсахов (72 км). От Ахсыкета до Арслан-Боба – 140 км. Это не соответствие вынудило А.Н.Бернштама высказать мысль о возможной ошибке средневековых географов.

Путь в Хайлам как из Шикита, так и из Бискента лежит через Селат. Селат может находиться только к северу от них. Но А.Н. Бернштам считал, что к северу от Массы до Нарына древних селений нет. Что привело его к такому выводу? Дело в том, что в бассейне реки Майлуу-Суу никогда не проводились археологические исследования. В 1930-е годы здесь были открыты месторождения урана. В СССР этот район был закрытой режимной зоной.

По нашей гипотезе, если город Селат соответствует местоположению современного Майлуу-суу, Бискент – Избаскенту (Маданияту), то Шикит – это Массы. Дороги из Бискента и Шикита сходились в Селате. Далее путь лежал в Хайлам. Только такая локализация точно отражает указанные у средневековых авторов расстояния.

Данная гипотеза нуждается в подтверждении археологическим материалом. С 1996 года группа местных краеведов начала собирать подъемный археологический материал, который и ранее в больших количествах находили местные жители при строительстве домов и дорог, работе на огородах, обследовать и фиксировать найденные древности – поселения, могильники, ирригационные системы. Часть подъемного материала сегодня находится в музее средней школы №2 города Майлуу-Суу.

Наиболее значительным памятником являются развалины старинной крепости у поселка Кугай к востоку от улицы Дачной на террасе между рекой Майлуу-Суу и скалами. Сохранилась северо-восточная стена длиной 100 м в виде земляного вала с проемом ворот. К стене с северо-запада примыкает сооружение замкового типа, выдающееся своей главной башней на север. Главная башня сохранилась в виде земляного холма высотой 6 м с характерным провалом от рухнувших внутренних помещений. Вторая, южная башня меньших размеров имеет такой провал в южной части. От нее на юго-запад тянется стена длиной 90 м с проемом ворот, упирающаяся в южную башню. Остальные сооружения крепости сильно разрушены.

На территории крепости находки керамики немногочисленны. Большая часть фрагментов выполнена из красной глины методом ручной лепки с добавлением дресвы и шамота. На сколах просматривается неравномерность обжига. Образцы с росписью или высокохудожественные изделия не обнаружены.

Вокруг крепости находились жилища жителей средневекового города. Здесь найдено большое количество керамики. Обращает на себя внимание сосуд с росписью высотой 30 см и диаметром 30 см. Сосуд плоскодонный, отсутствуют горловина и венчик. Он изготовлен из красной глины с минеральными вкраплениями. Внешняя часть покрыта лощеной белой глиной. Средняя часть украшена геометрическим орнаментом из перевернутых вершиной вниз треугольников, нарисованных темной коричневой краской. Верхняя половина сосуда расписана орнаментом с растительным узором. Геометрический орнамент в сочетании со стилизацией растительного узора является характерной чертой орнаментального искусства Согдианы, Ферганы и Семиречья в VIII–X вв. [Бернштам, 97: 584–589].

В южной, наиболее разрушенной части крепости, при строительстве дороги в середине 80 годов было обнаружено массовое захоронение. Останки людей лежат на глубине 70–100 см. Местные жители, знающие свои родовые кладбища, утверждают, что это захоронение им не известно. Можно предположить, что это останки защитников крепости, разрушенной по приказу Хорезмшаха Мухаммеда II в 1214 году, который вел войну с найманским царевичем Кучлуком [Бернштам, 97: 270].

Большой интерес представляют притоки реки Майлуу-Суу. На многих из них находятся остатки поселений, могильники и ирригационные сети.

Лучше других сохранилось поселение у ручья Шор-Сай в 7 км к востоку от поселка Сары-Бээ. Каменные и земляные фундаменты жилищ протянулись на 1 км по ручью Шор-Сай до слияния с ручьем Сары-Бээ. Вдоль адыра (холма – авторы), к которому примыкают жилища поселения с запада, хорошо прослеживается укрепленная камнем арычная система. На перекрестке дорог у слияния ручьев находятся остатки караван сарая – каменно-земляные

валы с внутренними помещениями по периметру. На всей территории поселения встречается разнообразная керамика с росписью, глазировкой, красным и белым лощением. Венчики многих сосудов украшены орнаментом, выполненным методом вдавливания.

Следует отметить необычный сосуд, найденный в одном из гротов у поселения. Это плоскодонный сосуд ручной лепки. Он монолитен и не имеет внутренней полости, украшен наклепным орнаментом в виде подков со слегка загнутыми концами. Наклепной орнамент сосуда демонстрирует эволюцию на основе зооморфного и антропоморфного декора предыдущих эпох. Классический сосуд с антропоморфным декором из Сокулукского городища, описанный А.Н. Бернштамом, датируется им VI–VIII вв. [Бернштам, 98: 537–540]. Найденный им же сосуд из Тараза уже карлукского периода (VIII – X вв.) имеет стилизацию антропоморфных форм, выполненных в виде орнаментальных наклепов [Бернштам, 98: 591]. Общие размеры, форма и орнамент сокулукского, таразского и майлуу-сууского сосуда из Шор-Сая почти одинаковы. Исключением является только монолитность майлуу-сууского изделия.

В центре поселения у ручья обнаружен большой каменный жернов диаметром 1 м с отверстием в центре. У слияния ручьев найден малый каменный жернов диаметром 68 см. У подножия скалы найдена примитивная каменная зернотерка с характерной вогнутой поверхностью.

Следы другого поселения были обнаружены у ручья Ак-Балык в 1 км западнее поселка Кугай и севернее слияния с его с ручьем Кугай. Здесь на перевале расположено старое кладбище. На дороге и самом кладбище встречается много керамики. Из обрывистого края дороги был извлечен частично разрушенный керамический столик. Его длина – 55 см, ширина – 45 см. В центре имеется концентрическое отверстие диаметром 5 см. По бокам расположены две полукруглые чаши, соединенные с бортами столика. Возможно, этот изделие имело ритуальное назначение.

В 100 м севернее, так же у дороги, найден большой хум высотой 60 см и диаметром 50 см, с горловиной диаметром 23 см. Венчик украшен наклепным орнаментом. На дне хума находился бронзовый диск диаметром 6 см. На диске методом чеканки изображен знак в виде свастики, концы которой плавно переходят в растительный узор.

Местные жители передали нам две монеты, найденные при строительстве дома у ручья Ак-Балык. Это – «черные дирхемы» или «махаммади», чеканившиеся в эпоху саманидов в IX–X вв. и продолжавшие хождение при караханидах в X–XII вв. [Давидович, 1965: 131].

На правом притоке реки Майлуу-Суу у ручья Ашваз, в 6 км от центра города на вершине высокого адыра обнаружены остатки сооружения 20 x 10 м. Внутренние помещения имели перегородки на каменном фундаменте. В юго-восточной части сохранился полукруглый каменно-земляной вал угловой башни. Сооружение напоминает по своей конструкции средневековые дома-замки «кешки».

С северо-востока по крутому склону адыра к замку тянется арык. На участке дороги, пересекавшей арычную систему, были найдены обломки и целые фрагменты керамического водопровода кубура (куур).

Вокруг замка много керамики идентичной Шор-Сайской и Ак-Балыкской. Отличие в том, что здесь встречается больше фрагментов изящной тонкостенной посуды с глазуировкой и росписью.

На территории замка найдена крупная монета 31 мм в диаметре. Легенда плохо читается, но монетный тип, размеры и преобладание меди в сплаве указывают, что это может

быть дирхем-«гитрефи» в больших количествах чеканившийся в Узгене в XI–XIII вв. [Давидович, 1965: 131].

В 2 км к юго-востоку от замка, на террасе у подножия горы Чон-Тепе находится группа курганов. Вероятно, это – родовое захоронение владельцев замка.

Остатки поселений с подобной керамикой, ирригационными системами и могильниками были найдены у ручья Семендык, левом притоке реки Майлуу-Суу в 10 км от поселка Кугай, у ручья Кара-Джигач и вдоль ручья Бедре-Сай (правый приток реки Майлуу-Суу).

Описанные находки могут подтвердить версию о том, что на территории современного Майлуу-Суу находился крупный город с многочисленными селами вокруг него. Расцвет его пришелся, вероятно, на VIII–XII вв. Расстояния, указанные у средневековых географов X века позволяют говорить о том, что именно здесь мог находиться средневековый Селат.

Список использованных источников

1. Баширов А.А., Дуйшеев Ж.А. Идентификация средневековых городов в великом шелковом пути (Миян-и-Рудан, Кыргызстан) // Материалы первого алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». Барнаул, 2019. С. 92-94.
2. Бартольд В. В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана / Составление, доп. коммент. и предисловие О. Караева – Бишкек. 1996.
3. Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. В 2-х томах / Сост.: К. Ташбаева, А. Ведутов. – Бишкек. 1997. – Т. I.
4. Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. В 2-х томах / Сост.: К.Ташбаева, А.Ведутов. – Бишкек:, 1998. – Т.2.
5. Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // Нумизматика и эпиграфика – М., 1966. – Т. 6.
6. История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах. – Фрунзе:, 1984. – Т.1: С древнейших времен до середины XIX в. / Под ред. В. М. Плоских;
7. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. – М.–Л., 1957.

Сведения об авторах:

Баширов Андрей Анатольевич – учитель истории СШ №2 г. Майлуу-Суу

Дуйшеев Женишбек Аमतисакович – к.и.н., профессор кафедры философии и естественнонаучных дисциплин Международного университета им К.Ш. Токтомаматова (г. Жалал-Абад).

УДК 726.9

З.К. Абидова

Ургенчский филиал Ташкентской медицинской академии (Ургенч, Узбекистан)

Женские божества в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Хорезмского оазиса

Аннотация. Статья посвящена истории изучения генезиса и эволюции культа женского божества в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Хорезма. Следы этого культа имеются в традиции почитания объектов природы, природных стихий, растительного и животного мира. Особенно внимания уделяется образам как Анбар

она (Анахита), Биби Мушкулькушод, Момо и Биби Сешанба. Их считали богинями-хранительницами домашнего очага.

В хронологическом порядке анализируются труды авторов, среди которых основное место занимают научные работы отечественных и зарубежных этнографов.

Ключевые слова: Культ, культ женщин, агиология, сакральный, демонический, Анахита, Альбасты, Анбар она, святыня Биби Мушкулькушод, Биби Сешанба, Культ «Момо», доисламские верования, святые.

Abidova Zaynab Kadirberganovna

Urgench Branch of Tashkent Medical Academy (Urgench, Uzbekistan)

**Female deities in The system of religious and worldiew representations
of The peoples of The Khorezm oasis**

Abstract. The article is devoted to studying of genesis history and work ship evolution in the female deities in the system of religious and worldiew representations of the peoples of the Khorezm oasis. The evidence of which are the traditions of there are of nature objects, natural elements, plant and animal world. Especially pay to attention figure how Mother Anbar (Anahita), Bibi Mushkulkushod, Bibi Sehanba and Albasti. Them counted daughters of the goddess-keeper hearth.

The works of the authors among which the main place is occupied by scientific works of native and foreign ethnographers are analyzed in chronological order.

Key words: Cult, women cult, axiology, sacred, pre-Islamic religious beliefs, demonical, Anahita, Albasti, mother Anbar, Saint Bibi Mushkulkushod, Tuesday of women, cult “Momo”, saints.

Изучение религиозно-культовых ценностей народа всегда являлось и остается актуальной проблемой истории. В последние годы в Узбекистане основательно стали подходить к изучению духовного наследия, национальных традиций, к возрождению незаслуженно подвергшихся забвению религиозно-культовых ценностей народа. В настоящее время ученые все больше внимания уделяют проблемам изучения реликтовых традиций и истории изучения генезиса и эволюции культа женского божества в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Хорезма, что в свою очередь дает возможность выявить основные черты формирования духовной культуры узбекского народа.

История возникновения и развития культа женского божества нашла отражение и в Хорезмской агиологии. Следы этого культа усматриваются в традиции почитания объектов природы, природных стихий, растительного и животного мира. Как известно, культ — это совокупность религиозных обрядов [1].

Хорезмский оазис, расположенный в низовьях Амударьи, по праву считается одним из очагов древнейшей цивилизации. Здесь издревле развивалось земледелие, создавалась мощная ирригационная система. «Наряду с этим, — как отмечал С.П.Толстов, — обилие городов, расцвет ремесла, искусства, далеко идущие торговые связи показывали высокий уровень цивилизации античного Хорезма» [2]. Древнем Хорезме в VIII тысячелетии до н. э. существовала неолитическая культура, создатели которой почитали женское божество. Об этом свидетельствует женский образ, запечатленный в произведениях мелкой пластики, статуэтках, медных монетах и мифах [3]. Почитание женских божеств занимало особое место в древних религиозных верованиях народов Хорезмского оазиса. Несмотря на то, что в

отечественной и зарубежной этнографии тема архаичных явлений, связанных с духовным наследием народов Средней Азии, нашла отражение в многочисленных специальных статьях и монографических работах, феномен культа женского божества в контексте местных культур на сегодняшний день остается практически не изученным.

Вклад в исследование культа женского божества Хорезмской агиологии в его среднеазиатском варианте внес С.П. Толстов, изложивший свои взгляды на проблему генезиса этого феномена в книге «Древний Хорезм», содержание которой далеко выходит за территориальные рамки, определенные названием. Изучая особенности культа женского божества в Средней Азии, С.П. Толстов выделяет в качестве его главной характеристики теснейшую связь женского сакрального образа с водной стихией, объясняя это специфическими географическими и культурно-хозяйственными условиями – огромной значимостью водных ресурсов в регионе, где основой экономики является поливное земледелие [5]. Будучи сторонником, так называемой «восточной теории» происхождения зороастризма, он высказал предположение, что родиной образа Ардвисуры-Анахиты – богини вод, представленной в «Авесте» является Хорезм. А сама богиня олицетворяет собой великую водную магистраль Средней Азии – древний Окс (Амударья) [20].

В найденных в Древнем Хорезме памятниках, находились статуи и изображения богини воды и урожая Анахиты в образе красивой девушки, иногда обнаженной танцовщицы [3]. С распространением исламской религии, она превратилась в охраняющую женщин святую Амбар-она. С распространением исламской религии, она превратилась в охраняющую женщин святую Амбар-она. По легенде у Амбар-она был любимый сын по имени Хуббим. Он утонул в Амударье и стал повелителем подводного мира, который боролся с создающими наводнения Араллами [20].

Гипотезы и теоретические обобщения С.П. Толстова во многом определили дальнейшее направление этнографических исследований в области верований и культов народов Средней Азии. Статуэтки женщин, кормящих младенцев, найденные в крепости Куйкирилган, которая находится в Каракалпакской Республике, он назвал «хорезмской мадонной» [6]. Их считали культом плодородья, а культ женского божества в образе Анахиты как «богиня водных стихий» и научные идеи были продолжены и развиты Г.П. Снесаревым. В своей монографии «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» он уделяет особое внимание культу популярнейшей в Хорезме святой Амбар-она, рассматривая его наряду с другими явлениями религиозной жизни хорезмийцев (аграрными, семейно-бытовыми и даже погребальными обрядами) как составляющую часть особого, обладающего определенной автономией комплекса - культа плодородия [7].

Детально проанализировав элементы культа святой Амбар-она, других почитаемых в Хорезме женских святых как хур-кыз и кирк-кыз. По другой легенде Амбар-она жена знаменитого мусульманского святого Хаким ата, популярного Хорезмского шейха, вторым браком была замужем за другим шейхом Зенги-ата, известен по всей Средней Азии как покровитель пастухов [5]. Легенда о Хаким-Ата и Амбар-Ана популяризировалась в литографиях, имевших широкое хождение среди населения Хорезма. Однако не официальная мусульманская версия, а многочисленные народные легенды рисуют образ Амбар-Ана как популярнейшей в оазисе святой, покровительницы женщин [21].

Г.П. Снесарев возводит все эти явления к культу богини Анахиты и приходит к выводу, что это божество в Средней Азии проявляется в двух значениях - богини-матери и богини-девственницы [10]. Изучая на хорезмском материале женских образов среднеазиатской

демонологии, Г.П.Снесарев поддержал гипотезу О.А.Сухаревой [8,9] относительно связи духов Момо с культом женских предков. Он предположил, что на основе представлений об этих духах, эволюционировавших под влиянием уже сложившегося образа богини плодородия Анахиты в древнем Хорезме «выкристаллизовался» образ святой Амбар-она [21].

В своих этнографических работах С.М. Андреев не раз обращался к теме сакральных и демонических женских образов, пытаясь выявить их истоки [11]. Он приводит сведения о распространенных не только в регионе, но и далеко за его пределами, поверьях, связанных с существом Албасты и высказал предположение о связи этого персонажа с образом древнего божества плодородия (рождения). По его мнению, родиной демона Албасты является именно Средняя Азия, откуда «он еще в древности перекинулся на Европу» [12].

О.А. Сухаревой, посвященных культу мусульманских святых, получила дальнейшее развитие высказанная С.М. Андреевым гипотеза о связи святых женских покровительниц как Биби-Сешанба («Госпожа вторник». В мифологии покровительница семейного счастья, а также патронесса прядения и ткачества (обработка хлопка) и Биби-Мушкулькушод («Госпожа-разрушительница затруднений»). Изучая эти образы этнограф пришла к выводу о том, что хотя они и имеют общие корни, сложение культов этих персонажей происходило в разное время: образ Биби-Сешанби, по ее мнению, послужил прототипом образа Биби-Мушкулькушо [13]. К Биби Мушкулькушод обращаются в основном в связи с неудачей в делах, когда человек не может расплатиться с долгами, должен предстать перед судом и т.д. В их честь устраивали женские сборища, сопровождавшиеся чтением сказаний (рисоля) и приготовлением особых ритуальных кушаний. Господство религиозной идеологии открывало простор для сохранения древних анимистических представлений. Для неграмотных, темных людей весь мир казался населенным всевозможными духами, действиями которых они объясняли многие явления и события жизни.

В легендах о Биби-Мушкулькушод, как и в повествованиях о Биби-Сешанби, в качестве главного атрибута святой выступает очаг святой пещера, указывает на архаичность образа. Однако окончательно культ божества, послужившего прототипом этой святой, сложился, очевидно, гораздо позднее, чем культ Биби-Сешанби. Тот факт, что основные моменты в легендах, на которых построен сюжет, связаны с серпом, возможно объясняется тем, что формирование данного культа было связано с развитием металлургии [14]. В Хорезме как и в других местах республики существует несколько «могил» и мест паломничества женщин. Наши исследования, проведенные на «могилах» Биби Мушкулькушод, находящихся в Ургенчском районе на кладбищах (мазарах) Шахабуддин Хаджа бобо (вторник) и Жон Хорос бобо (среда), Биби Мушкулькушод в городе Хиве Хорезмской области показали, что посещение святилищ и проведением разных ритуальных обрядов занимается в основном женщины. Проведенные 2010–2015 годах в Хорезме полевые исследования показали, что «могил», посвященных Биби Мушкулькушод более десяти. В местной агиологии образ Биби Мушкулькушод более ярче, чем образ Биби Сешанбы. Мест паломничества с именем Биби Сешанбы в области почти не встречаются [15].

В агиологии Хорезма существует образ «божественной» демона Албасты. Особый вклад в изучение культа Албасты внес В.Н. Басилов, который неоднократно обращался к проблеме генезиса образов местной демонологии. Следует отметить его статью, посвященную Албасты [16]. Основываясь на собственных данных и материалах, опубликованных в литературе по Средней Азии и другим регионам, В.Н. Басилов представил детальный анализ этого персонажа и поддержал гипотезу М.С. Андреева относительно связи

между образом Албасты и древним женским божеством. Развивая ее, он сделал некоторые существенные уточнения и дополнения, касающиеся изначальных функций и прототипа этого демона. Однако, если М.С. Андреев возводил Албасты к образу «азиатской» Венеры – Анахиты [5], то В.Н. Басилов предположил, что прототип этого персонажа гораздо древнее, обратив внимание его некоторые внешние сходства с образом, запечатленным в палеолитических «Венерах» [16]. Албасты, по его мнению, изначально добрая богиня, покровительница плодородия, домашнего очага, а также диких животных и охоты, которая с распространением более развитых мифологических систем была низведена до роли одного из злых низших духов [4].

В Хорезмской агиологии встречается персонажи среднеазиатского пандемониума – дух Момо (Биби) восходит к культу женских предков. В таджикском языке «момо» означает «мать», в узбекском – «бабушка». Показательно, что словом «момо» в таджикско-узбекской среде называют также повитух, женщин, осуществляющих функцию сакральной защиты невест во время свадебного церемониала (янга), уважаемых пожилых женщин, часто оно прибавляется к имени святой. Сами духи иногда называются Момо-Хаво, что означает «прабабушка Ева». Все это дает основание полагать, что образ Момо восходит к представлениям о всеобщей прародительнице – одного из аспектов Великой Богини-матери, являющегося своего рода проекцией последней стадии жизни женщины, ассоциирующейся с пожилой, седой женщиной, ночью, холодным временем года, умирающей природой, убывающей луной. О.А.Сухарева уделяла особое внимание проблеме происхождения образа Момо. Она предположила, что этот образ восходит к образу женских предков, культ которых «на определенной ступени истории должен был существовать в той или иной форме у всех народов», а все иные роли этого персонажа, могли появиться лишь сравнительно недавно, в результате разрушений прежних верований [17]. Фольклорист О.Муродов считает, что Момо это дух умерших предков, который охраняющих живых от всяких бед [18].

После распространения исламской религии в Хорезмских верованиях стали популярностью пользовался также образ матери Хусейна – Биби Фатимы, дочери Мухаммеда. Под влиянием ислама ее образ занял место древних божеств – покровительниц рожениц и новорожденных, а также патронессы пряж. Культ Фатимы (Биби Фатима) приобрел характер типичного женского культа. Она, как покровительница семейного очага, но в Хорезме образ Фатимы переходить на второстепенный план [5].

В заключение можно сказать генезис и эволюция культа женского божества дневного Хорезма – одна из актуальных и проблемных тем современного этнологии. Элементы культа женского божества встречаются в различных религиозно-обрядовых комплексах в традиции почитания объектов природы, природных стихий, растительного и животного мира. А это означает, что источником всего сущего во Вселенной, в живой и неживой природе, в земном и неземном мире, является высшее начало, воплощенное в женском образе.

Список использованных источников и литературы

1. Басилов В.Н. Культ святых в исламе. Москва, Мысль. 1970.
2. Толстов С.П. Древний Хорезм. Москва, 1948.
3. Иса Джаббаров. Древний Хорезм – страна высокой культуры и уникальной духовности (Этно-исторические очерки). Москва, 2014.
4. Женщина в мифах и легендах. Энциклопедический словарь. Ташкент, 1992.

5. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. Москва, 1969.
6. Караматов Х. Из истории древних верований Узбекистана. Ташкент, 2008.
7. Снесарев Г.П. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия // Материалы Хорезмской экспедиции. Выпуск №4. 1960.
8. Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
9. Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. Москва, 1975.
10. Андреев М. С. Чильтаны в среднеазиатских верованиях // В. В. Бартольд. Ташкент, 1992.
11. Андреев М.С. Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны) // По Таджикистану. Выпуск №1. Ташкент, 1927.
12. Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Выпуск №1, 2. Сталинабад, 1953, 1958.
13. Альбаум Л.И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960.
14. Горшунова О.В. Женское паломничество к святым местам (по материалам Ферганской долины) // Итоги полевых исследований. Москва, 2000.
15. Полевые исследования. Ургенчский район в кладбищах Шахабудинов Хаджа бобо и Жон Хорос бобо, город Хива «могила» Биби Мушкулкушод. 2010-2015 годы.
16. Басилов В.Н. Албасты // Историко-этнографические исследования по фольклору. Москва, 1994.
17. Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. Москва, 1975.
18. Муродов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана. Душанбе, 1979.
20. Kadirberganovna, Abidova Zaynab. Sanctification of Water among the Population of the Khorezm Oasis. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. Indiya. Volume 12, Number 4, 2020. Pp. 3–4.
21. Абидова З.К. Труды Г.П.Снесарева – важный источник сведений по истории реликтов и мест паломничества Хорезмского оазиса // *Theoretical & Applied Science*. Philadelphiya, 2017. №9(53). Pp. 69–70.

Сведения об авторе: Абидова Зайнаб Кадирбергановна, заведующий кафедрой общественных наук Ургенчского филиала Ташкентской медицинской академии. Сот: +998914219838, e-mail: zaynab_74_2011@mail.ru

УДК 93

А.П. Янков

Тюменский государственный университет, Тюмень (Россия)

Об эволюции исламской архитектурно-пространственной среды Сибири

Аннотация. Цель статьи – изучение истории исламского зодчества в Сибири во временном диапазоне – от Средневековья до начала XXI в. Выявлена зависимость типов и

стилей архитектуры от: политического статуса ислама в стране в различные периоды; социально-экономического положения местных общин; отношения окружающего населения. Путь от архаики и до авангарда исламское зодчество суперрегиона прошла за исторически короткий путь, отразив региональные и общемировые тенденции, исследование которых и является целью данной статьи. В процессе подготовки проанализированы артефакты археологии, иллюстративные материалы, реальные архитектурные объекты.

Ключевые слова: Сибирь, исламское зодчество, межкультурные коммуникации.

A.P. Yarkov

Tymen State University, Tyumen (Russia)

About evolution of The islamic architectural and spatial environment of Siberia

Annotation. The purpose of the article is to study the history of Islamic architecture in Siberia in the time range – from the Middle Ages to the beginning of the 21st century. The dependence of the types and styles of architecture on: the political status of Islam in the country in different periods; socio-economic status of local communities; relations with the surrounding population. The path from archaic to avant-garde Islamic architecture of the super-region has passed in a historically short way, reflecting regional and global trends, the study of which is the purpose of this article. In the process of preparation, archeological artifacts, illustrative materials, and real architectural objects were analyzed.

Key words: Siberia, Islamic architecture, intercultural communications.

Архитектурно-пространственная среда Западной Сибири и Кыргызстана имеет сходство. Прежде всего в том, что в средневековом прошлом города (Ош, Узгенд, Баласагун, Искер, Тюмень) являлись «островками урбанизма» в «океане» кочевой культуры.

Каждому отрезку исторического времени соответствует свое представление о реальности. Средневековые карты (чертежи / рисунки / схемы / кроки) нельзя рассматривать как современные по точности изображения и наполнения. Вместе с тем эти источники интересны как попытка определить место того или иного историко-географического объекта в пространстве. Не владея точной информацией о живущих в Сибири людях и их социальной организации, на картах условно изображались не только территории тамошних (предполагаемых) государств, но и населенные пункты (в т. ч. легендарные).

Разные обстоятельства и потребности привели в Средневековье к повышению в Сибири качества коммуникативных связей, ставших важнейшим фактором жизнеобеспечения населения при больших пространствах, дисперсности расселения, экологической емкости территорий и т. д. Это вызвало потребность в обслуживающих и почтовых станциях (так называемые ямы / джамы сохранялись в Сибири и после присоединения к Русскому государству), а на месте переправ через реки возникли населенные пункты, не все из которых являлись крепостями.

Этим и определяется «лицо» некоторых поселений Западной Сибири. Поэтому актуален вопрос, обсуждаемый на разных конференция по истории края: были-ли они задолго до того, как он вошел в состав Российского государства? Высказывались по этому вопросу и авторы данной статьи, но дискуссия продолжается. В этой связи рассмотрим вопрос о городках (юрт, тура / тора / тара, кала) как сложных социальных организмах, отвечающих естественно-географическим особенностям и потребности общества в самоорганизации, имеющих различную типологию и локальные модификации [8, с. 196–

197]. При этом важно принять во внимание, что между размерами сибирских поселений и самосознанием населения как «горожан» нет прямой связи.

Более того, Г.Ф. Миллер замечал, что деление сибиряков на кочевых и оседлых условно [16, с. 128]. Среди местных часто фигурировало расширенное понятие *Иске юрт* (сиб.-татар.), что означало *старый народ / улус*, а также *часть деревни и первородную почву*. Лексема *юрт*, соответственно, может трактоваться и как постоянное поселение, и как мобильное, что отражает нестабильность систем расселения и даже сакрализации *родного пространства*.

Во многом это объясняется тем, что земля не имела для кочевника-скотовода и промысловика того сакрального наполнения, каким обладала для земледельца. Лишь по мере оседания (достаточно позднего по сравнению с Поволжьем и Бухарой) земля и поселения на ней обретали иное мифонаполнение, иногда заимствованное и труднообъяснимое. Можно полагать, что условия появления подобных поселений на Руси, в Сибири или Центральной Азии имели разную историю и природу: если для одних было характерно наличие более развитого ядра (центра) и тесно связанной с нею периферии (защитная функция), то для других – это иерархическая система оседлых поселений как главных центров сбора податей, а для третьих – инноваций. Естественно возникают вопросы: были ли в Сибири города до появления русских³, а если да, то способствовал ли ислам урбанизации, как это происходило в Центральной Азии, Крыму и Волжской Булгарии?; возможно ли рассматривать «историю возникновения и развития поселений как целостный однолинейный процесс» [3, с. 185]?

Существует множество подходов к вопросу о периодизации общества [1], но еще Платон в V – VI вв. до н. э. обозначил линейную схему его развития: пастухи → крестьяне → горожане, достаточно прочно осевшую в сознании ученых. Исторический материализм определял основанием для периодизации уровень развития производительных сил, хотя такое деление, по мнению Л.Е. Гринина, больше учитывало производственные отношения и формы собственности на средства производства [4, с. 7]. Зарубежная теория урбанизма, как и марксистско-ленинская концепция, считала отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства базисом в рождении городов, отличительных также стабильностью, высокой численностью и плотностью населения, живущего по иным нормам и правилам, признающим права личности и собственности.

Не отрицая этих причин для Западной Европы, нельзя механически их переносить на средневековую Западную Сибирь. Здесь вообще не было жесткого деления на горожан и негорожан, хотя известно определение «туралы / туралинцы» [13, с. 328], но те занимались сельским хозяйством (в т. ч. отгонным скотоводством); торговля была слаба, а местных купцов, как способной к самоорганизации и инновациям элиты здесь было мало; потребности в изделиях удовлетворялись домашними промыслами; проблемы нехватки земельных площадей вообще не существовало. В результате появлялись различные системы хозяйства, обеспечивающие базовые потребности всех, т. е. создавая социум, объединенный для решения актуальной задачи на конкретном этапе развития. Поэтому не факт, что, решив эту задачу, создав оседлое поселение (городок), социум брал на себя ответственность за его функционирование в будущем – линейная система развития давала сбой.

Исходя из евроцентристских идей господствовало мнение, – замечал Л.Р. Кызласов, – что в Сибири государств с цивилизацией городского типа не было [6, с. 196–197]. Ставим

³ Согласно городovým летописям освоение Сибири началось даже не с похода Ермака, а с построения первых русских городов.

под сомнение и точку зрения, что появление городков и становление самостоятельной государственности раннефеодального типа обязательно вызывают соответствующие перемены в идеологической надстройке общества, ибо жесткой привязки быть не может. Тем более, что природа и генезис здешних поселений весьма отличается от западноевропейских, восточнославянских и поволжско-тюркских, в основе которых лежали политические и охранительные задачи подчинения пространства и торгово-ремесленные функции, а сами идеи об их возникновении «возникают в определенной социальной и демографической ситуации, когда организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается невозможной» [12, с. 49]. Это отражено в мифологических представлениях сибиряков по отношению к *первородной почве* и точно соотносится с синергетической моделью понимания исторических процессов в крае, но опровергает мнение, что «урбанизация Сибири ... начинается с нуля», исходя из того, что до прихода русских не знала таких форм поселений как города [11, с. 44].

Сведения, собранные из «дорожников» купцов – мусульман, посольств Римского папы и правителей итальянских государств к *Узбеку* и *Джанибеку* (до чумы 1348 г.) отложились в портолане братьев Пицигани (1367). Оттуда они «перекочевали» в *Каталанский атлас* (1375) А. и И. Кресков (Крескесов), где указано на каталанском языке: «*Los munts de Sebur on neix lo gran flum Edil*» («*Горы Себур*, где большая река Эдиль берёт начало») и помечено поселение «*Singui*» (очевидно *Цынг*), известное, возможно, по информации венгерского монаха Иоганка. Знаковая система в виде пиктограмм – символических рисунков дополняется текстовой информацией.

В период Позднего Средневековья, по мере упрочения позиций ислама в Сибири складывается особая архитектурно-пространственная среда, связанная с «переводом» образов исламского мира на местную почву. В результате складывается панорама местных и заимствованных типов организации среды и построек: городки и слободы (махалля), астана, переносные юрты-мечети, молитвенные дома, пятивременные, соборные и поминальные кладбищенские мечети, минареты, мектебе, мусалла, мавзолеи, надгробные и фортификационные сооружения.

В отличие от других регионов Золотой Орды, в Северной Азии архитектура имела скромный облик, а постройки долгое время были лишь деревянными. Являются объектами исследования органично вписанные в ландшафт астана – срубы без перекрытий, имеющие четырёх- и шестиугольные основания. Среди 25 астана, сохранившихся на юге Тюменской области, в виде четырёхугольного сруба выполнена Якушинская - 1, а в виде шестиугольного – Аллагуловская, Баишевская, Бегетинская и др. На их фоне Искерская, Кашаульская, Супринская и др. астана представляют собой возвышенность или поляну. Возможно, там также находились многоугольные срубы, к настоящему времени утраченные. Есть предположение, что астана – рудименты среднеазиатского зодчества, однако влияние местной культуры также значительно. Например, Цынгалинская астана – многоступенчатый мыс и деревянные постройки в Ялуторовском районе Тюменской области напоминают центральноазиатские сагана [17].

Неизвестен облик сооруженных в Сибирском юрте мечетей, крепостей и жилищ, но вряд ли они отличались изысканностью. И не только из-за отсутствия навыков и строительных знаний, мастерства и самих мастеров, хотя пришедшие из Центральной Азии миссионеры, правители (как Муртаза, Ахмет-Гирей, Кучум, Сейдяк), их придворные имели представление о материалах, типах и формах исламского зодчества. Основная причина –

городки немногочисленны, являясь лишь временными (сезонными) ставками, куда правители приезжали для сбора ясака. Заметим, что развернувшаяся ныне дискуссия о признаках принадлежности к городам опирается на их понимание как как места концентрации и перераспределения прибавочного продукта, что подвергается серьезной критике [15, с. 43–46].

Возникали альтернативные формы. Так, здесь распространены т. н. мусалла – большая открытая площадка для богослужений в праздники и кабир (кабире) – собственно мечеть. Роль минаретов долгое время выполняли небольшие возвышения, располагавшиеся посреди населённого пункта. Сохранились упоминания о минаретах, расположенных на площадках (у астана). У И.П. Фалька есть описание: «... близ Градской площади находится татарское кладбище, на котором стоит древняя деревянная башня, заключающая, по сказанию, гроб во святых считаемого Скир Стама, к которому прежде стекалось много Магометан на поклонение» [14]. Его же информация о существовании в Кизыл-Туре каменного здания раскопками не подтверждена.

Настороженное отношение к исламским объектам наблюдалось в запрете царской властью на строительство мечетей даже в татаро-башкирских слободах, но они сформировали особый культурный ландшафт, в Таре, например, определённый перепадом высот.

При Екатерине II разрешено строить мечети (а с ними и мектебе) по Пограничной линии, всё дальше отодвигаясь от прежних границ Тобольской губернии. Появление Касимовской мечети в Петропавловске при помощи государства на границе Степи стало знаком изменения политики. Одновременно Екатерина повелела провести перепланировку сибирских городов. Генеральные планы появились у Томска (1773), Тобольска (1774), Барнаула (1785), Тюмени, Тары (в нём не затронув окрестности мечети) [5, 239].

По примеру православных церквей на мечетях помещали религиозный символ. Так, тщательно вырисованная лунница присутствует на чертежах для юрт Кошелевских Ялуторовского, Нагорных Тобольского, Тарханских Тюменского уездов и др. Интересно, что строители нередко помещали на здание несколько изображений полумесяцев – на все минареты и купола, по примеру крестов на православных храмах [10].

Мечети строились по проектам, однако не регламентировались форма минарета и его цветовая гамма, внутреннее убранство и иные детали. Они, с одной стороны, давали простор творчеству, а с другой – отражали региональные традиции. Во-первых, в силу холодного климата здания всегда имели четыре стены, а не просто киблу (заднюю, обращённую к Каабе, стену), что практиковалось в странах с более тёплым климатом. Во-вторых, роль аназы (обязательной резной мраморной доски или деревянной ниши вблизи от входа) выполняло закрытое крыльцо (сени), над которым располагалась деревянная резьба, иногда – с надписями. В-третьих, внутри имелась женская половина, которая отделялась от мужской загородкой, а в небольших зданиях – тканью.

Внешняя цветовая гамма различна: от пестрой в казахских аулах до классической бело-золотисто-зелёной (например, Большая ембаевская мечеть). В целом же доминировали лаконичные по планировке и облику деревянные сооружения с небольшой надстройкой – минаретом над входом. Рубленые в один этаж, иногда с подклетью, они обычно перекрыты двух- или четырёхскатной крышей и минаретом, или плоским куполом (юрты Сабанакские). Имели продольно-осевой план, который включал небольшие сени-вестибюль с лестницей на

минарет и просторный зал, завершённый с южного торца, ориентированного в сторону Мекки, михрабом [17, с. 158–168].

Причиной отказа в строительстве могло быть несоблюдение «образцовых» архитектурных планов и фасадов 1829 и 1844 гг. [7]

Некоторые культовые сооружения в Степи, испытывая влияние центральноазиатской архитектуры, не вписывались в российские каноны. Подобное произошло при строительстве каменной соборной мечети в Семипалатинске. После сильнейшего пожара 1849 г. одна из общин осталась «без крыши». Отсутствие средств и препятствие со стороны местной администрации, посчитавшей, что новая мечеть (двухминаретная, по проекту турецкого зодчего Габдуллы эфенди) не соответствует архитектурному облику города, затянули завершение её строительства до 1862 г.

Внутренний и внешний облик зависел не только от благосостояния, но и желания части уммы цивилизоваться. Так, в Тобольске в 1784 г. утверждён план города, по которому «иноверцам магометанского закона» предназначалось место за ул. Пиляцкой, но татарам и бухарцам разрешалось жить и в других частях города. Выдвигалось лишь одно условие – построить дом. И оно было принято. Появлялись общеструктурные изменения: если в прежние времена в усадьбах купцов - мусульман доминировала закрытая пространственная ячейка, то к концу XIX в. проявляется совмещение функций жилого дома (второй этаж), конторы и торговой лавки (первый этаж или полуподвал), выходящих на улицу, выстроенную в одну (красную) линию с соседями. Примером является заново отстроенные после пожара 1881 г. юрты Ембаевские, когда за счёт купца Н. Сейдукова возведено 170 жилищ с надворными постройками, образуя усадьбы.

Исключение – для мечетей, ориентированных михрабными нишами на Мекку, что приводило к их смещению вглубь двора. Принадлежащие мечети здания мектебе и медресе могли и не ориентироваться на Каабу. Примерами являются комплексы зданий в Татаро-Бухарских слободах в Омске, Тобольске и Томске. Ориентация мечетей на Каабу задавала направление формирующимся улицам – взамен бессистемной организации и, соответственно, ориентации фасадов жилых и общественных построек.

Сложился принцип декорирования зданий прорезной и объёмной резьбой, определяемой по принадлежности к стилю «сибирское барокко» или мавританско-готическому стилю, как дворец М.Д. Бутина в Нерчинске. В смешанных по составу населения он мог быть перенесен и в экстерьер построек мусульман, например, в жилой дом купца Муртазина в юртах Ембаевских.

В декоре деревянных мечетей резное обрамление выполнено по «русскому» образцу, сближая две культуры. Совпадение не случайно, т. к. его нередко исполняли русские мастера. Это прослеживается и в накладной резьбе в виде стилизованных цветочных розеток в оконных наличниках конченбургской мечети, которая: «...обладая острым, стремительно возносящимся силуэтом, выразительной пластикой форм, продолжает оставаться архитектурной и художественной доминантой села, придавая пространству необычайную привлекательность» [2]. Конечно, в орнаментике подобных объектов, как и прикладного искусства, присутствовало иное стилевое начало, чем в сооружениях русских сибиряков.

Проект Белой соборной мечети в г. Томске разработан А.П. Лангером в стиле модерн, но включал в себя много элементов традиционного татарского узора и детали восточного декора во внешнем оформлении [9, с. 49–60].

Особенностью минаретов как в XVIII – XIX вв. является часто встречающаяся шестигранная форма: это повторяет форму некоторых астана.

Архитектурный облик многих мечетей традиционен, т. к. на месте старой обычно возводили новую с соблюдением облика предыдущей. Документы о перестройке, поступавшие в Стройотделение тобольского губернского управления, подтверждают эту практику. Так, проект новой мечети на месте старой в юртах Ебаргульских Саргатской волости полностью соответствует прежнему. После капитальных ремонтов мечети в деревне Тёплая Речка, юртах Шайтановских также сохранили прежний облик.

В городах рост удельный вес мусульман, достигнув к 1897 г., например, в Восточной Сибири (ранее малоосвоенных мусульманами) – в Иркутской губернии 15,52 %, в Забайкалье – 6,4 %, что, несомненно, отразилось на облике отдельных микрорайонов.

Интересна попытка решить вопросы общины градостроительными приёмами в г. Барнауле. Когда 2.05.1914 г. город пострадал от сильного пожара, то уже 23.10. местная Дума утвердила проект строительства сада-города на основе популярных в начале XX в. идей английского философа Э. Говарда. В 1918 г. мусульманам выделили землю под строительство жилья, рядом предусмотрев место для мечети и мектебе. В результате образовались городская и сад-городская общины, официально просуществовавшие до 1930-х гг., но фактически воссоздавшие образ махалли.

Исходя из численности групп населения в быстро растущих городах и пристанционных посёлков загодя предпринимались меры по их планировке: в Славгороде отводились места для будущих культовых построек не только для православных, католиков, лютеран, но и мусульман.

К началу XX в. архитектура суперрегиона прошла эволюционное развитие: увеличилось число мавзолеев. Минареты из ландшафтных возвышений превратились, сначала в деревянные строения, а затем – в надстройку на мечети; увеличилось число последних. Однако этот процесс прерван в советский период, когда, наоборот, они не только закрывались, но и уничтожались. Хотя в Постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР (декабрь 1938 г.) говорилось о недопустимости использования бывших культовых зданий под гаражи, склады, торговые предприятия и т. п. (должны использоваться только под культпросветучреждения), но на местах не исполняли эту установку, искажая облик и признанных памятников архитектуры, подлежащих государственной охране.

Первоначально, после 1989 г., лишь немногие здания возвращены, а верующие использовали приспособленные. В Томске долго шла борьба за возвращение Красной и Белой мечетей. Акции, в т. ч. с проведением коллективных молитв перед бывшими мечетями, отмечены в Новосибирске, Тюмени и др.

Если ранее художественные качества и уровень технического исполнения объектов снижались при переходе от уездных центров к селениям, то с 1990-х гг. не провинциальность, а вложенностью средств определяется качество и исполнение. В этом отношении характерна построенная в 1998 г. самая северная в мире мечеть – в г. Норильске. Примечателен также изменившийся облик минаретов: появляются четырёхгранные (соответствуют форме Чёрного камня Каабы) и круглоствольные (в Нефтеюганске, Пойково, Нягани и др.). Появились строения с несколькими минаретами в гг. Лангепас, Нефтеюганск и др. Минарет надымской «Азат Сафа» имеет высоту в 22 м., а его купол напоминает стилизованный газовый факел [17, с. 158–168].

Воздействие иностранцев на облик мечетей (как и внутренние процессы в умме) стал ослабевать, а постройку новых, реставрацию прежних, приспособление иных построек взяли под патронаж местные власти, хотя инокультурное влияние сохранялось. Так, названная в честь матери губернатора Кемеровской обл. А.Г. Тулеева трёхэтажная «Мунира» (архитектор А.А. Кривомазов) имеет 2 минарета в арабском стиле, купол – в самаркандском стиле, а остальные части здания – в турецком. Мечеть в г. Муравленко (архитектор М.М. Мухамедшин) является самым высоким зданием в городе – 29 м. Помещение рассчитано на 180 чел., где на первом этаже размещается зал для женщин), на втором – для мужчин (на 130 чел.). Купол зелёного цвета с золотыми звездами увенчан полумесяцем. Классический полусферический купол присутствует в Берёзово (ХМАО – Югра), Когалыма, Лангепаса и др.

Финансовые возможности иногда позволяли строить комплексы, как в Новом Уренгое, Норильске и др., включающие мечеть, медресе и халяльное кафе. Нередко финансирование культовых построек осуществлялось под нажимом органов власти из фондов корпораций, и меньше – из собранных верующими средств. При этом у местной власти имелась возможность влиять хотя бы на их пространственное размещение. Тем более что в условиях инокультурного окружения религиозный компонент в структуре этнической идентичности актуализировался (иногда одна идентичность вытеснялась), а наплыв мигрантов привёл к тому, что в центре северных городов рядом сооружали церковь и мечеть, нивелируя ту пространственную сегрегацию, что осталась в «старых» сибирских городах в наследство от прежних времён.

Примечательно, что из 31 действующей мечети на территории ХМАО – Югры и ЯНАО 20 – каменные. Иногда они строились из-за престижа, но несоизмеримо (с общим числом прихожан) просторными. И, наоборот, имевшиеся здания уже не вмещали желающих.

Исходя из возможностей общин в традиционных местах компактного проживания старые здания реставрировались (как единственная в Сибирском федеральном округе двухэтажная деревянная мечеть в селе Казанка Большемуртинского района) либо приспособлялись под культовые учреждения сооружения иного назначения (как бывшая школа в алтайском селе Кзылту) [18].

Показательно, что восстановленных и новых мечетей и молитвенных домов много, но о реальной ситуации свидетельствует, что (особенно в сельской местности) они действовали лишь по пятницам и в дни праздников.

В июле 2016 г. во время фестиваля «Искер-джиен» в Тюменской области открыта Аллея шейхов на территории историко-культурного комплекса «Кучумово городище» (Искер). Четыре обелиска с полумесяцами на вершине посвящены личностям, известным из родословий - сачара и народным преданиям: шейхам Айкани, Бирий, Назар и Шербати, игравшим ключевую роль в духовной жизни Сибири.

Мусульманское влияние прослеживается в нововыстроенных жилых домах мигрантов, предусматривающих ориентацию во двор, деление на мужскую и изолированную (женскую) половины, как и появление михрабной ниши и открытой веранды.

Список использованных источников и литературы

1. Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лында. М., 2000.

2. Афанасьева-Козлова Е.М. Особенности архитектуры деревянных мечетей юга Тюменской области (конец XIX – нач. XX вв.) // Сулеймановские чтения: материалы X Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2007.
3. Балюк Н.А. Формирование селитебной системы Приобья по материалам Самарова городка // Угры: материалы VI сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.
4. Гринин Л.Е. Периодизация исторического процесса: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 1996.
5. Гуменюк А.П., Ляликов Н.В. Градостроительное развитие города Тары в XVI–XIX вв. // Природные и интеллектуальные ресурсы Омского региона: материалы II межвуз. науч. конф. Омск, 2012.
6. Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: истор. и археолог. исследования. М., 2006.
7. Лебедева Н.И. О строительстве мечетей в Западной Сибири (1760–1820-е годы) // Ислам, общество и культура / Материалы Междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири)». Омск, 1994.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937.
9. Монич Г.И., Манонина Т.Н. Архитектура мечетей Томской губернии конца XIX – начала XX века // Вестник ТГАСУ. 2015. № 5.
10. Мечети и мусульманские организации Тюменской области. Информационный справочник. Тюмень, 2011.
11. Резун Д.Я. Урбанизация и история Сибири конца XVI–XVIII вв. // Известия СО АН СССР. Серия: история, филология, философия. Вып. 3. Новосибирск, 1983.
12. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск, 2008.
13. Томилов Н.А. Татары сибирские // Народы России. М., 1994.
14. Фальк И.П. Записки путешествия академика И.П. Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемой Академией наук. Т. 6. СПб., 1824.
15. Шевелёв А.С. Город: к реконструкции спорного историографического концепта // Пространство и урбанизм: образы, структуры и символы: тезисы докладов междисциплинарной научной конференции. М., 2018.
16. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999.
17. Ярков А.П., Бортникова Ю.А. Город-городок-юрт: к вопросу о происхождении оседлых поселений в средневековом пространстве Западной Сибири // Историческая урбанистика: прошлое настоящее города / Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием. Курган, 2015.
18. Волоснов Р.Ю. Культовое зодчество Кулундинской степи в конце XIX – начале XX в. // <http://izvestia.asu.ru/2010/2-1/arts/TheNewsOfASU-2010-2-1-arts-01.pdf>.

Сведения об авторе: Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет, e-mail: ayarkov@rabler.ru

К.А. Голодяев

Новосибирск (Россия)

Заключительный этап русско-телеутской войны в начале XVIII в. и депортация теленгутов за реку Или

Аннотация. Статья посвящена итогам столетней русско-телеутской войны. В 1609 году между Русским царством и Теленгутским улусом был заключен Договор о военно-политическом союзе, который в последствии неоднократно нарушался. Автор рассматривает динамику сложных отношений между русскими и теленгутами на заключительном этапе войны, в конце XVII – начале XVIII веков, закончившихся частичной депортацией теленгутов джунгарами за реку Или (по пути сибирских кыргызов), и следующей депортацией оставшихся родов – уже русскими на Нижнюю Волгу.

Ключевые слова: Алтай, русско-телеутская война, Теленгутский улус, кыргызы, джунгары, депортация.

K.A. Golodyaev

Novosibirsk (Russia)

The final stage of The russian-teleut war at the beginning of the 18th century and deportation telenguts across the river Ili

Annotation. The article is devoted to the results centenary of the Russian-Teleut war. In 1609 between the Russian Kingdom and Telenguts Ulus was signed an Agreement on military-political Alliance, which subsequently has been repeatedly violated. The author considers the dynamics of complex relations between Russians and Teleuts at the end of the war, at the end of the XVII - early XVIII centuries, ending in partial deportation Telenguts Dzungars across the river Ili (on the way of the Siberian Kyrgyz) and the next deportation remaining clans – already Russians to the lower Volga.

Key words: Altai, the Russian-Teleut war, Telenguts Ulus, Kyrgyz, Dzungars, deportation

В XVI – начале XVII вв. всю Верхнюю Обь контролировало феодальное государство Теленгутский улус. Русские называли их «белыми калмыками» или телеутами. После вхождения Русского царства на территорию Западной Сибири военный конфликт этих двух государств, то разрастаясь, то затихая, длился более столетия. Но к концу XVII в. телеутов удалось значительно вытеснить на юг, в предгорья Алтая.

И хотя какие-то торговые связи народов время от времени возобновляются, в меновом торге постоянно возникает множество конфликтов из-за прямых обманов телеутов русскими и чатскими купцами, а те за обиду, «за свой живот» грабят кого попадетсЯ, даже послов. Так, за обман, учиненный Иваном Шумиловым, Матай Табунов грабит посольство Матвея Ржицкого, возвращавшееся с Карагая от Ирки Уделова. Послование Калины Гречанинова (Мануйлова) и Алексея Кругликова, прибывшее к Табуну «с выговором за неправды» также ограблено, причем с угрозой войны против Томска. Позже выяснилось, что «ссору» в телеутской земле учиняли также торговые бухарцы, что «без отпуску» приезжали сюда из

Тары торговать «заповедным товаром» – порохом и свинцом, а также рассказывали о намерении русских «воевать» Табуна.

Чтобы уладить вспышку антирусских настроений, для восстановления союзнических отношений, томский воевода Василий Ржевский направляет в Ургу посольство, возглавляемое Н. Прокофьевым. На фоне угрозы русских «воевать», посольство было успешно для русских как никогда. 6 января 1696 г. Хан Табун принимает на себя обязательства военных действий в отношении русских не производить и ясашных людей не разорять. А через месяц шерть подтвердил и старший сын хана Шал Табунов, вернувшийся с Карагая. В этой шерти есть забавный момент. Русские воеводы отлично понимали воздействие на лояльность второй стороны «жалованья» «горячим вином». Так вот, при последней шерти хана Табуна «государева жалованья» не хватило припоздавшему ханскому сыну Шалу, бывшему большим любителем «горячего вина». И послам пришлось сильно извиняться и обещать ему «жалования впредь». Соблазн победил, и Шал дал шерть «насухую». Стороны также договорились об обмене «грабежного живота» и продолжении честного торга. Шерть дает и сын Майчыка Бейкон, только что вставший во главе улуса после смерти старшего брата Шаада. С карагайским князем Ирккой Уделовым, выделившимся из Мачикова Улуса, русские к тому времени тоже смогли нормализовать отношения.

Кочевья телеутов всё дальше смещались на юг. В самом конце XVII в. Табун кочует уже в северном Алтае по рекам Бороноул, Касмель и другим. После смерти Табуна в 1697 г. Шал становится последним ханом Теленгетского государства. В 1699 г. к телеутам обращается кыргызский князец Корчин Ереняков с предложением совместного похода против Томска, но получает отказ. Узнав об этом, томский воевода Григорий Петрово-Соловово посылает сына боярского И. Ядловского со товарищи с «выговором» о сношениях и с наказом обложить телеутских князей ясаком. Посол получает от Базана Табунова и Бейкона Мачикова жесткий отказ: «мы де в том великому государю шерти своей не давали, чтобы нам ясак давать» [1, с. 14].

В течение следующих лет русские полонят отдельные «кибитки» телеутов, то тут, то там происходят военные стычки между сторонами. Последнее русское посольство к теленгетам было направлено в 1705 г. О его целях ничего неизвестно, но, возможно, именно с ним связано последующее заключение ханом Шалом Табуновым договора о военно-политическом союзе с Джунгарией.

На юге вошел в свой расцвет Джунгарский Улус. В междоусобной борьбе за ханский престол окончательно побеждает Цэван Рабдан. В 1703 г. хан Цэван Рабдан полностью покоряет кыргызов, которых переселяет с Енисея в глубь Джунгарского Улуса на территорию современного Кыргызстана. После заключения телеутско-джунгарского договора хан Шал предоставляет в распоряжение хана Цэван Рабдана часть теленгетских войск. Хан Цэван Рабдан первоначально использует их для охраны своей ставки, находящейся в Илийской долине. В 1707 г. во время нападения на Ургу «из 700 человек енисейских кыргызов и телеутов, “взятых в Ургу для осторожности от бурутов”, огромное большинство было перебито, в частности, от телеутов осталось 30 человек во главе с Матаем Табуновым» [2, с. 135, 136].

После 1710 г. Теленгетский Улус превращается в вассала Джунгарии в Южной Сибири. Теленгетские башчилары с их военными дружинами участвуют в сборах албана и в военных экспедициях джунгар.

Последнее дипломатическое сообщение между представителями Теленгетского Улуса и Российского царства происходило в 1715–1716 гг. В 1714 г. кузнечане срывают сбор албана с двоedanцев в пользу хана Цеван Рабдана. При его сборе в таежных областях Кузнецкого уезда отрядом боярского сына Серебренникова пленины брат и сын теленгетского хана Байгорок Табунов и Чап Шалов. «Известия об обидах» пишут, что в 1715 г. «горских теленгутов, а именно тодошев, кипцаков, телиошев... троекратным нападением воевав, силою в данники привели...» [3, с. 78]. Весной 1715 г. на территорию Теленгетского Улуса вступают войска ойраского тайджи Черен-Дондука, двоюродного брата Цеван Рабдана, численностью в 3 000 воинов. За счёт пополнения его теленгетами, саянцами, точинцами войско быстро пополняется до 7 000 человек. В Кузнецк приезжает теленгет Бату Некеров. Он передает воеводе Борису Акимовичу Синявину письменное послание от тайджи Черен-Дондука, военачальника Манзу Бойдонова и хана Шала Табунова с требованием выдачи Байгорока, Чапа и других пленных теленгетов и угрозой военного похода на Кузнецк. «Мир хочешь – людей моих отдай, воеватца хочешь – скажи» [1, с. 181]. На ответ давалось 15 дней. Но изменение ситуации на западе заставило Черен-Дондука повернуть войско на Иртыш и осадить новую русскую крепость у Ямышевского озера.

В сентябре 1715 г. теленгетский хан Шал Табунов написал Синявину: «Белой царь и контайши двое мирно живут. Ты да я завоевались для чего? Смирно станем жить – волосы забелеют. За железо примемся – кости забелеют» [4]. В 1716 г. пленный калмык Алмачи Сайтаев показал о сборе на Алтае большого отряда теленгетов и джунгар, готовившихся к походу на Кузнецк. Кочевниками даже были разорены нескольких деревень по Чумышу.

Летом в Кузнецк для службы была прислана половина томского гарнизона во главе с Алексеем Кругликовым. По приказу Бориса Синявина первый бердский приказчик Иван Буткеев выступил на юг, «разорял телеутские юрты, при этом трое было убито и двое ранено» [5, с. 325]. Тем же летом 1716 г. Шал посылает в Кузнецк своего посла – теленгета Номоя, сын которого тоже был среди пленников. Хан прислал выкуп за пленников. Воевода Синявин выкуп принял, но самих их Номою так и не отдал. Больше того, посла Номоя за его «неучтивость» полковник Синявин приказал сковать, поместил в тюрьму, а затем выслал в Тобольск, присвоив себе десять лошадей посла. Таким вот образом закончилось для теленгетов последнее мирное предложение русским.

В 1717 г. феодальное государство Теленгетский Улус прекратило своё существование. Оно на добровольной основе вошло в состав Джунгарского ханства. Основное население Теленгетского ханства, как перед тем и Кыргызского, еще с 1713 г. «на четырех тысячах телег» стало переселяться джунгарским ханом в глубь своей страны за реку Или. Сначала контайша Цэван Рабдан объяснял российскому послу сотнику Ивану Чередову, что русские власти «теленгутам чинили многие обиды... и теленгутам стало жить невозможно, и он не хотя ссоры и теленгутов взял к себе», но через несколько лет прямо говорил другому послу Ивану Унковскому, что увел к себе енисейских кыргызов и телеутов, «чтоб от него не ушли к русским» [3, с. 179].

Часть телеутов (потомки башчи Ентугая) сумела избавиться от насильственного переселения в джунгарские районы. Одни остались в предгорья Алтая, другие самовольно ушли в правобережье Оби и южную часть левобережья. Там они дождались русских. В 1756 г. Джунгарское ханство было разгромлено Цинской империей. Победители устроили настоящую резню. «Монголо-китайцы истребляли все, что им встречалось живого, – убивали мужчин, насиловали и замучивали женщин, а детям разбивали головы о камень или стену,

сжигали жилища, резали скот; они перебили до 1 000 000 калмыков...» [6, с. 179]. Спасаясь от геноцида, и не желая стать китайскими подданными, теленгеты еще в августе 1755 просили, «чтобы их в Российскую империю принять» [7]. Тогда просьба осталось неудовлетворенной.

И только 21 июня 1756 г. в Бийской крепости старшие зайсаны теленгетов Буктуш Кумеков и другие добровольно вступили в подданство уже Российской империи ...и в следующем году почти все депортированы на Волгу, где растворились в калмыцкой среде и среди других народов Поволжья.

Такова история ещё одного коренного населения Западной Сибири.

Список использованных источников и литературы

1. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука. 1980. 296 с.
2. Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул, 1995. Ч. 2. 221 с.
3. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск. 1991. 256 с.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3. Л. 48об. Цит. по [1, с. 183].
5. Памятники Сибирской истории XVIII века. Книга вторая. СПб., 1885. 590 с.
6. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Москва-Ленинград, 1953. 444 с.
7. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 113. Оп. 113/1. Д. 4 Л. 48.
8. Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. 144 с.
9. Тенгереков И. С. Теленгеты. Горно-Алтайск, 2001. 80 с.

Сведения об авторе: Голодяев Константин Артёмович, научный сотрудник МАУК «Музей Новосибирска» (Россия), e-mail: golod62@mail.ru

УДК 93 (94)

И.В. Торопицын

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань (Россия),
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Россия)

Взаимоотношения Персии и Хивы в середине XVIII в.

Аннотация. Статья посвящена политическим отношениям Персии и Хивинского ханства в 30-40-е гг. XVIII в. В центре внимания оказывается внешняя политика хивинского хана Ильбарса и персидского шаха Надир-шаха, рассматриваются причины, подтолкнувшие оба государства к военному противостоянию, ход военного конфликта и его итоги. Обращается внимание на попытки третьих сил вмешаться в борьбу за хивинский престол. Анализируется внутривосточная ситуация в Хивинском ханстве после его покорения Персией до периода гибели Надир-шаха в 1747 г. Характеризуются меры, предпринимаемые персидскими властями для удержания власти в Хивинском ханстве.

Ключевые слова: Персия, Хивинское ханство, Надир-шах, Ильбарс-хан, война, XVIII в.

I.V. Toropitsyn

V.N. Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan (Russian Federation),
Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan (Russian Federation), E-mail: itoropitsyn@mail.ru

The relationship between Persia and Khiva in the middle of the XVIII century

Abstract: The article is devoted to the political relations of Persia and the Khanate of Khiva in the 30–40s of the XVIII century. The focus is on the foreign policy of Khan Ilbars of Khiva and Shah Nadir of Persia, the reasons that pushed both states to military confrontation, the course of the military conflict and its results are considered. Attention is drawn to the attempts of third forces to interfere in the struggle for the Khiva throne. The article analyzes the internal political situation in the Khanate of Khiva after its conquest by Persia until the death of Nadir Shah in 1747. The measures taken by the Persian authorities to retain power in the Khanate of Khiva are characterized.

Keywords: Persia, Khanate of Khiva, Nadir Shah, Ilbars Khan, war, XVIII century.

В первой половине XVIII в. Персия и Хивинское ханство переживали не простые времена. На фоне охватившего оба государства политического кризиса, вызванного внутренними смутами и вмешательством внешних сил, их хозяйство постепенно стало приходить в упадок. Во второй четверти XVIII в. в обоих государствах сменились правители, которые стали видеть пути выхода из кризисного положения во внешнеполитических успехах. Учитывая, что Персия и Хивинское ханство являлись географическими соседями, схожий вектор политического развития неминуемо должен был привести их к противостоянию.

Первое столкновение Хивы и Персии произошло в 1730-е гг. Персидское войско во главе с Риза Кули-ханом и Тахмасп Кули-ханом, подчинив себе разрозненные узбекские феодальные владения Мавераннахара на левобережье Аму-Дарьи, перешло реку и осадило город Карши. На помощь местному населению пришел бухарский эмир Абульфейз, но в сражении с персами его войско потерпело поражение. Однако известие о выступлении на помощь осажденному городу хивинского войска вынудило Риза Кули-хана в спешном порядке заключить мир с эмиром Бухары и отступить в Хорасан [1, с. 218].

Как показывают дальнейшие события, хивинский хан Ильбарс вынашивал свои планы в отношении северного Хорасана. Воспользовавшись отсутствием в Персии Надир-шаха, который был занят завоеванием Индии, Ильбарс-хан в 1738 г. вторгся в Северный Хорасан. Ему удалось собрать порядка 100 тысяч воинов, но этой армии не хватало сплоченности, так как она состояла из узбеков, каракалпаков, туркмен и других народов.

Приблизившись к Теджену, Ильбарс-хан разделил армию на три части, направив одну на Сабзевар и Нишапур, другую на Серахс и Зур-Абад, а третью на Мешхед. Персы, узнав о вторжении стали подтягивать дополнительные силы в Хорасан. Тем временем, в хивинском войске стали возникать противоречия между отдельными группами воинов. Около 40 тысяч аральцев и каракалпаков самовольно покинули хивинскую армию и направились в сторону Хорезма. Вслед за ними ряды армии Ильбарс-хана покинули узбеки, направившиеся в Хиву.

Помимо внутрисполитических проблем хивинский хан столкнулся и с военными неудачами. 3-тысячный отряд, посланный им против жителей Несы, Дуруна и Абиверда, был разбит местными жителями под Кахланом. Его остатки бежали в Хорезм. Узнав о поражении

отряда и видя уход значительной части своего войска, хан Ильбарс возвратился в Хиву [5, с. 156–157].

Ответный ход персидского шаха не заставил себя долго ждать. После победоносного окончания похода в Индию Надир-шах приступил к завоеванию Средней Азии. В 1740 г. его армия вторглась в Бухарское ханство и разбила войска местного правителя. Надир-шах сохранил за эмиром Абулфайзом корону правителя Бухарского ханства, но, как отмечают М.Р. Арунова и К.З. Ашрафян, реальной властью тот наделен не был. Фактическим правителем Бухарского ханства стал ставленник Надир-шаха бухарский аталык Мухаммед Хаким-бий [1, с. 219].

После этого настал черед Хивы. Для отражения нападения хан Ильбарс собрал 120-тысячную армию. Ее передовой отряд, насчитывавший 30 тысяч человек, под командованием инаков Мухаммеда Али и Артука получил задание выдвинуться к Чарджую и препятствовать продвижению персидского войска к Хорезму. В сражении с персами он был разбит. Хивинский хан в панике намеревался бежать в Аральское владение, но его отговорили предводители туркмен-йомудов, заявившие о готовности сражаться на стороне Хивы с персами. Последовавшая битва у крепости Питняк, в которой сошлись персы и туркмены, носила ожесточенный характер. Победа в ней вновь досталась персидскому войску [5, с. 160].

Тем временем Ильбарс-хан собирал силы для дальнейшего сопротивления. На этот раз хивинский хан выбрал оборонительную тактику. Крепость Хазарасп, где он концентрировал войска, имела валы и была хорошо укреплена прочными стенами. К тому же ее окружали воды Аму-Дарьи. Надир-шах, оценив потенциал крепости, отказался от ее штурма и двинулся с войском в направлении Хивы. Ильбарс-хан вынужден был покинуть ее и поспешить к своей столице [5, с. 143].

Решающее сражение между Хивой и Персией состоялось осенью 1740 г. в окрестностях крепости Ханака, расположенной между Хивой и Хазараспом. Российский агент Кенджа Янаев, посланный из Астрахани в Хивинское ханство губернатором князем М.М. Голицыным «для проводывания о персидских движениях», стал невольным свидетелем произошедших событий. По его сведениям, Ильбарс-хан собрал в свое войско отряды из пяти городов: Хивы, Ургенча, Ханака, Азариса и Шабота численностью около 30 тысяч человек. Ей противостояла 50-тысячная персидская армия [2, л. 13–13об.].

Перед сражением Надир-шах искусно ослабил силы Ильбарс-хана пригрозив туркменам тотальным разорением их кочевий. Многие из них бежали с поля боя. Примеру туркмен последовали некоторые отряды узбеков. Оставшиеся силы Хивинского ханства были разбиты персами. Ильбарс-хан с остатками войска отступил в крепость Ханака. Победителям досталась богатая добыча из лагеря хивинцев. В течение последующих трех дней персидская артиллерия подвергала крепость, в которой укрылся хивинский хан, бомбардировке. Под стены стали делать подкопы. На четвертый день Ильбарс-хан, «видя себя во утеснении», вынужден был покориться персидскому шаху. Вместе со знатными людьми 14 ноября 1740 г. его привели в лагерь к Надир-шаху, а на другой день публично казнили.

В события, развернувшиеся вокруг Хивы в 1740 г., оказался также замешен российский подданный хан Младшего казахского жуза Абулхаир. В тот день, когда в Хиве было получено известие о гибели хана Ильбарса, он прибыл в город во главе небольшого отряда и

попытался разыграть российскую карту в последующих переговорах с персидским шахом, но не достиг в этом успеха и был вынужден бежать из города [6].

Спустя три дня к Хиве подошло персидское войско. Шах дважды направлял к городу посланцев, но местные жители их не приняли. В ожидании осады они, по словам Мухаммед Казима, «выказали проворство» (то есть приняли меры) и затопили водой всю местность вокруг крепости. Персидской армии пришлось рыть каналы, чтобы отводить воду. Лишь после этого Надир-шах смог приступить к бомбардировке Хивы и последующему штурму. Не дожидаясь его окончания, жители Хивы решили сдаться [5, с. 146].

Присланным из Хивы парламентарам Надир-шах заявил, что если бы защитники города не покорились, а Хива была бы взята приступом, то он намерен был «всех их хивинцев до сущаго младенца порубить». На другой день к Надир-шаху явились из Хивы пятьдесят старшин, которым персидский шах объявил, что назначает хивинским правителем Тахир-хана, из правящей в Бухарском ханстве династии. Вместе с новым ханом в Хиве размещался персидский отряд в тысячу человек.

Покорив Хиву, Надир-шах провел ряд административно-военных мероприятий. Он приказал провести перепись местного населения и велел взять с каждого двора по лошади, а также по одному человеку к нему в службу. Мухаммед Казим сообщает, что из пяти хивинских городов в войско Надир-шаха было отобрано 4 тысячи узбеков. При этом из хивинского плена были освобождены все персы, а также русские пленники [5, с. 146].

Уход персидской армии из Хивинского ханства вновь обострил внутривосточную ситуацию в Хиве. Против Тахир-хана зрел заговор. Заговорщики вновь призвали на помощь казахов. Нурали, сын хана Младшего казахского жуза Абулхаира, осадил Хиву, обороняемую шахским войском. В городе поднялось восстание. Жители перебили гарнизон, убили ставленника Надира Тахир-хана и овладели городом. Власть в Хиве перешла к Нурали, но это вызвало недовольство узбекской знати. Начавшиеся раздоры ослабили силы восставших, против которых Надир-шах направил многочисленные войска с артиллерией под командованием Насрулла-хана. На сторону персов перешли хивинский инак и некоторые другие представители знати, отправившиеся в Мерв. Несмотря на заверения инака в верности, Надир-шах вынужден был пойти восставшим на уступки и поручил управление Хивинским ханством сыну казнённого Ильбарс-хана Абулгази II. При этом главную роль в Хивинском ханстве стал играть высший сановник – инак Артук, который, вернувшись в Хиву, сместил Нурали-хана [1, с. 222; 4, с. 100].

Тем временем туркмены-йомуды, бежавшие на Мангышлак в период нашествия персидских войск, узнав о том, что правителем Хивы стал сын Ильбарс-хана, вернулись в Хивинское ханство. Пользуясь, по выражению Мухаммед Казима, «безначалием» в ханстве они стали притеснять хивинцев. Артук-инак, заручившись поддержкой аральцев, восстановил порядок в стране. Туркмены-йомуды затаили на него злобу и стали плести против него заговор вместе с хивинским ханом Абулгази II, который осуществили в 1745 г., убив Артук-инака. После этого в Хивинском ханстве с новой силой разгорелась борьба за власть между предводителями местных племен. Хивинские города стали подвергаться набегам туркмен-йомудов [5, с. 169–170].

Для наведения порядка в Хивинское ханство были направлены персидские войска во главе с племянником шаха Али Кули-ханом. Туркмены-йомуды уговорили хана Абулгази II не предпринимать активных действий и наблюдать за их борьбой с персами. Заняли выжидательную позицию и некоторые другие местные племена, в частности, сылары.

Персидское войско, отразив нападения туркмен-йомудов, приблизилось к Хиве. Хан Абулгази II вместе с жителями столицы и окрестных селений «сел в осаду». Персияне подвергли разорению окрестности города, а потом пошли на штурм Хивы. По свидетельству очевидцев, хивинский хан, «собрав, сколько набралось военных людей», сделал вылазку против персидского войска, но проиграл сражение. Многие жители Хивы, спасаясь от персов, бросились бежать из страны [3, л. 27–27об.].

В 1746 г. хивинский хан Абулгази II погибает от рук Хураз-бека-аталыка, брата убитого в результате заговора инака Артака. Согласно источникам, происходит это с согласия Надир-шаха, который специально поставил аталыка Хураз-бека во главе войска, отправленного против хивинского хана. На этот раз Абулгази II не смог избежать печальной участи, так как был схвачен хивинскими сановниками и содержался до прихода персидских войск под арестом в местном медресе. После его убийства Хураз-бек-аталык провозглашает хивинским ханом Гаиб-султана, сына младшего брата хана Младшего казахского жуза Абулхаира. Хураз-бек-аталык остается в Хиве в качестве представителя персидской власти и спустя два дня казнит еще 18 человек, причастных к смерти его брата. Через пять лет Хураз-бека-аталыка и его сподвижников постигнет та же участь – они погибнут по приказу Гаиб-хана, который станет самостоятельно править в Хивинском ханстве [5, с. 181; 4, с. 100].

Таким образом, можно видеть, что хивинско-персидское противостояние в середине XVIII в. носило достаточно упорный характер. Хивинский хан Ильбарс пытался установить контроль над территориями в северной Персии, активно вовлекал в свои планы туркменские племена и другие соседние народы, создавая с ними военно-политические коалиции. Персидский шах Надир Афшар, успешно отражая набеги северных соседей на свои земли, в 1740 г. перешел в решительное наступление на народы Центральной Азии, в ходе которого в упорной борьбе разгромил силы Хивинского ханства.

В целях налаживания контроля в завоеванном ханстве персидский шах привлекал к его управлению выходцев из соседних стран и народов, а также делал ставку на лояльных представителей местной знати, которые при этом преследовали свои интересы. Несмотря на победы, одерживаемые персидской армией, и установление политического контроля над Хивинским ханством, у Надир-шаха не получалось полностью подчинить своей власти местное население, которое регулярно поднимало восстания. После смерти в 1747 г. Надир-шаха Хивинское ханство постепенно выходит из-под контроля Персии.

Список использованных источников и литературы

1. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30–40-х годов XVIII века. М.: Издательство восточной литературы, 1958.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394. Оп. 4. Д. 1066.
3. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1083.
4. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии. М.: Издательство восточной литературы, 1958.
5. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.-Л.: АН СССР, 1938.
6. Торопицын И.В. Хивинский прецедент. Среднеазиатская политика хана Младшего казахского жуза Абулхаира в 1730–1740 гг. и реакция на нее российских властей // Дулатовские чтения: историческая наука и преподавание истории в современном Казахстане,

России и государствах Центральной Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения видного казахского историка, организатора науки, профессора Дины Исабаевны Дулатовой, 2011. С. 66–74.

Сведения об авторе: Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева; старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, e-mail: itoropitsyn@mail.ru

УДК 391

Д.А. Аткунова

«Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»,
Горно-Алтайск (Россия)

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург (Россия)

**Украшения традиционного костюма коренных малочисленных народов таёжной зоны
Республики Алтай**

*Благодарности: Статья выполнена за счет гранта Российского научного фонда, проект
№ 22-18-00018 «Этнософия Алтая: идеология и мифология национального сознания»
(СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)*

Аннотация. Представленное исследование связано с украшениями современного традиционного костюма коренных малочисленных народов таёжной зоны Республики Алтай. В центре внимания автора оказывается женский традиционный костюм и дополнения к нему (пояс, накосные украшения). Раскрывается значение орнаментов. Описаны цветовые предпочтения традиционного костюма, которые соотносятся с особенностями этнической картины мира и жизненным укладом. Впервые традиционный женский костюм рассмотрен через призму этнософского учения, что позволяет утверждать о сбережении культурного наследия народа.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, кумандинцы, тубалары, челканцы, традиционная одежда, украшение, накосные украшения, орнамент.

D.A. Atkunova

"Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov",
Gorno-Altai (Russia)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia)

**Decorations of the traditional costume of indigenous peoples
of the taiga zone of the Altai Republic**

Abstract. The presented research is related to the decorations of the modern traditional costume of the indigenous peoples of the taiga zone of the Altai Republic. The author focuses on women's traditional costume and additions to it (belt, beveled jewelry). The meaning of ornaments

is revealed. The color preferences of the traditional costume are described, which correlate with the peculiarities of the ethnic picture of the world and the way of life. For the first time, the traditional women's costume is considered through the prism of ethnosophical teaching, which allows us to assert the preservation of the cultural heritage of the people.

Keywords: indigenous minorities, Kumandins, Tubalars, Chelkans, traditional clothing, decoration, beveled ornaments, ornament.

В век глобализации культурного пространства особенно значимым становится изучение и сохранение аутентичных культур народов Сибири. Коренные малочисленные народы таёжной зоны Республики Алтай – тубалары, кумандинцы и челканцы, по сей день сохранили традиционный женский костюм и различные детали к нему. Украшения не только дополняют костюм, тем самым участвуя в формировании эстетического облика культуры, но и несут в себе широкий спектр символический значений.

Современное цивилизованное, т. е. урбанизированное сознание, вытесняет «сакральное» из жизни человека, делает мир человека однородным прежде всего с точки зрения его прагматико-экстенсивного освоения. Для такого мировоззрения нет ничего невозможного, «все дозволено» и достижимо. Все различия сводятся лишь к количественным характеристикам, чаще всего в их денежном исчислении. Мифологическое сознание этнософии, напротив, встраивает человека в онтологическую иерархию миров, возвращает качественные различия в жизнь людей, связывает человека с другими измерениями (предки, род, историческая жизнь народа, космические циклы), ценностно структурирует пространство. Все это существенно трансформирует «ценность» настоящего, обретающего смысл не в самом себе, а, так сказать, в перспективе, многообразии связей с прошлым и будущим, посюсторонним и потусторонним, данным и иным. Смысл и статус настоящего в этнософской утопии, таким образом, существенно меняется. Настоящее обретает смысловую перспективу (а вместе с ним и живущий в данный момент человек), когда в нем «просвечивает» прошлое и сквозь него «проглядывает» будущее, когда оно дает ощущение мимолетности, преходящести как части более значимого целого, имеющего отношение к вечности. [1, с. 133–134].

Способы реконструкции традиционных ценностей рассматривает новая, формирующаяся дисциплина этнософия. Этнософия – специфическое направление этнографии и других гуманитарных наук, возникшее с целью преодолеть концептуальный кризис, связанный с постмодернистской фазой, характерной для обществ в рамках Цивилизации, потерей целостных картин мира, распчкования и разбегания позитивистских наук об обществе, мелкотемьем и эмпиризмом на ранее опробированных и эвристически исчерпавших себя методологических основаниях. Методологическим ориентиром «этнософии» выступает стремление к синтезу философии как науки о методе и об общих основаниях Мира с этнографией как наукой о культуре и обществе [2, с. 116].

Исследователь А.В. Малинов утверждает, что «алтайская философия» или этнософия многообразна по затрагиваемым в ней темам: космогония и строение мира, проблема времени и пространства, космизм, соотношение природы и культуры, антропология и археософия, религиозное реформаторство, символизм и мифология, Алтай и его место в космической эволюции и др. [1, с. 127].

Термин «украшения», выведенный в заглавие статьи и употребляемый для обозначения комплекса предметов и элементов, дополняющих костюм человека, не вполне точно

отражает содержание, которое он несет в себе в традиционных культурах (в термин «украшения», вкладывает весь спектр символических значений). Эстетическая функция вещей и общие представления о красоте всегда формировались на основе глубинных мировоззренческих идей, пронизывающих все элементы культуры и наполняющих каждый из них рожденным этими идеями смыслом. По мере угасания мифопоэтического восприятия мира, выстраивающего необычайно сложную систему взаимоотношений человека и Вселенной, постепенно отмирала и множественность функции украшений (как, впрочем, и других предметов), воплощающих в себе широкий спектр связей между человеком, обществом и окружающим миром, при этом сохранялись функции эстетическая и экономическая [3, с. 3].

Женские платья коренных малочисленных народов таёжной зоны Республики Алтай часто украшаются нагрудниками, вышивками кюрле и поясами (рис. 1).

Рис. 1. Женский традиционный костюм. Ульяна Алексеевна Бабрашева (Тобокова) из сеока (рода) комдош. Источник: Туба (черневые татары). Этническая история. Традиционная хозяйственная деятельность. Культура. Этноэкология. Сборник научных статей (очерков) и материалов, извлечений из трудов исследователей территории и населения Алтая XIX–XX вв. Барнаул, ОАО «ИПП «Алтай», 2009

В цветовом плане в современной женской одежде предпочтение отдают зеленым, синим, голубым, желтым и красным цветам. Каждый цвет имеет свое значение, например, синий символизирует небо, красный – огонь, зеленый – цвет природы и т.д. Полевые этнографические материалы показали наличие практически на всех видах современной стилизованной одежды (платье, халат, жилет и пр.) – орнамента, вышивки. Украшаются на одежде – подол, нижняя половина рукава, обшлага рукава, воротник (горловина). Вышивки бывает разнообразной, состоит из ткани, бисера чимирле, камней сайма, пайеток, бусин и т.п. Разнообразные и виды орнамента – растительный, геометрический, графический. Мотивы орнамента брались из окружающей среды: крючок, лягушка, лебедь, змеинная чешуя и т.д. [4, с. 223; 5, с. 295]. Раньше по узорам на костюме можно было понять, из какого рода

человек и что он из себя представляет. Украшения, вышивка – это язык костюма. Основной узор – ветви кедра, священного дерева. Пара лебедей тоже символ важный – ведь наш народ еще называют «лебединцами» или черневыми татарами (про челканцев). Цветы у нас на орнаментах – как цветущая тайга. Орнамент – это книга, а не просто украшения на халате [6].

Многие стороны орнамента находят свое объяснение в сложных процессах этногенеза, а также в культурных связях народов. Кроме того, изменяясь значительно медленнее других видов традиционного искусства и отличаясь в силу этого большой стойкостью своих форм и технических приёмов, орнамент удерживает в своем составе различные разновременные мотивы [7, с. 3]. Так фиксацию орнамента в традиционной женской одежде можно увидеть в этнографических рисунках Г.И. Чорос-Гуркина [8, с. 23].

Особенность тубаларского женского костюма – накладной воротник и украшение лентами. Для украшения своей одежды, тубалары чаще отдавали предпочтение тому узору, который символизировал – благополучие. Но в то же время и в качестве украшения могла использоваться и небольшая атласная лента, либо тесьма, которая пришивалась к одежде. Если впереди платья прокладывалась большая полоса (прокладка) определённого цвета, то и подол платья выполнялся из той же ткани. Старались брать плотную красивую ткань – атлас, шелк. На таких тканях уже были узоры – «огурчики», или же круглые орнаментированные. Такие же орнаментированные узоры использовались, на зимних вещах [4, с. 223–224].

Одним из древних пришивных украшений женских платьев является нагрудник. Такие нагрудники шьет Ирина Сафроновна Таштандинова из тубаларского сеока тогус, мастер современного декоративно-прикладного искусства. По ее сведениям, нагрудник был дополнительным элементом одежды, на него нашивались пуговицы, из золота и серебра, монеты, раковины каури, натуральные камни, бусинки. В прошлом, нагрудник являлся драгоценностью и своеобразным наследством девушки, он мог передаваться от матери к дочери, таким образом, и украшения на него могли дополнительно продолжаться нашиваться.

В прошлом праздничный наряд женщины дополнял пояс керетарткыш, который часто обшивался бисером, или мелкими пуговицами. Вертикально поясу прикрепляются нанизанные на нить различной величины и цвета бусы, сложенные определенным орнаментом или узором [9, с. 74].

Назначение пояса как элемента одежды многогранно: как часть одежды, украшение, социальный символ и т.п. В настоящее время пояса стали украшать вшитым орнаментом из материи серебристого, золотистого цветов.

Важное значение во внешнем виде современных женщин тубаларок имеет прическа. Прическа регламентировалась традицией и зависела от половой и социально-возрастной принадлежности [10, с. 262]. Характерный звук накосных украшений, по народному поверью алтайцев, отпугивал болезни и неприятности [11, с. 238].

В рамках традиционных праздников коренных малочисленных народов таёжной зоны Республики Алтай проходят конкурс накосных украшений⁴. В этнософии по-иному осознается время. Настоящее – это не мимолетное «теперь», в своем ускользании обесмысливающее любое существование; настоящее – это момент вечности. Этнософия

⁴ Тюрюк – Байрам – традиционный праздник культурного и духовного возрождения, сохранения и развития народного творчества коренных малочисленных народов коренных малочисленных народов в Республики Алтай. Ылгайак календарный праздник, связанный с началом весны, проводами зимы и старого года, а также со встречей начала нового года.

вносит в сознание и жизнь людей заметный запас времяупорной «материи» смысла [1, с. 133–134].

Таким образом, в настоящее время накосные украшения являются частью сценического костюма и часто служат демонстрацией этнической идентичности хозяйки. Современные накосники состоят из нескольких нитей цветных бусин, раковин каури, которые крепятся на картонную основу, обтянутую тканью, основа бывает разных форм, чаще это прямоугольник или квадрат. Мастером по плетению накосных украшений является заведующая библиотеки с. Кебезень Турочакского района Надежда Олеговна Примаков из тубаларского сеока санмай. Для основы изготовления накосных украшений используются современные материалы – специальная шелковая нить (для облегченных накосных украшений), проволока (для долговечных накосных украшений, с дополнительными ярусами). В качестве украшений используются пуговицы, раковины каури, бисер, бусы, а также используется натуральный мех норки [4, с. 225].

Дополнением женского традиционного костюма являются серьги. Так в прошлом, у челканцев было зафиксировано украшение седек Украшение седек, внешне напоминающее нагрудник – это три ряда бус, разноцветных или однотонных, нанизанных на нить по нарастающей длине, концы этих нитей укреплялись на серьги. Бусы свисали от ушей и ложились на грудь. Это было праздничное украшение [9, с. 74].

С возрождением традиционной культуры коренные малочисленные народы таёжной зоны Республики Алтай стараются использовать те украшения, которые использовали их предки. Выбирают серьги, кольца, браслеты, из золота, серебра, яшмы, агата, сердалика, каури. Покупают украшения в различных магазинах, специализированных на сувенирах Республики Алтай: Энчи, Остров сокровищ, Сувениры Горного Алтая и др. Все украшения традиционного женского костюма имели глубокое сакральное значение. Магические функции, которые применялись в охранительных целях в украшениях в своей большей части забыты. Украшения теперь более ориентированы на декоративноприкладные цели.

Список использованных источников и литературы

1. Малинов, А. В. Этнософская утопия «Алтайской философии» // Вече. 2013. № 25. С. 126–140.
2. Арсеньев, В.Р. Базовые понятия этнософии. Подступы к формированию мировоззренческой альтернативы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. №1(6). С. 100–116.
3. Украшения народов Сибири. СПб: МАЭ РАН 2006, 344 с.
4. Этнографический атлас Республики Алтай / Редколлегия: Н.В. Екеев (отв. ред.), Э.В. Енчинов (науч. ред.), Г.Б. Эшматова, А.П. Чемчиева; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022, 462 с.
5. Кучукова Д.А. Этнографическое изучение орнамента народов Сибири // Археология, этнография, палеоэкология северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Красноярск: [б.и.], 2011. С. 293–295.
6. Челканцы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/chelkanttsy> (дата обращения: 03.04.2023).
7. Эдоков В.И. Алтайский орнамент. Горно-Алтайск: Изд-во «Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва», 1971. 31 с.

8. Этнографические рисунки Г.И. Чорос-Гуркина. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак-Чечек», 2014. 252 с
9. Кандаракова Е.П. Женская легкая одежда у челканцев и дополнения к ней. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во «БГПУ», 1998. С. 74.
10. Кичекова Б.Ю. Отражение традиционного мировоззрения алтайцев в национальной одежде // Народы и религии Евразии. 2008. С. 260–270.
11. Тадина Н.А. Костюм как половозрастной знак в алтайской культуре // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. / Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского этнографического музея. СПб-Кишинев: [б.и.], 2002. С. 237–240.

Сведения об авторе: Аткунова Дарья Аркадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 8-913-690-22-61, Russlana06@mail.ru

УДК 39; 93

И.Р. Прохоров

Государственный архив города Астаны (Астана, Казахстан)

**Особенности проживания и хозяйства Сибирских казаков
в Северо-Восточном Казахстане**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проживания Сибирского казачьего войска на территории Северо-Восточного Казахстана в XVIII-XIX веках. Сибирские казаки, активно заимствуя хозяйственный опыт казаков-кочевников, внедряли и новые способы производства, которые оказались востребованы местным населением. В результате взаимодействия Сибирских казаков и казахов развиваются производительные силы региона. В ряде случаев экономические связи Сибирских казаков с казахами служили их взаимному обогащению.

Ключевые слова: Сибирские казаки; Северо-Восточный Казахстан»; Иртышская линия; Сибирская линия; Бухтарминская рыбалка.

I.R. Prokhorov

State archive of the city of Astana (Astana, Kazakhstan)

Features of living and economy of the Siberian Cossacks in North-Eastern Kazakhstan

Annotation: The article discusses the features of the residence of the Siberian Cossack army on the territory of North-Eastern Kazakhstan in the XVIII-XIX centuries. Siberian Cossacks, actively borrowing the economy from the experience of nomadic kazakhs, captured and occupied new places of production, which turned out to be in demand among the population. As a result of the interaction of the Siberian Cossacks and Kazakhs, the productive forces of the region have been developed. In the aggregate, there were private ties between the Siberian Cossaks and the Kazakhs, which served their mutual enrichment.

Key words: Siberian Cossacks; North-East Kazakhstan"; Irtysh line; Siberian line; Bukhtarma fishing.

В 1755 г. на всех пограничных линиях Западной Сибири – Пресногорьковской, Колывано-Кузнецкой, Иртышской находилось 900 донских, 1217 городовых и 779 крепостных, то есть, находившихся в крепостях, сибирских казаков [1, с. 206]. В 1760 г. донские казаки, башкиры мешеряки, составлявшие пограничную линию в Сибири и пожелавшие там остаться, были зачислены в войско. Казакам Иртышских крепостей было предоставлено право избирать общего атамана. Таким образом, было положено начало формированию особого войска Сибирского [2, с. 201]. 19 сентября 1763 г. все казаки, водворенные по сибирским городам и по линии, получили название «Сибирской линии казаков» [3].

Сибирские казаки были свободны от всех податей, но подлежали рекрутской повинности. Каждое лето они были обязаны шесть недель проводить на военных учениях. Все записанные на службу получали содержание, оружие, амуницию, фронтную лошадь и фураж [4, с.157–158].

По данным Исторического архива Омской области, на Северо-Востоке Казахстана к 1822 г. проживало в общей сложности 25528 военных поселенцев [5, лл. 17–19],

19 августа 1808 г. был издан указ о формировании Сибирского линейного казачьего войска общей численностью 5950 человек. Казаки были обязаны служить с 17-летнего возраста пожизненно. Они получали земельный надел по 6 десятин на душу, жалованье по 6 рублей 16,5 копеек, 3 четверти муки и 7 четвертей овса каждому в год [6, с. 139].

В 1809 г. сибирским линейным казакам, а также казахам были переданы земли в районе правого берега Иртыша. Казаки получили на одну душу мужского пола по 6 десятин земли, удобной для хлебопашества, сенокосов и пастбищ. 500 десятин земли отводилось на каждый эскадрон войска для общественной войсковой пашни. Казахам было разрешено использовать землю в 40-ка верстной полосе на правом берегу под хлебопашество, сенокосы и пастбища. Эти места были помечены межевыми столбами с надписью: «Граница земель, отведенных при... укреплении для зимовья и кочевки верноподданных казахов» [7, лл. 17–22].

Генерал-губернатор Западной Сибири Михаил Сперанский разработал специальную инструкцию для межевой комиссии. В ней говорилось, что она обязана соблюдать справедливость, и места давать удобные, в достаточном количестве, обоюдные выгоды, соблюдать как казаков, так и казахов без всякой обиды и стеснений [8, с. 181].

Во всех частях казачьего войска система земледелия была переложной. Определенный участок земли засеивали до тех пор, пока не истощался. Затем он поступал в залежь; в это время земля отдыхала. Целина засеивалась поочередно яровой пшеницей, потом яровой рожью, после ячменем, овсом. Впоследствии устраивали долгосрочный перерыв [9, с. 176].

Большое значение в хозяйстве казаков занимала Бухтарминская рыбалка. Официальные права на нее казаки получили в 1808 г., хотя занимались ею и раньше. Войсковая Бухтарминская рыбалка проходила по территории от озера Зайсан по течению Иртыша, далее от его истока из Зайсанского озера до устья реки Нарыма на протяжении 260 верст. Затем она включала устье Черного Иртыша, впадающего в Зайсан двумя рукавами, общей протяженностью около двух верст. В Зайсане и в Иртыше добывались в большом количестве осетры и стерляди. Казаки их называли красной рыбой. Они также ловили нельму, тайменя, щуку, налима, окуня, язя, карася. Нужно отметить, все течение нижнего Иртыша в изучаемое

время считались китайской территорией. Однако казаки были полновластными хозяевами по всему течению Иртыша выше Бухтарминской крепости, на озере Зайсан и в Черном Иртыше. На это имелось разрешение китайского правительства. При этом казаки должны были преподносить китайцам небольшие подарки в виде части улова и разного товара стоимостью до 200 рублей [9, с. 114].

Занимаясь рыбалкой, казачье войско систематически меняло организацию рыбного промысла, а также способы извлечения из нее дохода. Рыба составляла главную и любимую пищу иртышских казаков, а также их главный промысел. На Пресногорьковской линии казаки также занимались рыболовством на степных озерах. За вылов рыбы в озерах и речках, принадлежавших местным казахам, казаки платили им арендную плату по 3 рубля с лодки или до 1/3 части улова [9, с.223].

Как только вскрывался лед, начинали ловлю в устье Черного Иртыша исключительно неводами, на Зайсане – неводами и сетями. Рыбы было много, и она практически не могла избежать невода. Самыми главными тонями для нельмы считали устья рек Кальджира, Бельисека и Буурчума. Рыбачили днем и ночью, вылавливали громадное количество нельмы и добывали икру. Вместе с арендаторами устраивали через всю реку затор или часток из жердей, переплетенных прутьями. Здесь рыбу круглосуточно черпали неводами как в садке. На Зайсане наблюдателем рыбалки назначался казачий офицер. Он выдавал билеты на право ловли, продавал соль из усть-каменогорского войскового склада. Казахи также занимались рыбалкой на Бухтарме и Зайсане, как арендаторы у сибирских казаков [9, с. 225].

Ближайший помощник Сибирского генерал-губернатора Михаила Сперанского Гавриил Батеньков в 1819 году побывал в верховьях Иртыша. О Бухтарминской крепости он написал, что казаки в ней занимались больше всего рыбным промыслом, который приносил им солидные доходы. Состояние скотоводства здесь он определил как посредственное [10, с. 18].

«От Бухтарминской крепости вверх к истокам сей реки (Иртыша, – авт.) ходят в сем крае употребляемые суда, называемые сайзанками (правильно – зайсанками, – авт.). И на сих судах ездят здешние жители, особенно казаки для рыбной ловли на озеро Сайзан (Зайсан, – авт.); подобные также сим суда были неоднократно посылаемы Правительством в верхний Иртыш и значительное пространство объездили вверх по оному. Притом в реке сей много крупной рыбы и вода в ней хороша и чиста, правый же берег оной обработан и через сторожевую службу беспрестанное по сухому пути учреждено сообщение», сообщал генерал-адъютант, князь Петр Волконский главному начальнику императорской канцелярии Алексею Аракчееву [11, л. 30].

В заключение отметим, что несмотря на, безусловно, бывшие взаимные обиды и неудовольствия, отмечаемый исследователями колониальный характер деятельности казачества, в ряде случаев экономические связи казаков с казахами служили их взаимному обогащению.

Располагая огромными земельными наделами, казачество не всегда эффективно ими распоряжалось в силу обременения служебными повинностями, но внесло свой вклад в развитие культуры земледелия, проявило себя в других отраслях хозяйства. Поэтому нужно отметить важную историческую роль Сибирского казачества в развитии земледельческой культуры, торговли, промыслов, путей сообщения в Северо-Восточном Казахстане.

Список использованных источников и литературы

1. Казачество России //Военный сборник. СПб., 1898. № 4.
2. Петров В.И. Из истории военных поселений на территории Казахстана // Серия «История, философия, экономика». Алма-Ата, 1962. С. 201–217.
3. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Изд.1. Т. XVII. № 119931.
4. Аккошаров Е. Из сборника «Землеведение Азии» К. Риттера // Из истории казахов. Алматы, 1997.
5. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 88.
6. Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири. 1582–1808 гг. (краткие очерки). Омск, 1996. Ч. 4. 163 с.
7. ИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 429.
8. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половины XIX вв. М., 1976. 371 с.
9. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. 284 с.
10. Галиев В.З. Декабристы и Казахстан. Алма-Ата, 1990. 152 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп.1 Д. 2147.

Сведения об авторе: Прохоров Игорь Русланович, кандидат исторических наук, архивист, Государственный архив города Астаны. Тел: +77012123561, e-mail: prohorov1974@mail.ru

УДК 94 (57)

А.К. Каниметов

Иссык-Кульский государственный университет имени К. Тыныстанова
(Каракол, Кыргызстан)

Место народов алтайского происхождения в мировой истории

Аннотация. В данной статье рассматривается зарождение и эволюция алтайской языковой семьи, выделяются этапы данного процесса.

Ключевые слова: Алтай, семья, народы, история, кыргызы, цивилизация, Тюрк, древность, наука, язык, территория.

A.K. Kanimetov

Issyk-Kul State University named after K. Tynystanov
(Karakol, Kyrgyzstan)

The place of the peoples of Altai origin in world history

Annonation. This article examines the origin and evolution of the Altai language family, highlights the stages of this process.

Key words: Altai, family, peoples, history, Kyrgyz, civilization, Turk, antiquity, science, language, territory.

Алтай – единственная колыбель человеческой цивилизации, Родина славяно-угорских, тюрко-монгольских, маньчжуро-тунгусских, корейских, японских и других народов. Результаты археологических исследований, данные этнографических экспедиций, исследования фольклорных и письменных источников XVII-XIX вв. общее ядро названных народов, археологические памятники бронзового века свидетельствуют об общности хозяйственно-культурного уклада, антропологическом сходстве народов с наследниками алтайской цивилизации. Народы алтайской языковой семьи населяли территории, которые сегодня простираются от Якутии на севере до Турции, Ирана на юге, Венгрии и Карелии на Западе, Японии и Кореи на востоке.

На пространстве от реки Дунай до Тихого океана, известном как Великая степь, по мнению большинства мировых востоковедов, с древнейших времен генетически и географически складывалась Урало-Алтайская языковая общность. Алтайская языковая семья, являющаяся частью урало-алтайской языковой общности, состоит из трех языковых групп: тюркской, тюрко-монгольской, тунгусо-маньчжурской. Древние гунны или хунны внесли большой вклад в формирование народов, принадлежащих к тюркской группе, и они сформировали более позднее тюркоязычное происхождение. По мнению большинства современных лингвистов, тюркские народы делятся на два языка.

Первая: Западно – гуннская община к ним относятся (булгарский, хазарский, аварский, суварский, чувашский, огузский, туркменский, печенежский, кара-УЗ, гагаузский, сельджукский, османский, азербайджанский, турецкий тюркский, караимский, кумыкский, карачаевский, балкарский, крымско-татарский, татарский, башкирский, ногайский, казачий, каракалпакский, урумский, уйгурский, караханидский, карлукский, тюркешский, ягма, тухси, чагатайский, узбекский и др.);

Второй: Восточно – хуннская общность (тувинская, тофаларская, сохская, хакасская, шорская, чулымская, камасинская, древнекиргизская, чигильская, современная киргизская, алтайская и др.).

Таким образом, тюрки занимали большую часть земель, занятых бывшей урало-алтайской языковой общностью, то есть расстояние от Дуная до Байкала и далее до области Саха, начиная с древнегуннского периода. В последующие периоды, ассимилировав народы, принадлежащие к другим языковым семьям, тюркские народы усложнились и теперь занимают большую часть евразийского континента.

Изучение тюркских народов началось в XVIII веке, и хотя в настоящий период достигнут ряд успехов, в будущем ожидается много неизвестных открытий. Безусловно, изучение места и роли тюркских народов в мировой истории имеет большое значение для науки тюркологии. В настоящее время эта научная проблема получила широкое развитие, и с середины XX в. в нее вошли не только проблемы под названием «Алтаистика», но и относящиеся к археологическим, генетическим, биологическим и другим областям науки. Этому направлению в последнее время стали уделять активное внимание и в Кыргызстане. Например, 22–23 июля 2017 года в Бишкеке по инициативе главы страны прошел международный форум «Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи», и это очень крупное событие в мире. Он предоставил более важную информацию в разъяснении истории кыргызского народа. В этом форуме, посвященном истории и судьбам народов алтайского происхождения, приняли участие около 20 представителей 12 стран.

Изучение истории, языка, языка и духовного богатства народов алтайского происхождения и передача их потомкам тюрков, знакомство с мировым сообществом,

подтверждение самобытности тюрков, мысли, цели и будущее тюрков, и укрепление их стремления к единству. Это позволит более точно выяснить место народов алтайского происхождения в мировой истории, поднять их авторитет среди народов мира и ускорить их развитие к цивилизации. По мнению ученых, алтайские языки были источником происхождения тюркских языков.

На основании данных по истории азиатских народов, а также результатов сравнительно-исторического исследования тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков тюркские языки подразделяются на шесть периодов [4, 28 с].

1. Алтайский период.
2. Эпоха гуннов (V в. до н.э.)
3. Древнетюркский период (V–X вв.)
4. Среднетюркский период, или в основном период развития и формирования языков тюркских племен (X–XV вв.)
5. Новотюркский период, или развитие и становление народного языка (XV–XIX вв.)
6. Новейшая эпоха (начиная с XX века).

Согласно китайским письменным источникам, кыргызы среди народов алтайского происхождения относятся к древнейшим народам Средней Азии и основали собственное государство, впоследствии ставшее могущественным государством. Правильно считать кыргызский народ, древних гуннов, основоположниками первоначальной государственности тюркоязычных народов. Народом, способствовавшим процессу развития других соседних народов.

Поскольку Алтай – край, в котором заключена значительная часть истории кыргызов, слова «Алтай», «Ала-Тоо», «Манас», «Эне-Сай» священны для каждого кыргыза. Кыргызы веками населяют обширную территорию от Эне-Сая и Северо-Западной Монголии до Тенир-Тоо, Ферганской долины и Памира, Ала-Тоо и Синьцзяна. Этноним кыргызов сохранился в виде гидронимов и топонимов по всему региону до наших дней. У многих родственных алтайских народов это имя встречается в названиях родов, а в названиях кыргызских племен можно обнаружить происхождение многих народов. Страницы истории подтверждают, что все это было время Великой Кыргызской империи, мощнейшего государства, которое создали наши предки, объединив вокруг себя разные племена и народы.

В исторических источниках этнокультурный «кыргыз» впервые упоминается в 201 году до нашей эры. Известный академик В.В. Бартольд писал в своих трудах, что средневековые орхонские свитки упоминают у тюркских народов только название «кыргызы», относящееся к тому времени в ранних китайских источниках [3, с. 40].

В трудах китайского историка Сыма Цяня, написавшего политические события III–авт. I вв. (работа завершена в 99 г. до н.э.) и Бань Гу, содержатся сведения о «древних кыргызах». В произведении Сыма Цяня под названием «Ши цзи» («Исторические сочинения») в 100 г. до н.э. родился основатель империи Хуннь Модэ Шаньюй. В 201 г. говорится, что он подчинил себе «киргизские» владения среди покоренных им народов. В ней описывается, что правитель хуннов Модэ покорил северные племена хунью, кюеше, динглин, гэгун (киргиз), цайми (синми), и все их вожди признали Модэ шаньюй «мудрым» [6, с. 50]. Кыргызские имена в древнекитайских иероглифах – «гэгун», «гянгун», «цзянгун», «цзянькунь», «цигу» и др. Адаптирован к китайскому языку с транскрипцией. Он говорит, что жившие в Среднем и Верхнем Енисее цзянь-куны (древние киргизы) были скотоводами и

аборигенами этого региона: «они появились в результате сложного исторического процесса, основанного на III веке до нашей эры. Кыргызские племена уже сформировались» [5, с.159].

В.В. Бартольд считал, что кыргызы-один из древнейших народов Средней Азии, и что из всех народов, населяющих Среднюю Азию, в истории не должно быть ни одного народа с таким ранним названием, как кыргызы [2, с.176]. А С. Абрамзон:” большинство современных исследователей пришли к выводу, что предки кыргызских племен по своей природе связаны с древнейшими сакскими и усунскими, динлинскими и гуннскими племенными союзами " [1, с. 295]. Ю.С. Худяков: “Название кыргызов древнее на несколько столетий, чем само слово” тюрки”, по имени которых получила вся языковая семья " [7, с. 28]. Таким образом, начало формирования древних кыргызов как племени соответствует 2-му тысячелетию до нашей эры – авт. периоду, когда на Енисее стало налаживаться скотоводство.

Не только языки народов, входящих в алтайскую языковую семью, но и их этногенетическая и историко-культурная сторона очень близки. Например, все народы, составляющие Алтайскую цивилизацию, входят в культуру кочевничества. У всех было четыре кормовых животных. Конечно, существует культура использования юрты. Лучше всего его сохранил сейчас кыргызский народ. Сама кочевая культура была разделена на две части. К первым относятся кыргызы и алтайцы. К последним относятся казахи, монголы и другие народы. Народы, входящие в алтайскую цивилизацию, имеют схожие языки, культуру, хозяйство, одежду, которую они носят, песни и танцы, эпосы и все, что они едят.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамзон М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М: 1971, 404 с.
2. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк. Ф., 1927.
3. Бартольд В.В. 12 лекций по истории турецких народов Средней Азии. – лек. 2 //Сочинение. Т.V. М., 1968.
4. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960.
5. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II. Бишкек, 1998. 699 с.
6. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших В Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т.1.
7. Худяков Ю.С. Сабля багыра // Военное искусство средневековых кыргызов М., 2003. 183 с.

Сведения об авторе: Каниметов А.К. инициалы полностью. Иссык-Кульский государственный университет имени К. Тыныстанова (Каракол, Кыргызстан).

Научное издание

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД**

Редактирование, подготовка оригинал-макета *С.И. Тесленко*

Оформление обложки *Ю.В. Луценко*

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 27.09.2023. Формат 60х84 / 16.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 8,83

Тираж 100 экз. Заказ 599

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66